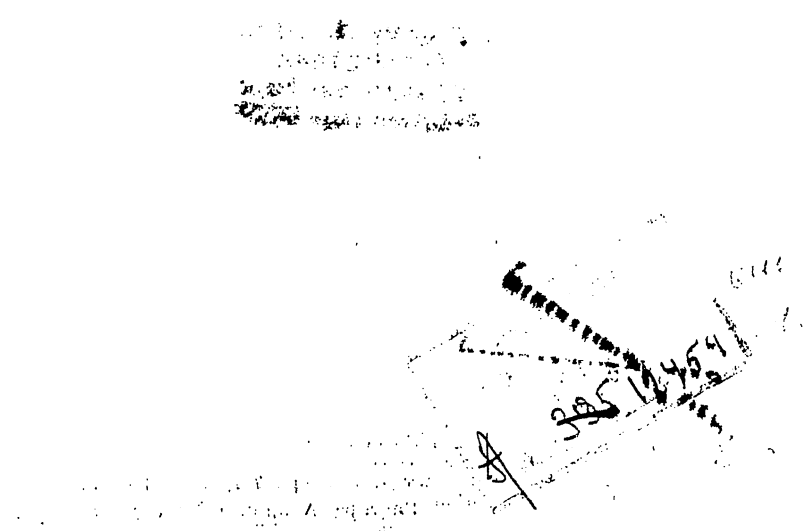
Проф. М. М. Тарѣевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ЭТИКИ.

СОЦІАЛИЗМЪ.

(нравственность и хозяйство).



НХ
Н3

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

356
53

Оттиски изъ Богословскаго Вѣстника.

Печатать разрѣшается. Декабря 7 дня 1912 года.
Ректоръ Академіи *Епископъ Ѳеодоръ*.

Предлагаемымъ очеркамъ мною поставлены двѣ задачи; изъ нихъ каждая достигается средствами, которыя могутъ показаться неумѣстными съ точки зрѣнія другой задачи.

Моя первая задача—подготовить, путемъ разсмотрѣнія проблемъ соціализма, рѣшеніе философскаго вопроса объ отношеніи нравственности къ хозяйству. Это рѣшеніе входитъ въ систему цѣльнаго міросозерцанія. Тѣхъ читателей, которые склонны смотрѣть въ корень вещей, любятъ оглядываться назадъ и заглядывать впередъ, я считаю долгомъ предувѣдомить, что настоящее изслѣдованіе о соціализмѣ *объединяется* общимъ надзаголовкомъ „Изъ исторіи этики“ съ другими однородными изслѣдованіями: „Церковное ученіе“ и „Раціонализмъ“, которыя не замедлятъ, при благопріятныхъ условіяхъ, появиться на свѣтъ, всѣ же эти изслѣдованія предваряются, уже приготовленною къ печати, работою „Оправданіе жизни. Введеніе въ исторію и теорію этики“ и завершаются системою нравственной философіи, надъ которою работаю одновременно съ названными изслѣдованіями. Говорю это для того, чтобы читатель зналъ—при встрѣчѣ съ недоумѣніями и при переходѣ къ окончательнымъ выводамъ,—куда ему обратиться и чего ждать.

Вторая моя задача—общее разсмотрѣніе соціалистической теоріи. Это я дѣлаю не только безотносительно къ первой задачѣ, входя въ подробности, которыя излишни для моихъ систематическихъ цѣлей, какъ, въ свою очередь, экскурсы, предпринимаемые мною въ интересахъ первой задачи, могутъ быть признаны роскошью для второй задачи, но и съ

намѣренною популярностью. Я иду навстрѣчу читателямъ широкаго круга,—лучше сказать, того опредѣленнаго отрѣзка этого круга, запросы котораго близко принимаю къ сердцу. Этой цѣли популярности я особенно надѣюсь послужить обиліемъ буквальныхъ выдержекъ изъ книгъ, на которыя приходится ссылаться. Поставленный въ рѣдко встрѣчающіяся счастливыя условія, такъ какъ имѣлъ возможность неограниченнаго пользованія книгами не только изъ богатой академической библіотеки, но и изъ библіотекъ Императорской Публичной и Румянцевской, которымъ и приношу здѣсь свою глубокую благодарность, заваленный, пресыщенный литературою своей темы, я не могу забыть о нуждахъ своихъ предполагаемыхъ читателей, которые не могутъ использовать и сотой доли бывшаго у меня богатства. Кто не знаетъ, какъ мучительны общія изложенія и глухія ссылки, если читатель не знакомъ съ подлинными сочиненіями, если для него безполезны указанія цитатъ,—кто не знаетъ, насколько важно читателю самому разобраться въ обсуждаемыхъ предметахъ, опереться на твердую почву въ своихъ выводахъ. Я не смотрю на свои цитаты, какъ на украшеніе своей книги, я хотѣлъ бы быть полезнымъ своему читателю,—и я не колеблюсь оставить нѣкоторыя страницы въ видѣ сырого матеріала, полагая къ тому же, что такой пріемъ не противорѣчитъ идеѣ труда, озаглавленнаго „Изъ исторіи".

Между этими двумя задачами, однако, нѣтъ антагонизма. Каждая изъ нихъ достигается попутно при исполненіи другой; обѣ онѣ сливаются въ одномъ планѣ обстоятельнаго изслѣдованія соціализма съ точки зрѣнія этико-исторической. Въ этомъ планѣ части имѣютъ разное значеніе: главное значеніе придается послѣдней, спеціальной части, а первая, общая, при всей своей громоздкости, имѣетъ въ моихъ глазахъ значеніе вводное.

Я отношусь къ соціализму отрицательно, и не могу относиться къ нему иначе по своимъ этико-религіознымъ убѣжденіямъ. Однако содержаніе и тонъ моей критики соціалистической системы не опредѣляются моими чувствами, моими личными симпатіями. Я надѣюсь стоять все время на уровнѣ логической объективности; я позволяю себѣ пользоваться лишь литературою, имѣющею научный авторитетъ, и аргументами, которые не должны вызывать омерзѣнія со

стороны противной партіи, оставляя за бортомъ, какъ ненужный и даже позорный хламъ, базарную письменность и агитаціонные пріемы; я не нахожу препятствій къ тому, чтобы сознательно проводить демаркаціонную линію между правдой соціализма и его ложью, считая послѣднюю достаточной для крушенія соціалистической системы и не видя нужды прибѣгать къ клеветѣ на правду. Въ общемъ градація моихъ отношеній къ соціализму представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ началѣ (во введеніи) я признаю *важными* тѣ проблемы, которыя соціализмъ поднимаетъ. Я не сталъ бы заниматься соціализмомъ, если бы не считалъ обсужденія затронутыхъ имъ проблемъ въ высшей степени плодотворнымъ. Далѣе я высказываюсь *индифферентно* объ утопическомъ планѣ соціалистическаго строя. Затѣмъ я обнаруживаю *научную несостоятельность* экономическаго ученія Маркса и признаю *философскую необоснованность* и *непродуманность* теоріи историческаго матеріализма. Наконецъ, самою слабою стороною въ соціализмѣ я считаю его этико-религіозные взгляды, съ которыми невозможенъ *никакой компромиссъ*, которымъ не можетъ быть сдѣлано *ни малѣйшей уступки*, причемъ центръ тяжести всей своей работы я полагаю въ этой послѣдней части, придавая всему предшествующему лишь вводное значеніе.

Тѣмъ читателямъ, которые изумятся, почему я съ перваго слова не прибѣгаю къ площадной ругани по адресу соціалистовъ и почему я вообще избѣгаю этого, многими излюбленнаго, пріема борьбы, я напомню, что никто не приноситъ такого вреда истинѣ, какъ тѣ, которые защищаютъ истину недостойными средствами. Долговременныя педагогическія наблюденія убѣдили меня, что клевета, замалчиванія, передержки, преувеличенія очень быстро разоблачаются, а по разоблаченіи вызываютъ, въ качествѣ реакціи, озлобленіе противъ самой истины, которую такъ нечисто защищаютъ. Критика болѣе обязываетъ къ порядочности и чистоплотности, чѣмъ какой-либо другой родъ литературы. Кто не довольствуется минутнымъ успѣхомъ, кто стоитъ въ сторонѣ отъ агитаціонныхъ цѣлей, кто хочетъ строить прочно и надолго, кто работаетъ надъ выработкой собственнаго міросозерцанія, тотъ долженъ употреблять только доброкачественный матеріалъ.

Бываетъ критика и критика. Бываетъ критика, которая ставитъ своею единственною задачею опровергать и отвергать какъ можно болѣе и даже все изъ того, что утверждаетъ противная сторона. Бываетъ другая критика, которая въ данной системѣ съ одинаковымъ усердіемъ отмѣчаетъ и истину и ложь, полагая, что къ крушенію несостоятельной системы ведутъ не только ложныя, но и ея истинныя положенія, создающія внутреннее противорѣчіе. Мы ниже убѣдимся, что для соціалистической системы самымъ характернымъ свойствомъ является внутренняя противорѣчивость, что вся эта система построена на неосознанномъ противорѣчіи *воззрѣній* механическаго и идеалистическаго, *принциповъ объясненія* каузальнаго и телеологическаго. Уже это одно показываетъ, насколько не примѣнима къ соціализму критика перваго рода, и вообще крайне несостоятельная.

ВВЕДЕНІЕ.

Проблема бѣдности и соціализмъ.

> Im Haushalt der reinen Wertlehre galt die Wirtschaft bisher als das Aschenbrödel; wenn die glücklicheren Schwestern im Schmucke zum Tanze fuhren, dann musste sie sich schelten lassen und daheim in der Küche sitzen; und doch, wenn der Königssohn sie erst einmal anschauen könnte.
>
> Seltsam ist es in der Tat und doch wieder auch leicht verständlich, wie wenig die idealistische Philosophie sich bisher um die Wirtschaft gekümmert hat. Wahrheit und Schönheit, Sittlichkeit, Recht und Religion, das sind ewige Werte, welche die ringende Menschheit emporziehen; aber Handel und Tausch, Betrieb und Verbrauch, das sind Niedrigkeiten, die den Menschen herabziehen und die, an sich wertlos, nur ertragen werden, um die Notdurft der Völker zu befriedigen. Der Gott im Menschen schafft das Gute und Wahre und Schöne, aber das hungrige und frierende Tier im Menschen schafft die Wirtschaft vom Hackbau und der Jagd des Wilden bis zu den Fabriken und Börsen einer zahmeren Menschenart. Reine Werte schöpferisch zu gestalten, bedeutet, sich über die wirtschaftliche Arbeit erheben; und der Philosoph, dessen Blick den Ideen der Weltentwicklung zugewandt ist, hat keinen Grund bei Markten und Handeln und gar beim eigennützigen Erwerb zu verweilen. Das alles schien so selbstverständlich, dass es kaum besonderer Begründung bedarfte; es genügte einfach, Wirtschaftsleben aus dem Gehege der Philosophie zu verbannen.
>
> H. Münsterberg Philosophie der Werte.

Соціализмъ, въ общемъ смыслѣ слова, представляетъ собою практическое и теоретическое рѣшеніе вопроса о бѣдности и богатствѣ, о борьбѣ съ бѣдностью и о равномѣрномъ, или справедливомъ, распредѣленіи богатства.

Бѣдность привлекаетъ къ себѣ вниманіе представителей

науки и общественныхъ дѣятелей, какъ страданіе наиболѣе характерное для человѣка, поскольку оно захватываетъ обѣ стороны человѣческаго существа—и тѣлесную и духовную.

Бѣдность несетъ человѣку тяжелыя тѣлесныя страданія. „Самая жестокая мука, какая только возможна, налагается крайней бѣдностью,—пишетъ Генри Джорджъ въ сочиненіи *Прогрессъ и бѣдность*.—Бѣдность, на которую съ прогрессомъ цивилизаціи осуждаются огромныя массы людей, не есть та свобода отъ суеты и соблазна, которой искали мудрецы и которую восхваляли философы: бѣдность это есть унижающее и оскотинивающее рабство, которое гнететъ болѣе высокія натуры, притупляетъ болѣе нѣжныя чувства и своей мукой понуждаетъ людей на поступки, отъ которыхъ отказались бы животныя“. „Бѣдность—говоритъ тотъ же авторъ въ одной изъ своихъ рѣчей—хуже холеры; бѣдность уничтожаетъ болѣе жизней, чѣмъ чума, даже въ самые счастливые годы. Загляните въ статистику смертности нашихъ городовъ; посмотрите, гдѣ жизнь имѣетъ наименьшую продолжительность, гдѣ малыя дѣти мрутъ, какъ мухи,—вы увидите, что въ болѣе бѣдныхъ кварталахъ. И человѣкъ, который смотритъ беззаботными глазами на безумную ярость этой чумы, человѣкъ, который ничего не предпринимаетъ для того, чтобы ослабить или уничтожить ее,—человѣкъ этотъ повиненъ въ преступленіи“.

Бѣдность не есть лишь физическое страданіе,—она есть вмѣстѣ съ тѣмъ страданіе духовное. Вопросъ о бѣдности—для нашего времени—не есть вопросъ объ отношеніи человѣка къ природѣ, но это вопросъ объ отношеніи людей другъ къ другу, вопросъ общественный, вопросъ о справедливости. Давящая современное общество бѣдность не отъ природы. По словамъ Севастьяна Фора,—„если огромная часть населенія лишена существенно необходимаго, то это происходитъ не отъ недостатка одежды, питательныхъ веществъ, жилищъ. Съ давнихъ поръ и нынѣ наше имущество позволяетъ полное удовлетвореніе всѣмъ этимъ потребностямъ. Если существуетъ множество невѣждъ и неграмотныхъ, то вовсе не потому, что человѣчество осуждено на умственный пауперизмъ. Причина всѣхъ этихъ физическихъ и умственныхъ страданій не въ природѣ; слѣдовательно, нужно ее искать въ другомъ мѣстѣ“. Вина и не въ инди-

видуумѣ. Конечно, тотъ или другой бѣднякъ можетъ быть самъ виноватъ въ своей бѣдности, какъ равно и богатства у тѣхъ или другихъ лицъ накапливаются и растутъ вслѣдствіе ихъ нечестности. Но наряду съ этою личною виною существуютъ причины бѣдности, которыя не находятся во власти бѣдняковъ, — существуетъ бѣдность не какъ результатъ невѣжества и личной вины, а какъ „мать невѣжества и кормилица преступленій“; равнымъ образомъ и капиталъ, помимо личной нечестности богачей, при современныхъ условіяхъ не можетъ не расти и не порабощать работниковъ. „Чрезвычайно трудно—читаемъ у Гобсона [1])—опредѣлить, въ какой мѣрѣ пьянство, пороки, лѣность и другіе личные недостатки дѣйствительно составляютъ причину бѣдности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Есть, однако, основаніе думать, что большая часть случаевъ крайней бѣдности и нищеты не можетъ быть приписана этимъ личнымъ порокамъ; напротивъ, она должна быть приписана причинамъ экономическимъ, за которыя лица, страдающія отъ бѣдности, не отвѣтственны“. Причины бѣдности со всѣми ея страданіями и послѣдствіями, поглощая личную вину человѣческую, коренятся въ общественно-экономическомъ строѣ. Генри Джорджъ справедливо называетъ бѣдность преступленіемъ: „бѣдность есть преступленіе не личное, а общественное, т. е. такое, за которое отвѣтственны всѣ мы, какъ бѣдные, такъ и богатые“. Мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Е. Дюрингомъ [2]): „крайне ошибочно полагать, что трудности жизни, съ которыми приходится бороться въ нынѣшнемъ обществѣ, и притомъ не только на низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, зависятъ отъ природнаго недостатка и отъ невозможности получить достаточное количество пищи. Какъ показываетъ въ особенности примѣръ Америки, такъ называемое излишнее населеніе происходитъ отъ ошибочной или недостаточной организаціи хозяйственной дѣятельности“. По изображенію современныхъ порядковъ Томасомъ Карлейлемъ, богатства нашего времени превышаютъ все, что видѣли прежнія времена, но никогда

---

1) *Problems of poverty=Проблемы бѣдности*

2) *Cursus der National—und Socialökonomie=Курсъ національной и соціальной экономіи.*

прежде богатство не доставляло такъ мало радости. „Среди полнокровнаго изобилія, народъ погибаетъ; среди золотыхъ стѣнъ и полныхъ житницъ, никто не чувствуетъ себя безопаснымъ и удовлетвореннымъ". Карлейль сравниваетъ наше богатство съ золотомъ Мидаса. „Мидасъ жаждалъ золота и оскорбилъ Олимпійцевъ. Онъ получилъ золото, такъ что все, къ чему онъ ни прикасался, дѣлалось золотомъ,—но ему, съ его длинными ушами, было немногимъ отъ того лучше... Сколько истины въ этихъ старинныхъ басняхъ!"

Весь ужасъ нашего времени въ томъ, что страданія бѣдности нынѣ идутъ нога въ ногу съ возрастаніемъ власти человѣка надъ природою, съ накопленіемъ въ обществѣ богатствъ. Проф. Уоллесъ, авторъ извѣстной книги „Чудесный вѣкъ", краснорѣчиво изображаетъ современную трагедію. „Чѣмъ болѣе наука открываетъ предъ нами безконечныя возможности человѣческаго благополучія, тѣмъ болѣе намъ приходится сознаться въ полнѣйшей нашей несостоятельности раціонально пользоваться ими. Имѣя въ своемъ распоряженіи все для того, чтобы снабдить людей предметами необходимости, комфортомъ и даже роскошью, и въ то же время обезпечить имъ полный досугъ для духовныхъ удовольствій и эстетическихъ наслажденій, мы, однако, такъ безбожно изуродовали наше общественное хозяйство, что неслыханную доселѣ и пагубную роскошь сдѣлали достояніемъ немногихъ, въ то время какъ милліоны людей принуждены страдать цѣлую жизнь отъ недостатковъ въ существенно необходимомъ для здороваго существованія. Въ теченіе послѣдней половины этого чудеснѣйшаго столѣтія (XIX), когда наука различными путями до такой степени расширила власть человѣка надъ природой, что нынѣ явилась возможность производить во сто разъ больше продуктовъ, чѣмъ въ любое изъ предыдущихъ столѣтій,—въ такое время страшная нужда въ предметахъ первой необходимости охватила не только абсолютно, но и относительно большее число нашего населенія, чѣмъ прежде". Одни страдаютъ отъ бѣдности, межъ тѣмъ какъ другіе не знаютъ, что̀ дѣлать съ накопленными богатствами, съ готовыми товарами. Фонъ-Кирхманъ [1]),—который болѣе извѣстенъ по

1) *Die Tauschgesellschaft.*

письмамъ къ нему знаменитаго Родбертуса [1]),—подыскалъ картинный образъ для сравненія нашихъ соціальныхъ бѣдствій. „Современное общество имѣетъ большое сходство съ группой путешественниковъ въ пустынѣ. Истомленные жаждой, они находятъ источникъ, достаточный для того, чтобы напоить всѣхъ и подкрѣпить ихъ силы; однако небольшое число людей набрасывается на самый истокъ ключа; изъ недоброжелательства они оставляютъ большинству только нѣсколько капель для утоленія жажды; сами они пьютъ большими глотками, но источникъ даетъ больше воды, чѣмъ они могутъ выпить, и изъ пресыщенія и недоброжелательства этой кучки людей половина текущей воды уходитъ въ песокъ".

Вопросъ общественно-экономическій, какъ вопросъ о страданіяхъ и о справедливости, стоитъ въ центрѣ научныхъ и общественныхъ интересовъ. Всѣ виды дѣятельности, какъ тотъ, который имѣетъ цѣлью матеріальное благоденствіе, такъ и тотъ, который направляется на удовлетвореніе духовныхъ запросовъ, одинаково наталкиваются на этотъ вопросъ. Искусство для своего процвѣтанія, религія для вліянія на народъ, политика для своей успѣшности должны принимать живое участіе въ рѣшеніи соціальной проблемы [2]).

---

[1]) Sociale Briefe an Kirchmann. См. 2 (и 3) письмо *Zur Beleuchtung der socialen Frage=Къ освѣщенію соціальнаго вопроса.*

[2]) Фр. Г. Пибоди *The approach to the social question—an introduction to the study of social ethics:* Art, if it is to flourish, must concern itself with the problems of the common life and contribute to the happiness and solace of the masses of men; religion, if it is to control modern life, must add to its ministry to the single soul the redemption of the social world; and democracy, having won its political victory, has now before it a further conflict with feudalism, paternalism, and privilege entrenched in their industrial strongholds. The ideals of other ages—aesthetic, religious, and political find themselves reproduced and comprehended in the new ideal of a better world which marks the age of the Social Question.— Шэффле *Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft* § 22: Die National-Oekonomie vermag zu zeigen, dass eben die specifisch wirthschaftliche Untugend, d. h. Volksunwirthschaftlichkeit im Einzelnen und im Ganzen, Folge sittlich defecter Gesammtzustände ist, dass der Materialismus zu keiner vollendeten und nachhaltigen Volkswirthschaft gelangen kann. Die christliche Ethik sollte endlich um ihrer selbst willen die rigorose Verachtung der Volkswirthschaft fahren lassen und vielmehr ihre Geltung gerade für Volkswirthschaft nachweisen.

Наше время внимательно къ общественно-экономическому вопросу несравненно болѣе, чѣмъ какое-либо изъ прежнихъ временъ [1]). Для объясненія этого нѣтъ нужды предполагать, что нынѣ соціальная жизнь по количеству и остротѣ страданій стала болѣе невыносимою сравнительно съ прошлыми временами, что нынѣ возрасли физическія страданія бѣдности. Справедливо скорѣе обратное. Хорошо извѣстно, что нынѣ народной массѣ доступны такія блага культуры, о которыхъ раньше не мечтали даже цари, что въ среднемъ итогѣ самые низшіе классы въ культурномъ обществѣ и наименѣе культурные изъ европейскихъ народовъ не столь безпомощны предъ лицемъ бѣдствій, какъ было въ старину или какъ теперь безпомощны некультурные народы. Адамъ Смитъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи [2]) справедливо пишетъ: „разумѣется, имущество его (т. е. бѣднаго человѣка изъ нашего общества, какого-нибудь поденщика, ремесленника) окажется весьма просто и обыкновенно, если сравнить его съ необычайною роскошью какого-либо богатаго господина, тѣмъ не менѣе между домашнею утварью какого-нибудь европейскаго государя и утварью трудолюбиваго и порядочнаго крестьянина, быть можетъ, окажется меньшее разстояніе, чѣмъ между обстановкою послѣдняго и обстановкою какого-нибудь африканскаго короля, царствующаго надъ десятью тысячами нагихъ дикарей и произвольно распоряжающагося ихъ свободою и жизнью“. То же читаемъ у Рошера [3]). „Что вмѣстѣ съ ростомъ экономической культуры положеніе самаго низшаго класса вообще становится лучше, абсолютно лучше,—это исторически несомнѣнно. Если бы мы услыхали теперь о такихъ жилищахъ бѣдняковъ, которыя были бы устроены столь неплотно, что для защиты отъ вѣтра при-

---

[1]) Впрочемъ нужно избѣгать преувеличеній. Находятъ даже возможнымъ говорить, что экономическій вопросъ въ древности ставился съ такою же остротою, какъ и нынѣ. P. Guiraud *Études économiques sur l'antiquité:* Les questions économiques avaient, dans les sociétés antiques comme dans la nôtre, une importance prépondérante etc.

[2]) *An inquiry into the nature and causes of the Wealth of nations=Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ.*

[3]) *System der Volkswirthschaft* томъ пятый: *System der Armenpflege und Armenpolitik=Система призрѣнія бѣдныхъ и мѣропріятій противъ бѣдности.*

ходилось бы закрывать стѣны платками, а свѣчи ставить въ фонари, то мы были бы возмущены. Между тѣмъ во время Альфреда Великаго († 901 года) даже королевскіе дворцы были столь несовершенны. Примасъ Англіи Ѳома Беккетъ выказывалъ роскошь въ томъ, что зимой приказывалъ ежедневно устилать свои комнаты чистымъ сѣномъ или соломой, а лѣтомъ зелеными вѣтками, чтобы гости, не помѣщавшіеся за столомъ, не испортили себѣ платья, сидя на грязномъ полу. Если сравнить жилище, пищу и одежду теперешнихъ германскихъ солдатъ со временемъ Фридриха Великаго, то легко можно признать, какіе большіе успѣхи сдѣлалъ самый низшій режимъ жизни“ [1]). Въ частности, положеніе фабричныхъ рабочихъ въ Западной Европѣ значительно измѣнилось къ лучшему послѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія [2]). И поэтому, хотя до самаго послѣдняго времени бѣдность порождаетъ не мало ужасныхъ фактовъ, отъ которыхъ холодѣетъ человѣческое сердце, ихъ было бы недостаточно, чтобы при общемъ фонѣ повышеннаго благосостоянія народныхъ массъ, поставить соціальный вопросъ въ центрѣ всеобщаго вниманія. До самаго послѣдняго времени возможны факты голодной смерти въ большихъ городахъ, убійства родителями дѣтей, ради полученія

---

[1]) Рикардо *On the principles of political economy and taxation=Начала политической экономіи:* „Многія изъ тѣхъ удобствъ, которыми въ настоящее время располагаетъ жилище англійскаго рабочаго, считались бы предметами роскоши въ отдаленныя времена нашей исторіи“.

[2]) Къ этому вопросу мы вернемся ниже. Марксизмъ тенденціозно проглядѣлъ фактъ повышенія благосостоянія рабочихъ въ общемъ. Онъ ошибочно думаетъ, что для наступленія соціализма болѣе благопріятно угнетенное состояніе рабочихъ. На самомъ дѣлѣ повышеніе благосостоянія низшихъ классовъ нужно считать въ числѣ условій соціалистическаго движенія рабочихъ. Безпристрастные мыслители это понимаютъ. Такъ Э. ф. Гартманъ въ *Die sozialen Kernfragen* пишетъ: Die Unzufriedenheit der Besitzlosen... heute stärker ist als je zuvor, weil ihre Lage heute relativ besser und damit ihre Energie heute grösser ist als je zuvor... Припомнимъ извѣстное наблюденіе А. Токвиля *(Старый порядокъ и революція):* „Не всегда начинается революція при переходѣ отъ зла еще къ большему злу; чаще народъ, перенесшій, не жалуясь и какъ будто не чувствуя, законы самые тягостные, вдругъ отбрасываетъ ихъ, какъ только облегчена тяжесть. Зло, терпѣливо переносимое до сихъ поръ, какъ неизбѣжное, кажется невыносимымъ съ появленіемъ мысли объ избавленіи отъ него“.

страховыхъ грошей, и продажи дѣтскаго тѣла, возможны невѣроятно тяжелые промыслы, какъ промыслъ рудокоповъ, возможны бѣдствія безработицы, дѣтскій трудъ на фабрикахъ, потогонная система (sweating system), зловонные ночлежные дома, рынокъ рабынь веселія [1]) и т. п. Не количество этихъ фактовъ, не та видимая боль, о которой они свидѣтельствуютъ, придаютъ нынѣ соціальному вопросу универсальную форму, дѣлаютъ его основнымъ вопросомъ нашего времени, дѣлаютъ наше время вѣкомъ соціальнаго вопроса [2]).

Для объясненія современной остроты и широты этого вопроса слѣдуетъ принять во вниманіе повышенную чувствительность къ страданіямъ въ людяхъ нашего времени, которая въ свою очередь зависитъ не только отъ физіологическихъ результатовъ культуры, отнявшей у насъ выносливость дикарей и легко прививающей людямъ нашего времени множество новыхъ потребностей, сколько отъ измѣнившихся взглядовъ на жизнь. Загробныя ожиданія нынѣ потускнѣли и для многихъ вовсе не существуютъ, повсюду распространяется сознательная жажда земного счастья, „земного рая“. Девизомъ нашего времени могутъ служить извѣстные стихи Гейне:

Ein neues Lied, ein besseres Lied,
O Freunde, will ich euch dichten:
Wir wollen hier auf Erden schon
Das Himmelreich errichten.
Wir wollen auf Erden glücklich sein,
Und wollen nicht mehr darben;
Verschlemmen soll nicht der faule Bauch,
Was fleissige Hände erwarben.

---

[1]) О соціальныхъ бѣдствіяхъ Европы XIX вѣка можно читать у Карлейля, Генри Джорджа, Энгельса *Положеніе рабочаго класса въ Англіи*, Маркса *Капиталъ* т. 1, С. Фора *Міровая скорбь*, Маккая *Анархисты*, Бюре *La misère des classes laborieuses en Angleterre et en France*, Гельда *Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands*, Бутса *Life and Labor of the People in London*, Гобсона *Problems of poverty. The problem of the unemployed=Проблемы бѣдности и безработицы*, Шиппеля *Современная бѣдность и современное перенаселеніе*.

[2]) Проф. Пибоди *Jesus Christ and the social question* (among human interests the social question is just now central and commanding); *The approach to the social question* (it is the age of the Social Question).

Es wächst hinieden Brod genug
Für alle Menschenkinder,
Auch Rosen und Myrten, Schönheit und Lust,
Und Zuckererbsen nicht minder.
Ja, Zuckererbsen für Jedermann,
Sobald die Schoten platzen!
Den Himmel überlassen wir
Den Engeln und den Spatzen [1]).

Къ этой жаждѣ и пристаетъ соціализмъ, выражая ее наиболѣе откровенно. „Соціалистъ—по словамъ Бакунина—имѣетъ опорой свое положительное право на жизнь со всѣми ея наслажденіями, какъ интеллектуальными и моральными, такъ и физическими. Онъ любитъ жизнь и хочетъ насладиться ею вполнѣ; его убѣжденія—часть его самого, его обязанности по отношенію къ обществу неразрывно связаны съ его правами. Чтобы соблюдать и тѣ и другія, онъ долженъ жить согласно съ справедливостью, какъ Прудонъ, и быть готовымъ умереть, какъ Бабёфъ, но онъ никогда не скажетъ, что человѣческая жизнь должна быть самопожертвованіемъ и что смерть—самое сладкое". Вейтлингъ, портной-соціалистъ, своей книгѣ Garantien der Harmonie und Freiheit предпослалъ слѣдующій эпиграфъ: „мы хотимъ быть свободными, какъ птицы небесныя; мы хотимъ, подобно имъ, прожить жизнь счастливо, беззаботно и въ сладкой гармоніи". Жюль Гэдъ выразился наиболѣе кратко и энергично, сказавъ: nous sommes le parti du ventre.

Эта привязанность къ землѣ и забвеніе небесныхъ идеаловъ у низшихъ классовъ, конечно, развиваютъ только стремленіе къ довольству; въ то же время у богатыхъ классовъ такая психика сопровождается неслыханнымъ прежде сребролюбіемъ, стяжательностью. Богатство сдѣлалось цѣлью, ради которой забывается все остальное. И всегда богачи

---

[1]) „Новую пѣснь, лучшую пѣснь пропою вамъ, друзья: уже здѣсь на землѣ хотимъ мы устроить небесное царство. Мы хотимъ быть счастливыми уже на землѣ и не терпѣть нужды; того, что добыли прилежныя руки, не должно поглощать лѣнивому брюху. На землѣ растетъ хлѣба достаточно для всѣхъ людей, много и розъ и миртъ, красоты и утѣхъ и сладкаго горошку. Да, достанется каждому сладкій горошекъ, лишь только лопнутъ стручки, а небо мы уступимъ ангеламъ и воробьямъ".

были жадны, сребролюбивы, но никогда прежде эта страсть не обнаруживалась съ такою наглостью, неприкровенностью, исключительностью. Такъ по наблюденію Токвиля, въ XVIII столѣтіи „люди высшихъ сословій старались болѣе украсить свою жизнь, чѣмъ сдѣлать ее удобною для себя, жаждали славы, а не богатства“. Не такою представляется жизнь наблюдателю современной жизни. Изъ всѣхъ современныхъ экономистовъ Ад. Вагнеръ [1]) наиболѣе внимательно останавливается на вопросѣ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности. Онъ находитъ, что эти мотивы очень разнообразны: хозяйство опредѣляется мотивами какъ эгоистическими, такъ и не-эгоистическими. Мотивы эгоистическіе составляютъ цѣлую группу: первый изъ нихъ—стремленіе къ личной хозяйственной выгодѣ (Streben nach dem eigenen wirthschaftlichen Vortheil und Furcht vor eigener wirthschaftlicher Noth), второй —страхъ предъ наказаніемъ и надежда на признательность (Furcht vor Strafe und Hoffnung auf Anerkennung), третій—чувство чести (Ehrgefühl, Geltungsstreben und Furcht vor Schande und Missachtung), четвертый—влеченіе къ активности и отвращеніе къ бездѣйствію (Drang zur Bethätigung und Freude am Thätigsein, auch an der Arbeit als solcher, und an den Arbeitsergebnissen als solchen, sowie Furcht vor den Folgen der Unthätigkeit—Passivität). Всѣ эти мотивы разнообразно сплетаются, вліяя другъ на друга, а ихъ комбинація видоизмѣняется въ разные періоды исторіи, дифференцируется отъ народа къ народу, отъ класса къ классу. Обозрѣвая съ этой точки зрѣнія наше время, Вагнеръ находитъ, что нынѣ дѣйствуютъ почти исключительно эгоистическіе мотивы, а изъ нихъ почти исключительно первый мотивъ. Голая жажда пріобрѣтенія, пріобрѣтенія во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами, пріобрѣтенія ради пріобрѣтенія — нынѣ господствуетъ надъ всѣмъ [2]). Не прикрашенное ника-

---

[1]) *Grundlegung der politischen Oekonomie* I (3 Aufl.).

[2]) Die öffentliche Meinung und das sittliche Gefühl jedes Einzelnen stumpft ab, die Art des *Erwerbs*, des *Verbrauchs* wird gleichgiltig. „Gelderwerb um jeden Preis“, auch um den der Ehre, des Anstands, des Gewissens, „Gelderwerb auf jede Art“, auch durch wildeste Speculation, durch grösste Ausbeutung Anderer, durch sittlich bedenklichste Mittel mit den traurigsten Folgen für Andre, auf hässlichsten Wegen, „Gelderwerb in möglichster Höhe“, auch weit über den eigenen Bedarf, über ein vernün-

кою вуалью, не прикрытое никакимъ фиговымъ листкомъ, накопленіе богатствъ находитъ себѣ единственный исходъ въ физіологическомъ наслажденіи. Жизнь современныхъ богачей, денежной аристократіи—поражаетъ небывалою прежде, сказочною роскошью. Въ ихъ распоряженіи находятся всѣ блага жизни, усовершенствованныя и утонченныя новѣйшей техникой, а современное матеріалистическое направленіе умовъ развязываетъ руки денежной аристократіи въ пользованіи этими благами. Нынѣ богачи смотрятъ на свое богатство и пользуются имъ крайне упрощенно,—и богатство болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, служитъ источникомъ крайняго развращенія нравовъ. Лебонъ, авторъ интересной книги *Психологія соціализма*, обращаетъ вниманіе читателей на эти грустные результаты владычества денегъ. „Всеобщая погоня за богатствомъ повела къ общему пониженію нравственности и ко всѣмъ его послѣдствіямъ. Наиболѣе ярко выразилось это пониженіе въ умаленіи престижа буржуазіи въ глазахъ низшихъ общественныхъ слоевъ. Буржуазія постарѣла въ одинъ вѣкъ настолько, насколько аристократія за тысячелѣтіе. Буржуазія вырождается ранѣе, чѣмъ въ третьемъ поколѣніи, и освѣжается лишь постояннымъ приливомъ элементовъ низшей расы. Буржуазное общество можетъ завѣщать своимъ дѣтямъ богатство, но какъ оно передастъ потомству случайныя качества, которыя только вѣками могутъ быть упрочены въ потомствѣ? Крупныя состоянія смѣнили собою наслѣдственный геній, наслѣдственныя дарованія, но эти состоянія слишкомъ часто переходятъ къ жалкимъ потомкамъ. И вотъ, быть можетъ, наглое тщеславіе крупныхъ богачей и манера ихъ тратить свои средства болѣе всего способствовали развитію соціалистическихъ идей“. Весь режимъ богачей, вся эта выставка

---

ftiges Maass des Verbrauchs, der Lebensweise, der Vermögensbildung, der berechtigten Zukunftsfürsorge für sich und die Seinen hinaus, „Geldverbrauch zu frivolster, thörichster Genusssucht und Eitelkeit“—das werden die Zielpunkte. Die Generationen werden von Jugend auf damit bekannt, daran gewöhnt, alle Classen und Stände der Bevölkerung wachsen in diesen Anschauungen auf und machen dieselben zu den ihrigen. Classen, Stände, Einzelne, welchen nicht die materiellen Mittel der in Concurrenzkampf Obsiegenden zu Gebote stehen, werden gegen letztere mit Neid und Hass erfüllt.

богатства, тщеславная видимость роскоши, какъ бы, разсчитаны на то, чтобы, питая въ однихъ чувство гордости, непрерывно дразнить въ низшихъ классахъ чувство зависти [1]).

Развращенность частной жизни богачей, наглость расходованія богатства—нынѣ, какъ это ни странно на первый взглядъ, мирно сочетаются съ дѣловою корректностью, съ юридической порядочностью отношеній капиталистовъ и предпринимателей къ рабочимъ, служащимъ и покупателямъ. Каковъ бы ни былъ по своимъ нравственнымъ качествамъ предприниматель, жизнь вынуждаетъ его вести „дѣло“ честно и открыто—уже во имя успѣшности дѣла, во имя личныхъ интересовъ. Мошенничество нынѣ стыдливо прячется и даже совсѣмъ удаляется изъ дѣловой сферы, какъ пріемъ невыгодный. Это обстоятельство имѣетъ тотъ важный результатъ, что бѣдствія, которыя выпадаютъ на долю всѣхъ страдающихъ отъ капитала—рабочихъ, покупателей, не могутъ быть приписаны случайнымъ условіямъ, личной недобросовѣстности капиталиста, но неизбѣжно приписываются господствующей экономической системѣ. Такъ оцѣнивается это обстоятельство Энгельсомъ [2]). „Законъ политической экономіи таковъ, что, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства, мелкія мошенничества и надувательства, характеризующія болѣе низкія ступени его, постепенно исчезаютъ. Жульническія продѣлки польскаго еврея, низшаго типа европейскаго торговца,—продѣлки, которыя оказываютъ такія прекрасныя услуги на родинѣ, измѣняютъ ему, какъ только онъ попадаетъ въ Гамбургъ или Берлинъ. Коммиссіонеръ, все равно—христіанинъ или еврей, пріѣзжающій изъ Гамбурга или Берлина въ Манчестеръ, точно также убѣждается, что, для выгодной продажи пряжи или тканей, ему надо прежде

---

[1]) W. Roscher *Grundlagen der Nationalökonomie (System der Volkswirthschaft* B. 1): Wo Reichthum und Armuth durch eine Kluft getrennt sind, welche der Arme gar keine Hoffnung hat je zu überfliegen: wie ungemilder wird da der Stolz auf der einen Seite, der Neid auf der andern wüthen! Nun gar in den Brennpunkten der Volkswirthschaft, den grossen Städten, wo sich dem tiefsten Elende ganz dicht zur Seite der frechste Luxus stellt, und das Elend selbst, seine Massenhaftigkeit erkennend, sich gegenseitig aufhetzt. Schon die blosse auffällige Kleinzahl der Besitzenden muss die Opposition verschärfen.

[2]) *Die Lage der arbeitenden Klasse in England=Положеніе рабочаго класса въ Англіи.*

всего отложить въ сторону жалкіе мошеннические пріемы, считающіеся верхомъ коммерческой мудрости на его родинѣ... Въ той же мѣрѣ, въ какой развивалась крупная промышленность, повышался также, по крайней мѣрѣ, по внѣшности нравственный уровень ея представителей. Конкурренція фабрикантовъ съ помощью мелкихъ надувательствъ рабочихъ становилась невозможной; промышленность переросла такія жалкія средства полученія прибыли; время милліонера-фабриканта было слишкомъ дорого для того, чтобы тратить его на пустяки. Мелкимъ надувательствомъ промышляли только люди безденежные, которымъ приходилось дорожить каждымъ грошомъ, чтобы не погибнуть отъ конкурренціи. Далѣе. Чѣмъ крупнѣе промышленное предпріятіе, чѣмъ больше въ немъ занято рабочихъ, тѣмъ болѣе убытки и непріятности при всякомъ столкновеніи съ послѣдними. Поэтому съ теченіемъ времени фабрикантовъ, особенно крупныхъ, обуялъ совсѣмъ новый духъ. Они научились избѣгать ненужныхъ споровъ, научились считаться съ существованіемъ и силой трэдъ-юніоновъ, и въ концѣ концовъ открыли, что стачки, конечно своевременныя, очень дѣйствительное средство для достиженія ихъ собственныхъ цѣлей. Такимъ-то образомъ крупнѣйшіе фабриканты, бывшіе прежде руководителями въ борьбѣ съ рабочимъ классомъ, сдѣлались теперь усердными проповѣдниками мира и гармоніи. Въ глазахъ крупныхъ промышленниковъ мелкія прижимки прежнихъ временъ не только потеряли всякое значеніе, но сдѣлались прямо помѣхой дѣлу. Такимъ образомъ самое развитіе капиталистическаго производства повело къ устраненію мелкихъ прижимокъ, которыя въ прежнее время ухудшали положеніе рабочихъ. Благодаря этому все яснѣе обозначается важный фактъ, что причина тяжелаго положенія рабочаго класса заключается не въ мелкихъ злоупотребленіяхъ, а въ *самомъ капитализмѣ*“.

И намъ теперь нужно остановить свое вниманіе на капитализмѣ, на капиталистической, или денежной, системѣ производства, которая даетъ послѣднее объясненіе современному соціальному движенію. Говоря иначе, намъ нужно опуститься въ самый нижній этажъ современной соціальной жизни, который лежитъ въ основѣ отмѣченной психики богатыхъ и бѣдныхъ классовъ общества.

Современное капиталистическое производство радикально отличается отъ господствовавшаго въ древности и въ средневѣковье натуральнаго хозяйства и ремесленнаго производства [1]). Натуральное хозяйство характеризовалось тѣмъ, что производитель и потребитель сливались въ одномъ лицѣ. Каждая хозяйственная единица (οἶκος, familia, manor) все для нея потребное производила сама („самопроизводительное имущество"), и производила она лишь то, что было нужно для ея потребностей. Отсюда занятія каждаго работника были сложны и разнообразны, занятія же всѣхъ отдѣльныхъ хозяйствъ были вполнѣ схожи, а потребности ихъ были не только въ существенномъ подобны, различаясь по степени изобилія [2]), но и просты—сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ, такъ что оставался меньшій просторъ для различій въ жизни богатыхъ и бѣдныхъ хозяйственныхъ группъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не было мотивовъ и для значительныхъ торговыхъ сношеній между замкнутыми хозяйствами, и торговля почти ограничивалась предметами роскоши. Въ постепенно отдѣлившемся отъ земледѣлія и получившемъ самостоятельное значеніе городскомъ ремеслѣ производство обособилось отъ потребленія и распалось на отдѣльныя спеціальности. Ремесленникъ уже работалъ для рынка, для потребителей. Но старое ремесленное производство значительно отличалось отъ современнаго производства. Такъ какъ ремесло пользовалось несложными и немногочисленными орудіями, пріобрѣтеніе которыхъ требовало незначительной затраты капитала, то ремесленное хозяйство обычно велось въ ничтожныхъ размѣрахъ и представляло собою самостоятельное предпріятіе. Мастеръ былъ самостоятельнымъ хо-

---

[1]) Ср. классификацію формъ общественнаго хозяйства у Бюхера *Die Entstehung der Volkswirtschaft=Происхожденіе народнаго хозяйства.*

[2]) „Въ древности дѣленіе національнаго имущества было только *количественное,* различное только по *величинѣ* частей, которыя по большей части опредѣлялись размѣрами землевладѣнія, такъ какъ этимъ обусловливалось количество рабовъ и остального движимаго имущества... Поэтому въ древности—въ хозяйственной области не существовало никакого другого противоположенія, какъ бѣдный и богатый, которое въ современномъ обществѣ не имѣетъ уже преобладающаго значенія". Родбертусъ *Untersuchungen auf dem Gebiete der National-Oekonomie des klassischen Alterthums=Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности.*

зяиномъ, онъ былъ собственникомъ орудій производства, самъ закупалъ сырой матеріалъ и сбывалъ продукты производства. „Работникъ и его средства производства оставались соединенными другъ съ другомъ, какъ улитка съ своей раковиной“ (Марксъ). Руководитель производства и рабочій совмѣщались въ одномъ лицѣ, трудъ не былъ отдѣленъ отъ капитала. Этотъ характеръ ремесленнаго производства долгое время поддерживался цеховой организаціей. Но оно должно было уступить напору капитала, который сталъ накопляться въ Европѣ уже со времени крестовыхъ походовъ, установившихъ прочное торговое сношеніе Европы съ Востокомъ, а еще болѣе того вслѣдствіе открытій Америки и морского пути въ Индію, расширившихъ границы торговли и привлекшихъ въ Европу громадное количество золота. Это было причиною въ аграрной области замѣны мелкихъ земледѣльцевъ классомъ крупныхъ фермеровъ-капиталистовъ и обезземеленія сельскаго населенія, а въ обрабатывающей промышленности перехода ремесленнаго производства въ производство мануфактурное. Въ послѣднемъ уже обозначились нѣкоторыя черты, вполнѣ развившіяся въ позднѣйшемъ—капиталистическомъ производствѣ, именно отдѣленіе капитала отъ труда, предпринимателя отъ работника, и крайнее дробленіе занятій. Изобрѣтеніе машинъ произвело въ производствѣ ту реформу, что на мѣсто *возможности* примѣненія капитала къ производству, которая уже осуществлялась въ мануфактурѣ, появилась *необходимость* капитала. Дорого стоющая машина требуетъ затраты большого капитала и окупается лишь при широкомъ размѣрѣ производства, вызывающемъ значительное скопленіе рабочихъ рукъ. Рѣшительное паденіе мелкаго ручного промышленнаго труда, который уже не могъ конкуррировать съ фабричнымъ производствомъ, въ союзѣ съ обезземеленіемъ народныхъ массъ—дало безспорное господство крупному фабричному производству съ обширнымъ классомъ промышленныхъ рабочихъ, пролетаріатомъ, создавшимъ наиболѣе характерныя особенности въ современномъ отношеніи между богатствомъ и бѣдностью. Въ своей исторіи фабричный пролетаріатъ пережилъ тяжелыя условія физическаго существованія—длинный рабочій день, невыносимыя жилища, малую заработную плату, дѣтскій трудъ. Физическія условія рабо-

чихъ въ наши дни замѣтно измѣнились къ лучшему. Но не измѣнились и не могутъ измѣниться ни отъ какихъ реформъ существенныя черты капиталистическаго производства, денежнаго хозяйства, выработывающія психическое настроеніе, общее для наемныхъ рабочихъ, получающихъ не менѣе, чѣмъ университетскіе профессора, и голодающихъ рабочихъ, сливающихся съ нищими. Въ капиталистической системѣ хозяйства отдѣленіе капитала отъ труда реализовалось до послѣдней крайности. Рабочій не имѣетъ никакихъ средствъ къ существованію кромѣ своего труда, своей рабочей силы. Такъ какъ трудъ можетъ быть производительнымъ лишь подъ условіемъ соединенія его съ вещественными факторами производства, то рабочій оказывается въ полной зависимости отъ того, кто обладаетъ орудіями производства. Будучи юридически вполнѣ свободнымъ, отдавая свой трудъ по свободному найму, рабочій экономически оказывается въ полномъ рабствѣ у руководителей производства. Простой отказъ ему со стороны фабричной администраціи, хотя бы то было вслѣдствіе вынужденнаго сокращенія размѣровъ производства, ставитъ рабочаго въ безвыходное положеніе. И даже имѣя работу, онъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ слѣдующемъ днѣ. Рѣзкій контрастъ между богатствомъ и бѣдностью въ предѣлахъ одного промышленнаго хозяйства, подчеркиваемый рѣжущей глаза роскошью капиталистовъ-предпринимателей, невольно заставляетъ рабочій пролетаріатъ оцѣнивать роль своего труда въ созданіи богатства руководителей предпріятія. Весь строй денежнаго производства служитъ яркимъ выраженіемъ того, что коллективный трудъ рабочихъ создаетъ богатство одного предпринимателя, что предпринимательскій капиталъ растетъ на счетъ рабочихъ. Неотъемлемое и самое характерное свойство капитализма, современнаго денежнаго хозяйства, состоитъ въ томъ, что капиталистъ-предприниматель богатѣетъ на счетъ рабочихъ.

Иллюстрируемъ теперь эту схему капитализма болѣе яркими картинами, изображающими дѣло такъ, какъ оно представляется со стороны пролетаріата и его сторонниковъ. Вѣдь наша задача—понять современную проблему бѣдности, понять, какъ нынѣ ставится соціальный вопросъ въ живой дѣйствительности, въ видѣ взглядовъ и чувствованій жи-

выхъ людей, понять, въ чемъ ихъ интересы, желанія, каковы ихъ притязанія. Намъ пока совершенно нѣтъ нужды устанавливать различіе между справедливостью объективной и субъективнымъ чувствомъ справедливости, нѣтъ нужды оцѣнивать притязанія чувства субъективной справедливости, рѣшать вопросъ о примѣнимости этической точки зрѣнія къ соціальнымъ отношеніямъ. Мы пока констатируемъ то, что̀ есть въ дѣйствительности, вникаемъ въ смыслъ современныхъ рѣчей, въ содержаніе думъ и чувствованій современныхъ бѣдняковъ, рабочаго класса, пролетаріата.

Это фактъ, что богатства капиталистовъ-предпринимателей не могли бы рости безъ труда рабочихъ. „Никакое частное капитальное имущество—читаемъ мы у Ротбертуса [1])—не могло бы значительно увеличиться, если бы каждый капиталистъ оставался собственникомъ только своего собственнаго продукта. Насколько производительнѣе въ настоящее время трудъ по сравненію съ прежнимъ! Тѣмъ не менѣе даже въ настоящее время никто не могъ бы пріобрѣсти большого капитальнаго имущества, если бы получалъ прибыль только съ капитала, могущаго занять однѣ его личныя рабочія силы, и притомъ не потому, что капиталъ и, слѣдовательно, прибыль были бы малы, но потому, что онъ получалъ бы въ качествѣ прибыли часть продукта труда единственнаго рабочаго, именно себя самого. Точно также никто не можетъ получить большой прибыли и увеличить этимъ путемъ свое имущество, какимъ бы большимъ капиталомъ онъ ни владѣлъ, если только онъ одинъ работаетъ при посредствѣ этого капитала. Наоборотъ, лицо получаетъ тѣмъ большую прибыль и тѣмъ болѣе можетъ увеличить свое имущество, чѣмъ большему числу рабочихъ оно даетъ работу, ибо тѣмъ большее число разъ оно получаетъ долю прибыли отъ продукта единичнаго рабочаго“.

Подчеркиваемая контрастомъ между богатствомъ капиталиста и бѣдностью пролетаріата, эта истина до послѣдней степени дѣлается убѣдительною и тягостною для пролетаріата вслѣдствіе того обстоятельства, что капиталъ, вложенный въ предпріятіе, растетъ, и ростъ капитала происходитъ осязательно на глазахъ рабочихъ. И это дѣлаетъ возмож-

---

[1]) *Zur Beleuchtung der socialen Frage=Къ освѣщенію соціальнаго вопроса.*

ными такія рѣчи, какъ популярная рѣчь Либкнехта къ рабочимъ. „*Продуктъ труда* всѣхъ людей, при пользованіи одинаковыми орудіями производства—что̀, конечно, всегда бываетъ у одного и того же народа—приблизительно одинъ и тотъ же и, слѣдовательно, если бы каждый человѣкъ получилъ продуктъ индивидуальнаго труда, то всѣ имѣли бы приблизительно одинаковую собственность. Но, какъ вамъ—говорилъ Либкнехтъ рабочимъ—извѣстно, этого не существуетъ въ дѣйствительности, напротивъ, существуетъ полнѣйшее неравенство. Почему такъ? Вы, друзья мои, находясь въ фабричномъ городѣ, имѣете прекрасный случай наблюдать, какъ происходитъ общественное неравенство. Каждый изъ насъ знаетъ какого-нибудь фабриканта, и видѣлъ, какъ онъ богатѣетъ. Возьмемъ, напримѣръ, господина Циммермана изъ Хемница, истинно примѣрнаго буржуа, о которомъ вы всѣ навѣрное слышали: двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ онъ явился въ Хемницъ такимъ же бѣднымъ какъ самый бѣдный изъ насъ; ему удалось собрать небольшой капиталъ; въ то время крупная промышленность еще не была такъ развита, а капиталъ не такъ концентрированъ въ однѣхъ рукахъ, и можно было съ сотней талеровъ начать предпріятіе, для чего нынѣ недостаточно цѣлыхъ тысячъ. Счастье ему улыбнулось, т. е. онъ получилъ заказы, которые исполняли нанятые имъ рабочіе, исключая той части, которая приходилась на его собственную долю, между прочимъ, не бо́льшая, чѣмъ часть, приходившаяся на отдѣльныхъ рабочихъ, такъ какъ общеизвѣстно, что способности господина Циммермана ни въ какомъ случаѣ не были выше средняго. Такимъ образомъ, у господина Циммермана была сначала дюжина рабочихъ, потомъ сто, подъ конецъ же болѣе тысячи, а нынѣ господинъ Циммерманъ—милліонеръ, слѣдовательно, собственникъ comme il faut, между тѣмъ какъ рабочіе его представляютъ изъ себя ничего не имѣющихъ пролетаріевъ. Почему такая разница? По качеству работы этого опредѣлить нельзя, такъ какъ личная работа господина Циммермана по качеству представляетъ изъ себя посредственность. Онъ навѣрное не лучше и къ тому же еще навѣрное не больше работалъ, чѣмъ большинство его рабочихъ. И все-таки онъ сдѣлался милліономъ, а они остались пролетаріями. Доходъ его собственнаго труда не могъ

сдѣлать его милліонеромъ, такъ какъ если бы трудъ на его фабрикѣ приносилъ столько дохода, что каждый рабочій могъ бы сдѣлаться милліонеромъ, тогда всѣ, или по крайней мѣрѣ большинство его рабочихъ, должны были сдѣлаться милліонерами. Они же остались пролетаріями. Но вотъ въ чемъ дѣло, мои друзья. Господинъ Циммерманъ получалъ *больше*, а его рабочіе получали *меньше* продукта труда каждаго изъ нихъ. Рабочіе господина Циммермана должны были остаться пролетаріями для того, чтобы онъ сдѣлался милліонеромъ. И если не каждый работодатель дѣлается Циммерманомъ, то во всякомъ случаѣ каждый изъ нихъ въ общемъ такимъ же способомъ превращается въ крупнаго капиталиста, какъ и господинъ Циммерманъ, т. е. чрезъ трудъ своихъ рабочихъ".

Еще блаж. Іеронимъ сказалъ: если одинъ не потеряетъ, другой не можетъ найти—nisi alter perdiderit, alter non potest invenire. По остроумному замѣчанію Харазова [1]),—„если опредѣлить съ математическою точностью вѣсъ разныхъ химическихъ элементовъ, то можно показать, что матерія ни при какомъ химическомъ процессѣ не можетъ ни возникнуть вновь, ни исчезнуть. Но если вѣсъ какого-нибудь элемента, напр. взятаго количества воды, показать меньше дѣйствительнаго, то при однихъ процессахъ химическаго измѣненія вещества можно наблюдать мнимое приращеніе матеріи, а при другихъ можетъ оказаться столь же мнимая убыль матеріи. Этимъ примѣромъ неопровержимо доказывается невозможность прибыли, какъ общаго явленія". Бэмъ-Баверкъ [2]) указываетъ на „замѣчательныя особенности" дохода съ капитала. „Онъ возникаетъ независимо отъ какой бы то ни было личной дѣятельности капиталиста; онъ поступаетъ къ капиталисту и въ томъ случаѣ, если тотъ не ударилъ даже пальцемъ о палецъ для его созданія, и кажется, что доходъ этотъ въ буквальномъ смыслѣ слова производится *капиталомъ*, или—по старинному сравненію—*рождается* имъ". Ад. Вагнеръ констатируетъ [3]), что нынѣ „трудъ и потребленіе

---

[1]) *Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik.*

[2]) *Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorie=Капиталъ и прибыль. Исторія и критика процента на капиталъ.*

[3]) *Rede über die sociale Fraye=Соціальный вопросъ.*

продуктовъ распредѣляются слишкомъ неравномѣрно между участниками въ производствѣ. Выгоды, приносимыя техническими усовершенствованіями производства, поступаютъ въ значительно большей степени въ пользу капиталистовъ и предпринимателей, особенно въ области индустріи въ тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ рабочихъ. Вслѣдствіе этого, положеніе рабочаго класса относительно ухудшается, хотя бы оно абсолютно, какъ этого нельзя въ общемъ отрицать, и измѣнилось къ лучшему, а слѣдовательно, пропасть между низшими и высшими классами все увеличивается“ [1]).

Бѣдность въ наше время, какъ соціальное явленіе, отличается такими особенностями, какихъ она не имѣла никогда прежде, и притязанія современнаго пролетаріата имѣютъ такой характеръ, какого никогда прежде притязанія низшаго класса не имѣли. Бѣдность нынѣ, со всѣми страданіями, ее сопровождающими, коренится въ существѣ соціально-экономическаго строя, и пролетаріатъ возмущается противъ всего класса предпринимателей, противъ самого капитализма. Родбертусъ высказываетъ рѣшительное убѣжденіе, что „эти явленія (т. е. явленія пауперизма) проистекаютъ изъ *хозяйственныхъ* отношеній и фактовъ, въ то время какъ очень многіе—и только по недостатку основательныхъ знаній по національной экономіи—выводятъ ихъ изъ общественныхъ причинъ болѣе общаго характера или даже изъ нравственныхъ причинъ“. Проф. Исаевъ [2]) даетъ важныя разъясненія по этому вопросу. „Недовольство пролетаріата поддерживается одною особенностью, съ которою въ новѣйшее время все чаще и чаще связано образованіе огромныхъ состояній. Богачи древности накопляли баснословныя имущества способами, которые, большею частью, нельзя было признать закономѣрными. Если источникомъ богатства не была война, позволявшая награбить у враговъ несмѣтныя

---

[1]) В. Рошеръ *Grundlagen der Nationalökonomie* (*System der Volkswirthschaft* B. I): Es ist leider nicht zu leugnen, dass gerade auf dem Gipfel der Volksentwicklung eine Menge von Tendenzen mächtig sind, welche, ohne das Entgegentreten überwiegender Heilkräfte, die Reichen immer noch reicher, die Armen, wenigstens relativ, noch ärmer machen, und somit den Mittelstand von beiden Seiten her schmälern.

[2]) *Вопросы соціологіи.*

сокровища, то имъ было расхищеніе общественныхъ земель, занятіе такихъ должностей на государственной службѣ, которыя давали должностному лицу удобный случай обложить населеніе тяжкими поборами. Сравнительно съ этими способами пріобрѣтенія правильная торговля была уже менѣе важнымъ источникомъ образованія большихъ состояній, а промышленность или сельское хозяйство вовсе не вели къ тому, чтобы поставить людей, усердно занимающихся ими, въ ряды богачей. А главные способы пріобрѣтенія большого богатства, будучи связаны съ насиліями, только терпѣлись, но отнюдь не пользовались защитой закона. Противъ нихъ возвышали голоса люди, вовсе не склонные къ преобразованію государственнаго строя, какъ, напримѣръ, Тиверій Гракхъ, стремившійся пріостановить расхищеніе государственныхъ земель римскими богачами. Пролетаріи нашего времени видятъ, что самыя крупныя богатства пріобрѣтаются способами, которые на всѣхъ пунктахъ пользуются санкціей закона. И теперь есть случай, что должностное лицо обогащается отъ взятокъ, для которыхъ жизнь выработала утонченныя формы—вознагражденіе за содѣйствіе частнымъ лицамъ при полученіи концессій на выгодныя предпріятія. И теперь дипломатъ, вызвавшій войну, или военачальникъ, приведшій ее къ благопріятному исходу, награждаются крупными суммами изъ контрибуціи, возложенной на побѣжденный народъ. Но эти случаи обогащенія совершенно незамѣтны въ общей массѣ. Законъ освящаетъ право частной собственности почти на всю внѣшнюю природу, доступную воздѣйствію человѣка; законъ освящаетъ договоръ во всѣхъ его разновидностяхъ и требуетъ неуклоннаго его исполненія; законъ охраняетъ безпрепятственное совершеніе кредитныхъ сдѣлокъ и вырабатываетъ нормы, которыя приноровляютъ эти сдѣлки ко всѣмъ хозяйственнымъ актамъ во всемъ ихъ разнообразіи. И, вотъ, подъ покровомъ закона, А наживаетъ милліоны отъ того, что ведетъ промышленное предпріятіе съ тысячами вольнонаемныхъ рабочихъ, эксплуатируемыхъ не болѣе, чѣмъ разрѣшаетъ законъ, Б становится милліонеромъ потому, что скупаетъ за безцѣнокъ огромныя площади земли наканунѣ проведенія чрезъ нихъ желѣзной дороги, а В, пользуясь въ широкихъ размѣрахъ кредитомъ, скупаетъ акціи возникающаго предпріятія по 100 и чрезъ немного

времени продаетъ по 500—1000 и вступаетъ въ ряды тѣхъ, кто имѣетъ дворцы, парки, морскія яхты. Въ наше время главные способы пріобрѣтенія милліонныхъ состояній не имѣютъ ничего общаго съ грабежомъ и насиліемъ. Законъ возводитъ эти способы въ цѣлую систему... Сознаніе чудовищности противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью, сознаніе отвратительности союза между законностью и лицемѣріемъ вызываетъ то рѣзкое недовольство пролетаріата, которое и поддерживаетъ въ немъ готовность къ непрерывной борьбѣ. Проникнутые сознаніемъ, что общественная жизнь должна быть построена рано или поздно на началѣ равнаго доступа всѣхъ къ матеріальнымъ и духовнымъ благамъ, пролетаріи хотятъ не только гораздо большаго, чѣмъ предки, но и принципіально отличнаго отъ желаній, которыми были преисполнены рабочіе классы въ предыдущіе вѣка. Современный пролетаріатъ не только хочетъ поднять свое матеріальное довольство, но и достигнуть окончательной отмѣны господства капитала въ хозяйственной жизни... Смыслъ и напряженность недовольства, которыми объяты неимущіе классы нашего времени, не могутъ быть поняты, если упускать изъ вида новые принципы, проникающіе недовольныхъ, и цѣли, которыя часто не называются, къ которымъ непосредственно не стремятся въ отдѣльныхъ актахъ борьбы, но которыя объединяютъ многочисленныя массы. Въ старину борьба велась съ точно опредѣленнымъ врагомъ (напр. съ такимъ-то помѣщикомъ) и изъ-за ближайшихъ, простѣйшихъ интересовъ (дабы, напр., избавиться отъ его жестокости). Теперь борьба ведется противъ цѣлаго класса предпринимателей и нерѣдко ради интересовъ не самыхъ близкихъ".

Говорятъ: „никогда еще разстояніе между дѣйствительностью и тѣмъ, что *могло* бы и *должно* бы быть, не было такъ безмѣрно велико". Несомнѣнно, современный антагонизмъ богатства и бѣдности, современное отношеніе богатыхъ и бѣдныхъ не могутъ не возмущать нравственнаго чувства [1]). Но если

[1]) Развѣ не возмутительно слышать, что наемъ человѣка и наемъ скота, напр. лошади, суть тожественные акты и подлежатъ одинаковымъ законамъ рынка? Bagehot *Economic studies:* hiring a man and hiring a horse are obviously acts of the same species. The laws which settle monetary value are the same in the case of labour as in other cases.

мы посмотримъ на соціальный вопросъ исключительно съ нравственной точки зрѣнія, то мы придемъ къ тому выводу, что наше время не имѣетъ особенностей сравнительно съ прошлыми временами. Всякое выраженіе нравственнаго негодованія на фонѣ современной соціальной жизни было бы лишь слабымъ эхомъ огненныхъ рѣчей древнихъ пророковъ и отцовъ церкви. Равнымъ образомъ и для нравственнаго воздѣйствія на бѣдныхъ святоотеческія проповѣди даютъ неисчерпаемый матеріалъ. Но особенностью нашего времени является распространяющееся нынѣ убѣжденіе, что нравственною проповѣдью, какъ направленною противъ богатыхъ, такъ и обращенною къ бѣднымъ, соціальнаго вопроса не разрѣшить. Такое убѣжденіе высказываетъ Дж. Гобсонъ. „Жизнь бѣднѣйшихъ и униженныхъ классовъ недоступна самому вліянію высокой цивилизаціи. Пока всю ихъ энергію будетъ поглощать борьба за продолженіе физическаго существованія, цивилизація не можетъ на нихъ вліять. Соображеніе о большемъ внутреннемъ значеніи моральной жизни сравнительно съ физической не должно насъ вводить въ заблужденіе. Не нужно думать, что болѣе важное должно предшествовать менѣе важному. Мы должны начать съ низшей жизни, прежде чѣмъ подняться до высшей. У индивидуума corpus sanum (здоровое тѣло) справедливо является предметомъ болѣе раннихъ заботъ, чѣмъ mens sana (здоровая душа), хотя послѣдняя, можетъ быть, имѣетъ большее значеніе; то же самое справедливо относительно прогресса цѣлаго класса. Мы не можемъ отправиться къ обитателямъ нашихъ глухихъ кварталовъ и совѣтовать имъ быть опрятными, бережливыми, прилежными, стойкими, нравственными, разумными, религіозными, пока мы, прежде всего, не научимъ ихъ, какъ обезпечить себѣ экономическія условія здоровой физической жизни. Наши бѣднѣйшіе классы не имѣютъ ни времени и энергіи, ни желанія быть опрятными, бережливыми, разумными, нравственными, рели-

---

Ср. Stolzmann *Die sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre* I. Основательныя сужденія на тему о томъ, что съ точки зрѣнія политической экономіи, какъ имѣющей дѣло съ организаціей *человѣческаго* труда, рабочій долженъ быть не вещью, а личностью, см. у Effertz'a *Arbeit und Boden*.

гіозными. Въ своей поспѣшности мы забываемъ, что существуетъ естественный и необходимый порядокъ пробужденія желаній. Въ настоящее время наше населеніе глухихъ кварталовъ не желаетъ быть нравственнымъ и разумнымъ, не желаетъ быть особенно опрятнымъ. А потому эти высшія блага должны ждать своей очереди, поскольку они зависятъ отъ добровольнаго дѣйствія бѣдныхъ. Но эти люди желаютъ лучшей и болѣе обильной пищи, болѣе теплой одежды, лучшаго и болѣе обезпеченнаго жилища, большей увѣренности въ полученіи работы за порядочную заработную плату. Пока мы не можемъ помочь имъ въ удовлетвореніи этихъ „низшихъ“ желаній, мы напрасно будемъ стараться пробудить „высшія“. Мы должны прежде всего позаботиться о здоровомъ физическомъ существованіи, чтобы подготовить почву, на которой можно будетъ посѣять нравственныя сѣмена, съ надеждой получить плодъ. Только на прочномъ физическомъ фундаментѣ можемъ мы воздвигнуть величественное зданіе высокой нравственной и умственной культуры“. И далѣе—подготовить эту почву путемъ благотворительности, по общему въ наше время убѣжденію, считается дѣломъ невозможнымъ. Наши дни характеризуетъ низкая оцѣнка благотворительности. „Лучшіе изъ бѣдняковъ никогда не питаютъ благодарности. Они неблагодарны, недовольны, непокорны, они мятежны. И они имѣютъ полное право быть такими. Они чувствуютъ, что благотворительность является или до смѣшного несоотвѣтственной формой частичнаго возстановленія вопіющей несправедливости, или же сантиментальной подачкой, сопровождаемой обыкновенно наглыми попытками со стороны сантиментальныхъ благодѣтелей—распространить свою тираннію на ихъ частную жизнь“. О. Уайльдъ, которому принадлежатъ эти слова (въ ст. *О соціализмѣ*), добавляетъ: „что касается нищенства, то просить милостыню безопаснѣе, чѣмъ брать, но зато брать гораздо благороднѣе, чѣмъ клянчить“. Такъ и думаетъ современный пролетаріатъ: онъ не „проситъ“, а „требуетъ“. Благотворительность въ наши дни практикуется въ весьма широкихъ размѣрахъ—и правительствомъ, и частными лицами, и представителями индустріи. Но „при всѣхъ умиротворяющихъ мѣрахъ, которыя филантропія или индустрія примѣняютъ къ соціальнымъ настроеніямъ, поднимаются широкія, все возра-

стающія волны недовольства, возмущающія до дна потокъ соціальной жизни. Соціальный вопросъ нашего времени не есть вопросъ о смягченіи бѣдствій настоящаго строя, но это вопросъ о томъ, сохранится ли самому строю, существующему нынѣ. Современные умы занимаетъ не проблема соціальныхъ улучшеній, а проблема соціальнаго преобразованія и переустройства. Новый соціальный интересъ направляется не столько на результаты, сколько на причины, не на соціальную терапевтику, но на соціальную бактеріологію и соціальную гигіену. При такомъ настроеніи умовъ часто обнаруживается въ дѣйствительности сильная реакція противъ традиціонныхъ путей благотворительности и умѣренныхъ реформаторскихъ мѣропріятій. Потеряно—говорятъ настойчиво—то время, которое потрачено на подрѣзаніе отдѣльныхъ вѣтвей соціальнаго зла, тогда какъ истый соціальный вопросъ подрѣзаетъ самый корень, отъ котораго произрастаютъ эти вѣтви. Вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, какіе пути милосердія пригодны, лучше изслѣдуемъ—говорятъ настойчиво,—почему милосердіе неизбѣжно и почему бѣдность существуетъ. Вмѣсто того, чтобы реформировать промышленныя учрежденія, лучше спросимъ, почему результаты промышленности столь жестоки, унизительны и несправедливы. Не благотворительнаго примѣненія современныхъ порядковъ, но такого строя, при которомъ благотвореніе не было бы необходимо, не покровительства, но справедливости, не великодушной раздачи излишняго богатства, но справедливаго возврата богатствъ тѣмъ, которыми они созданы,—таковы требованія, къ которымъ привыкъ нашъ слухъ въ послѣднее время и которыя обнаруживаютъ характеръ новѣйшаго соціальнаго вопроса“ [1]). То же читаемъ у Людв. Штейна [2]). „Никогда не было недостатка въ попыткахъ сгладить старый контрастъ между богатыми и бѣдными, между господами и рабами. Наиболѣе распространеннымъ, въ средніе вѣка почти единственнымъ средствомъ смягченія и ослабленія этого контраста было состраданіе—caritas, проповѣдуемая церковью. Мы не намѣрены отвергать

---

[1]) Пибоди *Jesus Christ and the social question.*

[2]) *Die soziale Frage im Lichte der Philosophie=Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія.*

всякое соціологическое значеніе этой caritas, но въ настоящее время она непригодна, какъ исключительное средство исцѣленія противъ всѣхъ соціальныхъ ранъ. Во-первыхъ, она черезчуръ подвержена дѣйствію субъективнаго произвола и развитія надменности богатыхъ, такъ что рабочая масса не можетъ довѣрить свою судьбу такой капризной и случайной раздачѣ благъ, а во-вторыхъ самосознаніе рабочихъ классовъ, благодаря достигнутому ими высокому уровню жизни настолько уже развито, что они не могутъ долго примиряться съ такой caritas, которая даже въ наиболѣе мягкой ея формѣ имѣетъ горькій привкусъ милостыни. Рабочая масса въ настоящее время отвергаетъ подобную милостыню, она требуетъ экономической пропорціональности, которой не даетъ ей индивидуалистическій капитализмъ, какъ своего права. И это не писанное право и не основное или человѣческое право,—потому что всѣ подобные остатки естественнаго права давно изъѣдены червемъ скептицизма, а повелѣвающее право, за которымъ стоитъ сила. Воспитанный въ общественной школѣ и дисциплинированный всеобщей воинской повинностью, пролетарій не хочетъ просить никакой милостыни на основаніи естественнаго права, онъ требуетъ правъ постольку, поскольку та масса, къ которой онъ принадлежитъ, составляетъ силу".

Сказаннымъ выясняется какъ то, почему „среди интересовъ, волнующихъ человѣчество, соціальный вопросъ, именно нынѣ, является центральнымъ и господствующимъ", такъ и та форма, которую нынѣ принялъ соціальный вопросъ,—форма борьбы между капиталомъ и трудомъ, между капиталистами и пролетаріатомъ. По словамъ Фулье [1]), „въ соціальной дѣйствительности существуютъ причины, которыя неизбѣжно ведутъ къ соціализму, существуютъ бѣдствія, для которыхъ онъ служитъ симптомомъ и которыя требуютъ средствъ для борьбы съ ними".

Соціализмъ есть опытъ рѣшенія соціальнаго вопроса въ интересахъ пролетаріата. Соціализмъ имѣетъ двѣ стороны—практическую и теоретическую, онъ и практическая программа партіи и научно-философская теорія.

Соціалистическое, или соціалъ-демократическое движеніе

---

1) *Le socialisme et la sociologie réformiste.*

поражаетъ своею грандіозностью. Это—самое значительное явленіе въ современной жизни народовъ, въ которомъ сокрыты пути грядущей исторіи человѣчества [1]). Однако въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть дѣло единственно съ теоретическою стороною соціализма.

И въ теоретическомъ отношеніи соціализмъ представляетъ изъ себя самую значительную изъ всѣхъ современныхъ научно-философскихъ системъ. По вѣрному замѣчанію Масарика [2]), „вопросы соціализма по преимуществу суть вопросы философскіе. Современный соціализмъ съ его практикой и его теоріей заставляетъ каждаго пересмотрѣть свое міросозерцаніе и свое поведеніе. Соціализмъ становится пробнымъ камнемъ для нашего знанія и для нашей совѣсти (Der Socialismus ist zum Prüfsteine unseres Wissens und Gewissens geworden)". Критическое изученіе соціалистической теоріи служитъ нынѣ вѣрнѣйшимъ и необходимымъ путемъ къ обоснованію міровоззрѣнія [3]). И это независимо отъ того, каково въ послѣднемъ итогѣ отношеніе изслѣдователя къ соціализму, положительное или отрицательное: непререкаемо важны тѣ проблемы, которыя ставитъ соціализмъ.

Наше отношеніе къ соціализму не можетъ быть предварительно выражено въ какой-нибудь простой всеобъемлющей формулѣ, ибо и самъ соціализмъ есть явленіе весьма сложное. Вслѣдъ за проф. Макензи мы можемъ сказать, что въ соціализмѣ выступаютъ разныя стороны, весьма отличныя одна отъ другой. Въ немъ есть сторона комическая, есть въ немъ сторона трагическая, есть также въ немъ сторона, обращенная къ здравому смыслу. Соціализмъ коми-

---

[1]) Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus:* Wie man sich auch zu ihr (къ соціалъ-демократическому движенію) stellen mag, eins kann man ihr nicht absprechen, das Grosszügige, ja Unerhörte des Ganzen. Noch nie in der bekannten Geschichte des Menschengeschlechtes wurden solche Massen in fast allen Kulturländern in gesetzmässiger Form planmässig organisiert; noch nie stand eine soziale Klasse so bewusst und offen in scharfer und doch legaler Opposition gegen andere Gesellschaftsklassen.

[2]) *Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus=Философскія и соціологическія основанія марксизма.*

[3]) Ср. особенно Штаммлера *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung=Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи.*

ченъ, какъ простое выраженіе стремительнаго нетерпѣнія и недовольства, которое находитъ для себя утѣшеніе въ созданіи фантастическихъ образовъ. Онъ трагиченъ, какъ выраженіе революціоннаго бѣшенства, порожденнаго невыносимою несправедливостью общественныхъ порядковъ. Но отчасти онъ служитъ также выраженіемъ нравственнаго принципа и попытки формулировать, хотя бы не вполнѣ адэкватное, средство его воплощенія въ жизни [1]).

Наше отношеніе къ соціализму съ этико-религіозной стороны можетъ быть *только* отрицательнымъ, въ этико-религіозномъ отношеніи онъ не имѣетъ никакого положительнаго значенія. Однако въ этомъ сужденіи еще не открывается принципіальная сторона дѣла, тогда какъ для насъ важно въ этомъ мѣстѣ указать читателю основныя начала нашего сужденія о соціализмѣ, т. е. основные принципы нашего изслѣдованія.

Въ принципіальномъ отношеніи мы признаемъ правду въ требованіи организаціи народнаго хозяйства, видимъ правду въ признаніи народно-хозяйственной организаціи единственнымъ путемъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса. Теоретическое значеніе соціализма въ томъ, что онъ есть первый опытъ построенія той великой философіи, о которой сказалъ Руссо: la plus grande philosophie c'est de savoir ce qui nous entoure. Не Сократъ свелъ философію съ неба на землю,—это сдѣлалъ впервые научный соціализмъ, назвавшій собственнымъ именемъ реальные мотивы человѣческой жизни, направившій вниманіе философіи на тѣ низменные предметы, къ которымъ философія всегда относилась съ пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ и которые, однако, лежатъ въ основѣ соціальной жизни. Философія всегда боялась ступить на земную грязь, всегда съ любовью, какъ мальчишки мыльными пузырями, играла абсолютными формулами, которыя лопались при опусканіи на землю. Она хотѣла быть

---

[1]) *An introduction to social philosophy.* Остроумно далѣе авторъ опредѣляетъ мотивы распространенія соціализма: Some people call themselves Socialists, as boys call themselves pirates and brigands, because they think it fine: some become Socialists, as men become pirates and brigands, because they are driven to it by misery and despair: some are Socialists to please the mob, and some because they *are* the mob: and some again are inspired by the consciousness of a profound moral truth.

мистической, но теряла единственный путь, ведущій къ мистикѣ, и неизмѣнно оставалась раціонализмомъ. Ибо не въ томъ мистика, чтобы витать въ заоблачной выси, а въ томъ, чтобы почувствовать автономную правду земли и всѣхъ земныхъ отношеній. Послѣдняя тайна жизни въ неустранимости и ирраціональности всѣхъ узко-человѣческихъ отношеній купли и продажи, работодательства и наемничества, столкновенія экономическихъ интересовъ семейныхъ и классовыхъ etc. Эти-то реальныя отношенія жизни и составляютъ пробный камень для философской системы, въ отдаленіи же отъ нихъ возможно лишь софистическое хитроумничаніе, лишенное всякаго внутренняго содержанія, головокружительный подъемъ шара, освобожденнаго отъ всякаго балласта, причудливо-виртуозныя движенія судна безъ всякаго груза.

Но коренная ошибка соціализма, обрекающая эту философскую систему на роковое крушеніе, въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ раціонализировать соціальныя отношенія, устроить экономическую область по абсолютнымъ принципамъ. Но эта область не можетъ быть этически раціонализирована. Исходя изъ этого тезиса, я усматриваю въ организаціи народнаго хозяйства *условное* дѣло жизни, условную гармонизацію земныхъ интересовъ, но не болѣе того, ни въ какомъ случаѣ—рѣшеніе этико-религіознаго вопроса. Наша соціальная жизнь полна неправды. Но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что несправедливость многомилліоннаго состоянія, процвѣтающаго наряду съ нищетою, есть въ сущности, лишь съ количественнымъ различіемъ, та же, что и та несправедливость, которая открывается въ моемъ пристрастіи къ своему единственному куску, къ своему единственному платью, къ своему убогому жилищу. Это не значитъ, что будто невозможна организація народнаго хозяйства, какъ путь къ борьбѣ съ соціальнымъ зломъ, но это значитъ, что такая организація можетъ опредѣляться условными соображеніями, а не безусловными принципами. Практика жизни отъ этого не только не страдаетъ, а даже выигрываетъ, ибо примѣненіе къ условной соціальной дѣйствительности абсолютныхъ принциповъ поведенія не можетъ не быть вреднымъ, но философскій взглядъ на жизнь существенно мѣняется. Съ этой принципіальной точки зрѣнія

и получаетъ все значеніе вопросъ объ отношеніи соціализма къ этикѣ и религіи.

Вскрыть эту ошибку соціализма, оправдать этотъ взглядъ— значитъ стать на точку зрѣнія, убійственную для соціализма. Признавъ экономическую область условною, соціализмъ пересталъ бы существовать какъ философія, какъ система этики и религіи, онъ превратился бы въ простую экономическую теорію.

Въ системѣ соціализма заключается роковое внутреннее противорѣчіе, поскольку онъ, съ одной стороны, признаетъ автономную правду земли и всѣхъ земныхъ отношеній, а съ другой стороны—снова раціонализируетъ реальную жизнь. Мы увидимъ, насколько это противорѣчіе устойчиво въ соціализмѣ. Мы хотѣли бы теперь обратить вниманіе на то, что это противорѣчіе въ соціализмѣ не есть случайный методологическій недосмотръ, но что два полюса—личной абсолютности и соціальной условности—существенно присущи нашей жизни, что основной вопросъ соціальной философіи есть вопросъ о взаимоотношеніи этихъ полюсовъ. Вся система соціализма построена на неосознанности этой полярности человѣческой жизни, и уже правильная постановка основного соціально-философскаго вопроса ведетъ къ неизбѣжному крушенію теоріи соціализма.

Я не претендую на то, чтобы намѣченный мною взглядъ на взаимоотношеніе хозяйства и этики былъ вполнѣ яснымъ для читателя; я не требую того, чтобы читатель увѣровалъ въ него догматически. Нѣтъ, это лишь программа, которая будетъ выполнена во всемъ нашемъ изслѣдованіи, кончая послѣднею спеціальною главою „нравственность и хозяйство“. Я лишь намѣчаю тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ я разсматриваю соціализмъ, тотъ обсерваціонный пунктъ, который объединяетъ всѣ отдѣлы и экскурсы нашего изслѣдованія и котораго читателю не слѣдуетъ никогда упускать изъ вниманія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Научный соціализмъ; его экономическое и историко-философское ученіе.

I.

Исторія соціализма: соціализмъ утопическій и научный.

Къ общимъ, въ широкомъ смыслѣ соціалистическимъ цѣлямъ справедливаго распредѣленія богатства направляются государственное законодательство и кооперативныя ассоціаціи, если оставить безъ упоминанія всякіе виды благотворительности и взаимопомощи. Извѣстны и теоретики какъ государственнаго соціализма, такъ и кооперативнаго движенія. Теоретики государственнаго соціализма—Шэффле, Ад. Вагнеръ [1]), у насъ проф. Янжулъ. Всякому, кто скажетъ, что онъ не хочетъ слышать ни о какомъ соціализмѣ, Шэффле отвѣчаетъ, что начало соціализма лежитъ въ фактѣ существованія церкви, государства, школы, науки (in Kirche, Staat, Schule, Wissenschaft ist der Socialismus schon leibhaftig vorhanden). Новѣйшій соціализмъ хочетъ лишь распространить соціалистическую организацію, существующую тысячи лѣтъ въ этихъ областяхъ, и на экономическую область. И даже въ этомъ ближайшемъ смыслѣ соціализмъ не есть лишь

---

[1]) Ад. Вагнеръ въ *Grundlegung der politischen Oekonomie* разумѣетъ подъ Staatssocialismus болѣе, чѣмъ jede Maassregel „positiver Socialpolitik", durch welche irgend wie in das „freie Spiel" der wirthschaftlichen Kräfte eingegriffen wird, besonders auf dem Gebiete der Arbeiterverhältnisse. По его опредѣленію, der *eigentliche* Staatssocialismus ist nun in der That, wie der ökonomische Individualismus und Socialismus, eine eigene geschlossene *ökonomische Doctrin* und ein *System der Wirthschaftspolitik*. Er nimmt *bewusst* und *mit bestimmten Tendenzen* und *Zielpunkten* und *gewollten Folgen* eine *vermittelnde* Stellung in Theorie und Praxis der Volkswirthschaft zwischen jeden beiden, dem Individualismus und dem Socialismus, ein.

мечта: на путь экономическаго соціализма уже вступило современное государство — въ видѣ государственныхъ учрежденій экономическаго характера, начиная съ лѣсного вѣдомства и кончая верфями, арсеналами, интендантствомъ, государственнымъ банкомъ, почтой, желѣзными дорогами [1]). Изъ теоретиковъ кооперативнаго движенія могутъ быть названы Брентано [2]), Шульце-Деличъ, Сидней и Беатриса Веббъ. И соціализмъ, въ ближайшемъ смыслѣ слова, всегда вступаетъ въ тѣ или другія сочетанія какъ съ кооперативнымъ движеніемъ, такъ и съ государственнымъ законодательствомъ.

Поэтому-то исторія соціализма [3]) теряется въ глубокой древности [4]). Съ нѣкоторою безспорностью и значительнымъ единодушіемъ изслѣдователями указываются, въ качествѣ слѣдовъ и этаповъ соціалистическаго движенія,—первобытный коммунизмъ, коммунистическое государство на Липарскихъ островахъ, институтъ сисситій на островѣ Критѣ, въ Спартѣ и Карѳагенѣ [5]), движеніе, связанное съ именемъ Гракховъ въ римской исторіи, еврейское законодательство съ институтомъ юбилейнаго года, коммунизмъ въ общинахъ ессеевъ и терапевтовъ, древне-христіанскій коммунизмъ (въ іерусалимской общинѣ), коммунизмъ въ средніе вѣка—еретическій [6]) и монастырскій—и въ эпоху реформаціи, коммунистическія теченія въ революціяхъ англійской и французской.

Каутскій указываетъ два историческихъ корня современ-

---

[1]) *Bau und Leben des socialen Körpers* III.

[2]) *Die Arbeitergilden der Gegenwart* и др.

[3]) Pöhlmann *Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus*; Thonissen *Le socialisme depuis l'antiquité jusqu'à la constitution française du 14 Janv. 1852 an;* Adler *Geschichte des Socialismus und Communismus von Plato bis zur Gegenwart;* Каутскій *Geschichte des Sozialismus in Einzeldarstellungen=Изъ исторіи общественныхъ теченій;* Sudre *Histoire du communisme ou réfutation historique des utopies socialistes;* Щегловъ *Исторія соціальныхъ системъ;* Л. Штейнъ *Die soziale Frage im Lichte der Philosophie=Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія;* Грагамъ *Socialism new and old=Соціализмъ новый и старый;* Туганъ-Барановскій *Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи.*

[4]) D. Koigen *Zur Vorgeschichte des modernen philosophischen Socialismus in Deutschland:* Die Idee des Socialismus ist so alt, wie die menschliche Gesellschaft selbst, aber nicht älter.

[5]) Аристотель *Polit.* II, 6. 7. 8.

[6]) См. также Döllinger *Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters.*

наго соціализма—коммунизмъ равенства, осуществлявшійся въ названныхъ коммунистическихъ опытахъ, и утопическій коммунизмъ. Первый образовался среди низшихъ классовъ, стоявшихъ еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ по своему духовному развитію, утопизмъ же возникъ среди высшихъ классовъ, представители его принадлежатъ къ духовной аристократіи общества. Коммунизмъ равенства грубъ и наивенъ, его создала не національная проницательность, не безкорыстное мышленіе и чувство, а настоятельныя матеріальныя потребности, борьба изъ-за классовыхъ интересовъ, утопизмъ же возникъ благодаря глубокому пониманію дѣйствительности высокообразованными людьми, свободными отъ вліянія интересовъ своего класса. Остановимся теперь на утопическомъ коммунизмѣ [1]).

Первый изъ болѣе извѣстныхъ утопическихъ проэктовъ государственнаго устройства принадлежитъ греческому философу Платону и изложенъ имъ въ діалогѣ *Государство*. Строй человѣческаго общества представлялся Платону аналогичнымъ организаціи человѣческой души. Въ человѣческой душѣ Платонъ различалъ три части: разумъ (*ὁ λόγος, τὸ λογιστικόν*), гнѣвъ, сердце, способность раздражительная, вмѣстилище высшихъ, благородныхъ страстей (*ὁ θυμός, τὸ θυμοειδές*), и способность пожелательная, вмѣстилище низшихъ страстей, похотей (*τὸ ἐπιθυμητικόν*). Разумъ призванъ господствовать надъ остальными частями души, и его господство даетъ добродѣтель мудрости (*ἡ σοφία*). Раздражительность, подчиняясь разуму и утверждая его владычество надъ низшими влеченіями, становится добродѣтелью мужества (*ἡ ἀνδρεία*). Третья добродѣтель, разсудительность (*ἡ σωφροσύνη*), состоитъ въ подчиненіи низшей, пожелательной, способности души уму и сердцу, въ умѣренности. Наконецъ, Платонъ знаетъ четвертую добродѣтель, справедливость (*ἡ δικαιοσύνη*), которая относится не къ одной какой-либо способности человѣческой души, а ко всѣмъ совмѣстно, устанавливаетъ гармонію между ними, состоитъ въ томъ, чтобы каждая часть души исполняла свое назначеніе. Такъ и общество

---

[1]) См. также Фогта *Соціальныя утопіи* и Свентоховскаго *Исторія утопій*.

представлялось Платону состоящимъ изъ трехъ группъ, или классовъ: правители-философы, добродѣтелью которыхъ должна быть мудрость, воины, или стражи, которымъ должно быть свойственно мужество, и народъ, обнимающій всѣхъ рабочихъ, промышленниковъ, пріобрѣтателей,—на его долю остается добродѣтель разсудительности, покорности высшимъ классамъ. Въ томъ, чтобы каждая изъ этихъ группъ исполняла свое назначеніе—философы правили, воины были стражами законовъ и границъ, а народъ покорялся, Платонъ полагалъ государственную справедливость. Это взаимоотношеніе классовъ въ государствѣ Платона дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ, что онъ останавливаетъ свое вниманіе исключительно на двухъ высшихъ группахъ, или лучше сказать—на классѣ воиновъ, такъ какъ и правители избираются изъ ихъ среды. Все наиболѣе примѣчательное въ его проэктѣ ограничивается воспитаніемъ и характеромъ жизни этой группы. Считая необходимымъ самое тщательное воспитаніе стражей посредствомъ музыки (въ классическомъ смыслѣ слова) и гимнастики, Платонъ проэктировалъ для нихъ рѣшительный коммунизмъ. „Прежде всего, ни у кого (изъ стражей) не должно быть никакой собственности, кромѣ совершенно необходимаго (*πρῶτον αὐσίαν κεκτημένον μηδεμίαν μηδένα ἰδίαν, ἂν μὴ πᾶσα ἀνάγκη*). Затѣмъ, ни у кого изъ нихъ не должно быть ни жилья, ни такой кладовой, въ которую не могъ бы войти всякій желающій. Нужныя же вещи, сколько ихъ потребуется для разсудительныхъ и мужественныхъ подвижниковъ войны, опредѣлить имъ получать, въ награду за охраненіе, отъ прочихъ гражданъ въ такомъ количествѣ, какое было бы и не избыточно на годъ, и не скудно. Должно имъ жить сообща, питаясь общимъ столомъ, какъ бы въ лагерѣ (*φοιτῶντας εἰς ξυσσίτια ὥσπερ ἐστρατοπεδευμένους κοινῇ ζῆν*)“. Коммунизмъ стражей простирается и на брачную жизнь. Предписывая для женщинъ этого класса одинаковое воспитаніе и занятіе, какъ и для мужчинъ, Платонъ думалъ что „всѣ эти женщины должны быть общими для всѣхъ этихъ мужчинъ (*τὰς γυναῖκας ταύτας τῶν ἀνδρῶν τούτων πάντων πάσας εἶναι κοινὰς*), что ни одна не должна жить частно ни съ однимъ (*ἰδίᾳ δὲ μηδενὶ μηδεμίαν συνοικεῖν*), тоже опять общими и дѣти (*καὶ τοὺς παῖδας αὖ κοινούς*), такъ чтобы и дитя не знало своего родителя, и родитель—своего дитяти“.

Въ общемъ, Платонъ считаетъ главнымъ факторомъ общественной жизни—деспотизмъ духовной аристократіи, въ вѣдѣніе которой отдаются всѣ стороны народной жизни и для которой даже признаются возможными „ложь и обманъ“ [1]). Такимъ путемъ, казалось ему, скорѣе всего возможно достигнуть высшаго государственнаго блага — единомыслія всѣхъ гражданъ.

Не меньшею, чѣмъ Платонъ, извѣстностью въ области утопической литературы пользуется Томасъ Моръ, напечатавшій свою знаменитую книгу De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia въ 1516 году [2]). Томасъ Моръ достигъ при Генрихѣ VIII высокаго положенія канцлера Англіи; за твердость своихъ убѣжденій онъ былъ обезглавленъ въ 1535 году. Слово *утопія* (*οὐ*+*τόπος*) значитъ „отсутствіе мѣста“, „нигдѣ“. Авторъ изложилъ свои соціальныя воззрѣнія въ формѣ конкретнаго описанія жизни утопійцевъ, жителей фиктивнаго острова. Главная черта въ общественномъ строѣ утопійцевъ—отсутствіе собственности. По мысли автора Утопіи, „гдѣ только существуетъ частная собственность, гдѣ всѣ и все движется деньгами, тамъ едва-ли возможно справедливо и счастливо вести государственныя дѣла, потому что не сможешь же ты справедливо дѣйствовать тамъ, гдѣ всѣ блага достаются самымъ дурнымъ людямъ, не сможешь благополучно вести дѣла тамъ, гдѣ все подѣлено между весьма немногими, да и они не вполнѣ удовлетворены, а остальные во власти совершеннѣйшей нищеты“. Хозяйственный строй утопійцевъ имѣетъ коммунистическій характеръ, и притомъ это не только коммунизмъ потребленія, но и коммунизмъ производства. Трудъ считается для всѣхъ обязательнымъ—столь же по мотивамъ экономическимъ, сколь и по мотивамъ моральнымъ. Главное занятіе всѣхъ—земледѣліе. Земля находится въ общемъ владѣніи, такъ что обитатели смот-

---

[1]) Платонъ *придумалъ*, что дѣлать правителямъ, а правители *внушаютъ* гражданамъ опредѣленныя представленія (сказки) о ихъ происхожденіи и назначеніи, и такимъ образомъ переустроивается весь міръ. Исходить не изъ данной дѣйствительности, а изъ мысли, мелькнувшей въ умѣ человѣка, и желать по этой мысли передѣлать („спасти“) весь міръ—въ этомъ и состоитъ утопизмъ.

[2]) Переводы Тарле, Генкеля. Изслѣдованія Тарле, Каутскаго, Виппера, Дитцеля и др.

рятъ на себя какъ на землепашцевъ, а не какъ на владѣльцевъ обрабатываемыхъ угодій. Равно и земледѣльческія орудія находятся въ общемъ пользованіи. Весь процессъ работы строго организованъ. И продукты поступаютъ въ общее пользованіе. „Въ особыя зданія свозятся продукты, выработанные всѣми семьями и распредѣляются въ складахъ по сортамъ. Оттуда каждый отецъ семейства, ничего не платя, получаетъ нужное ему и его семьѣ количество и уноситъ домой забранное, не высказывая даже никому благодарности“. Семью Т. Моръ, въ отличіе отъ Платона, сохраняетъ: утопійцы не знаютъ ни общности женъ, ни общности дѣтей. Семья на Утопіи имѣетъ патріархальный характеръ.

Томасъ Моръ съ своей „Утопіей“ стоялъ въ нѣкоторой зависимости отъ Платона. Гораздо значительнѣе то вліяніе, которое и Платонъ и еще болѣе Томасъ Моръ имѣли на послѣдующія времена: у нихъ было много послѣдователей и подражателей. Таковъ былъ доминиканскій монахъ Томазо Кампанелла изъ Калабріи, написавшій въ 1611 году (въ тюрьмѣ) утопическое сочиненіе Civitas Solis [1]), въ которомъ проэктировалъ коммунизмъ женъ и имущества; таковы Гаррингтонъ съ своей Oceana 1656 г., аббатъ Сенъ-Пьеръ, авторъ сочиненій Projet de paix universelle entre les potentats de l'Europe (1716) и Traité de la Polysynodie (1718). Но перечислять всѣхъ извѣстныхъ утопистовъ для нашей цѣли было бы излишне. Замѣтимъ лишь, что они очень многочисленны. Нѣкоторые изъ нихъ пытались осуществить свои утопическія мечты на дѣлѣ, съ другой стороны, и практическія движенія въ духѣ коммунизма, упомянутыя выше, сопровождались утопическими вымыслами своихъ вождей. Скажемъ особо нѣсколько словъ объ утопическомъ соціализмѣ первой половины XIX вѣка, преимущественно тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

Французская революція, имѣвшая всемірное значеніе, была грандіозной борьбой съ абсолютизмомъ за политическія права человѣка, за свободу и равенство. Ея реальная причина лежала въ несоотвѣтствіи стараго режима, съ его политическимъ абсолютизмомъ и соціальнымъ феодализмомъ, вновь образовавшемуся третьему классу, буржуазіи, которая стала

---

[1]) Есть русскій переводъ.

могущественною общественною силою, какъ по богатству, такъ и по образованности. Процвѣтаніе этого класса требовало политической свободы и новаго строя, соотвѣтствующаго измѣнившемуся составу общества. Идеологія же революціи [1]) была выработана всею философіею XVIII вѣка, во главѣ которой стояли Вольтеръ въ первую половину († 1778) и Руссо († 1778) во вторую половину столѣтія и которая сама находилась подъ значительнымъ вліяніемъ англійской философіи XVII вѣка. Философія XVIII столѣтія была сильна и вліятельна въ своей отрицательной части, въ той разрушительной критикѣ всякой традиціи—религіозной, моральной, политической, которая преимущественно сосредоточивалась въ знаменитой энциклопедіи (1751—1780); она ярко выразила и свои положительные идеалы. Если обнять въ краткой формулѣ ея положительное идейное содержаніе, то можно сказать, что она во всѣхъ областяхъ—религіозной, моральной, правовой, хозяйственной—отстаивала идею естественности противъ историзма,—она развивала идею естественной религіи, естественной морали, естественнаго права. Естественнымъ считалось природное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раціональное, непосредственно очевидное для разума. Основная идея философіи XVIII вѣка питалась, какъ поворотомъ къ естественнымъ наукамъ и матеріалистическимъ истолкованіемъ психической и моральной жизни, такъ и вѣрой въ разумъ, особенно ярко отпечатлѣвшейся въ пресловутомъ *Опытѣ* Кондорсэ. Представлялось наиболѣе легкимъ постигнуть естественно-доброе въ противоположность исторически-сложившемуся и искусственному. Задача упрощалась освободительной тенденціей, для которой простота и природное равенство казались ручательствомъ правъ личности и гражданской свободы. Естественное состояніе представлялось состояніемъ полной свободы, полной возможности для каждаго свободно располагать своею особою, своими дѣйствіями, своимъ имуществомъ. Это ставилось идеаломъ и для совре-

[1]) М. Ковалевскій *Происхожденіе современной демократіи*; Lichtenberger *Le socialisme et la revolution française=Соціализмъ и французская революція*; Espinas *Philosophie sociale de XVIII siècle et la revolution.* Поля Жанэ рекомендую не *Philosophie de la révolution française,* а *Les origines du socialisme contemporain.* У Тэна въ *Les origines de la France contemporaine* см. *L'ancien régime.*

менпаго государственнаго строя. Идеи эти были раскрыты еще Локкомъ и настойчиво популяризировались въ теченіе всего XVIII вѣка. Особенно страстнымъ проповѣдникомъ благъ естественнаго состоянія и гражданской свободы, защищенной общественнымъ договоромъ, былъ Ж. Ж. Руссо, сочиненія котораго, несмотря на всѣ ихъ недостатки, несмотря на его непослѣдовательность, оказывали колоссальное вліяніе на народъ времени революціи.

Въ частности, общимъ путемъ со всей философіей XVIII вѣка шла и политико-экономическая наука этого времени [1]). Политико-экономическая литература появилась не раньше, чѣмъ возникла государственно-экономическая политика. А государственно-экономическая политика возникла, при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, съ образованіемъ могущественныхъ національныхъ государствъ и крѣпкой государственной власти на развалинахъ феодальнаго строя,—возникла и съ теченіемъ времени окрѣпла въ видѣ всесторонняго вмѣшательства государственной власти въ дѣло народнаго хозяйства, главнѣе всего—въ область мануфактуры и торговли. По взглядамъ же времени богатствомъ считалась исключительно денежная наличность, и всѣ правительственныя мѣропріятія, какъ-то регуляція ввоза и вывоза, таможенная система, имѣли цѣлью достиженіе выгоднаго денежнаго баланса. Первые труды по экономической литературѣ поддерживали эту политику, развивали теорію меркантилизма. Но затѣмъ поднялись протесты противъ меркантилизма, опиравшіеся на тотъ вредъ, который приносило народному хозяйству вмѣшательство государства и прямо—стѣснительностью мелочныхъ регуляцій и косвенно—таможенною борьбою государствъ и войнами. Уже прочно обозначившаяся въ XVII вѣкѣ, реакція противъ меркантилизма особенно развернулась въ XVIII столѣтіи, и именно въ связи съ общимъ литературно-философскимъ направленіемъ этого вѣка. На почвѣ этой философіи возникла экономическая теорія физіократовъ (Кенэ † 1744, Тюрго † 1776):

---

[1]) См. труды по исторіи политической экономіи Чупрова, Миклашевскаго, Рошера, Ингрэма, Дюринга *Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus*, Туганъ-Барановскаго *Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма* и др.

она была совмѣстно и поворотомъ къ интересамъ сельскаго хозяйства и требованіемъ свободы личности въ экономической области, хотя признаніемъ собственности и неравенства, а также деспотизма, физіократы рѣзко отличались отъ Руссо. Школа физіократовъ учила о естественномъ порядкѣ народнаго хозяйства, съ которымъ должно согласоваться и законодательство. По этому естественному порядку, народное богатство создается земледѣліемъ, а не мануфактурой и торговлей: „земля есть единственный источникъ богатства“ (Кенэ). Процвѣтать же земледѣліе, какъ и обрабатывающая промышленность, можетъ при неизбѣжномъ условіи полной свободы индивидуума отъ государственной опеки,—„свободной и неограниченной конкурренціи“ (Кенэ). Школа физіократовъ выставила знаменитую формулу: laissez passer, laissez faire [1]).

Основные принципы школы физіократовъ были углублены и приведены въ цѣлую систему Адамомъ Смитомъ [2]), основателемъ классической школы политической экономіи. Онъ училъ объ эгоизмѣ и личномъ расчетѣ, какъ о главномъ факторѣ экономическаго прогресса,—училъ о неизбѣжномъ совпаденіи личной выгоды съ общей пользой. Требованіе полной свободы индивидуума въ экономической области отсюда вытекало само собою. „Всякій человѣкъ старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала: правда, что онъ имѣетъ въ виду свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу, но забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества.—Преслѣдуя свою собственную выгоду, онъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйстви-

---

[1]) A. Oncken *Die Maxime Laissez faire et laissez aller, ihr Ursprung, ihr Werden*; B. Güntzberg *Die Gesellschafts—und Staatslehre der Phisiokraten;* G. Weullersse *Le mouvement physiocratique;* Гиггсъ *Физіократы.* Изъ сочиненій физіократовъ переведены: Ф. Кенэ избранныя мѣста въ Библіотекѣ экономистовъ вып. VI и Тюрго *Размышленіе о созданіи и распредѣленіи богатствъ* проф. Миклашевскимъ.

[2]) Его сочиненіе по политической экономіи *An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations* появилось въ 1776 г. Имѣется нѣсколько переводовъ: устарѣлый Старшаго 1802—1806, полный переводъ Бибикова и сокращенный въ Библіотекѣ экономистовъ вып. I.

тельнымъ образомъ, чѣмъ если бы задался такою цѣлью. Мнѣ никогда не случалось встрѣтить, чтобы люди, взявшіеся за торговое предпріятіе ради общественной пользы, сдѣлали что-нибудь полезное... Государственный человѣкъ, который принялъ бы на себя трудъ указывать частнымъ лицамъ, какъ они должны употреблять свои капиталы, мало того, что занялся бы совершенно безполезнымъ дѣломъ, но онъ присвоилъ бы себѣ власть, которую безразсудно было бы поручить не только одному лицу, но какому бы то ни было совѣту или сенату; власть эта нигдѣ не можетъ быть до такой степени опасна, какъ въ рукахъ человѣка, который настолько безуменъ и самонадѣянъ, что воображаетъ себя способнымъ къ ея отправленію.—Законъ долженъ предоставить каждому заботиться о личномъ своемъ интересѣ, потому что каждому человѣку извѣстно его исключительное положеніе лучше, чѣмъ можетъ знать объ этомъ законодатель". Съ этими общими сужденіями А. Смитъ связалъ стройное и вполнѣ развитое экономическое ученіе. Въ отличіе отъ односторонности прежнихъ школъ, меркантилистовъ и физіократовъ, онъ считалъ источникомъ народнаго богатства не обрабатывающую промышленность и торговлю и не земледѣліе, а трудъ, въ примѣненіи его ко всякому виду дѣятельности, всякій трудъ, направленный на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей. Успѣшность труда обусловлена раздѣленіемъ его, а это связываетъ трудъ, съ одной стороны, съ капиталомъ, а съ другой—съ обмѣномъ. Въ трудѣ же А. Смитъ видѣлъ и основу цѣнности. Устанавливая законы, опредѣляющіе рыночную цѣну и заработную плату, онъ, въ качествѣ практическаго вывода изъ своего экономическаго ученія, конкретнѣе выражаетъ требованіе невмѣшательства государственной власти, какъ требованіе свободы труда.—Сочиненія А. Смита и его ближайшаго послѣдователя, Рикардо [1]), также стоявшаго за экономическую свободу и разработавшаго важные вопросы экономической науки, считаются основными трудами въ исторіи политической экономіи. Ученики Смита многочисленны. И теоретически обо-

---

[1]) Его главный политико-экономическій трудъ *On the principles of political economy and taxation*,—полный переводъ Н. Зибера *Сочиненія Давида Рикардо* и неполный въ Библіотекѣ экономистовъ в. II.

снованное имъ движеніе въ защиту промышленной и торговой свободы постепенно крѣпло впослѣдствіи и достигло во второй четверти девятнадцатаго вѣка самаго крайняго развитія въ англійской партіи или школѣ фритредеровъ, называвшейся также манчестерской по мѣсту, откуда исходило это направленіе [1]). Эта школа требовала абсолютной свободы для торговли и промышленности, считала конкурренцію самымъ благодѣтельнымъ факторомъ народнаго хозяйства и вѣрила въ полную солидарность труда и капитала, въ совпаденіе интересовъ капиталистовъ и рабочихъ. Во Франціи на сторонѣ фритредерскаго движенія стоялъ Бастіа († 1850) [2]).

Либеральная идеологія философіи XVIII вѣка и, въ частности, индивидуалистическія экономическія идеи были реализованы французской революціей, провозгласившей своимъ девизомъ свободу и равенство [3]). Однако революція, при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ политической области, не дала человѣку полной свободы. Подобно тому, какъ раньше борьба европейскихъ народовъ за религіозную свободу привела къ торжеству политическаго абсолютизма и окончилась новымъ рабствомъ; такъ теперь борьба за политическую свободу и равенство привела къ небывалому расцвѣту соціально-экономическаго неравенства, соціально-экономическаго рабства. Революція и обнаружила различіе между политическими правами человѣка и его экономическимъ освобожденіемъ; она уяснила ту истину, что политическая свобода, не давая человѣку полнаго освобожденія, лишь ставитъ на очередь борьбу за экономическую свободу и равенство (égalité de fait, égalité réelle). Революція была движеніемъ чисто буржуазнымъ, служила всецѣло интересамъ буржуазіи, хотя и совершалась подъ знаменемъ всеобщаго равенства и свободы. Это была борьба буржуазіи съ привилегированными классами, борьба противъ стѣсненій со стороны соціальнаго феодализма и абсолютной монархіи. Вся идеологія XVIII вѣка клони-

---

[1]) Переводъ сочиненій главнаго представителя манчестерства, *Кобдена* († 1865), прославившагося борьбою противъ хлѣбныхъ законовъ (Anti-Corn-Law League), данъ въ Библіотекѣ экономистовъ в. X.

[2]) См. Библіотека экономистовъ вып. VII.

[3]) Все, сказанное объ идеологіи революціи, согласно съ планомъ работы,—крайне сжато, нужно понимать какъ схему, чрезвычайно осложнявшуюся въ исторической дѣйствительности.

лась къ пользѣ буржуазіи, на которой сосредоточивалось всеобщее вниманіе въ борьбѣ съ старымъ рабствомъ,—съ успѣхами буржуазіи связывалась новая свобода. И дѣйствительно революція, нанеся существенный ущербъ старымъ привилегированнымъ классамъ и пріобрѣтя для всего народа политическую свободу, которая является, конечно, необходимымъ условіемъ экономическаго освобожденія,—реальныя выгоды принесла лишь буржуазіи. Революція, осуществившая идеи либерализма, поставила въ самыя счастливыя условія частную собственность, дала небывалый просторъ силѣ богатства и отдала неимущихъ въ полную власть капиталистовъ: политическая свобода оттѣняла экономическое рабство. Эти успѣхи либерализма совпали съ техническими изобрѣтеніями и примѣненіемъ машинъ къ производству съ конца XVIII вѣка, что и послужило прочнымъ основаніемъ для современнаго капиталистическаго производства.

Вотъ почему XIX вѣкъ былъ вѣкомъ широкаго соціалистическаго движенія, которое по характеру распадается на два періода—соціализмъ первой половины вѣка и новый соціализмъ второй половины столѣтія. Первая половина XIX вѣка породила множество соціалистическихъ системъ. Уже Руссо въ концѣ XVIII вѣка провозгласилъ собственность причиною соціальныхъ золъ, хотя и полагалъ, что возникновеніе собственности было неизбѣжно въ человѣческой исторіи. Его современникъ Морелли (Naufrage des isles (îles) flottantes ou la Basiliade du célèbre Pilpaï 1753—утопія по плану Т. Мора—и Code de la nature 1755) и его ученики Мабли (Traité de la législation ou principes des lois 1766 и Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés) и Бриссо (Recherches philosophiques sur le droit de propriété et le vol) были коммунистами. Бабёфъ († 1797) требовалъ экономическаго равенства и общественной организаціи труда. Въ XIX вѣкѣ соціалистическія системы составляли—во Франціи [1])—С. Симонъ (1760—1825), который придалъ своему міросозерцанію религіозный оттѣнокъ (Nouveau christianisme) и который имѣлъ много учениковъ (Базаръ, Анфантэнъ, Пекёръ),—Фурье (1772—1837), остроумнѣйшій критикъ буржуазнаго строя и традиціонной морали, но внес-

[1]) См. также M. Ferraz *Socialisme, naturalisme et positivisme.*

шій въ свои проэкты будущаго строя слишкомъ много фантастичнаго,—Кабэ (1788—1856), которому принадлежитъ соціалистическій романъ Voyage en Icarie и который пытался устроить коммуну икарійцевъ въ Америкѣ,—Прудонъ (1809—1865), называвшій—вслѣдъ за Бриссо—собственность кражей. Въ Англіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка писалъ Годвинъ (1756—1836), рѣзко критиковавшій капиталистическую систему и мечтавшій о томъ грядущемъ времени, когда человѣкъ не будетъ ничего называть своею собственностью,—затѣмъ въ XIX вѣкѣ былъ вліятеленъ Р. Оуэнъ (1771—1858), фабрикантъ филантропъ, благодѣтельствовавшій своимъ рабочимъ, иниціаторъ кооперативнаго движенія въ Англіи, по утопическимъ планамъ котораго было основано нѣсколько коммунистическихъ общинъ,—болѣе извѣстная изъ нихъ New Harmony. Германіи [1]), гдѣ соціалистическое движеніе обнаружилось позднѣе, нежели во Франціи и Англіи, принадлежалъ за разсматриваемое время В. Вейтлингъ (1808—1871), портной-писатель, мечтавшій о коммунистическомъ строѣ. Позднѣе выступившіе Луи Бланъ (1811—1882) во Франціи и Лассаль (1825—1864) въ Германіи не были такими безпочвенными мечтателями, какъ перечисленные соціалисты, однако и они думали спасти человѣчество опредѣленнымъ проэктомъ—устройствомъ рабочихъ ассоціацій.

В. Зомбартъ [2]) даетъ вѣрную общую характеристику соціалистическихъ мыслителей до сороковыхъ годовъ XIX вѣка—„старшихъ соціалистовъ“, Годвина, Оуэна, Кабэ, Прудона, Вейтлинга. Общимъ для всѣхъ нихъ является ихъ зависимость отъ раціоналистической философіи XVIII вѣка. Всѣ соціалистическія системы этого времени раціональны, иначе сказать, утопичны, потому что ихъ авторы „не замѣчаютъ дѣйствительныхъ двигателей соціальной жизни“. Старшіе соціалисты опирались на вѣру въ благость Промысла, называютъ ли его Богомъ или природой. Они вѣрятъ, далѣе, въ естественный, разумный порядокъ человѣческаго суще-

---

[1]) Также Мерингъ *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie=Исторія германской соціалъ-демократіи.*

[2]) *Sozialismus und soziale Bewegung=Соціализмъ и соціальное движеніе.* Также С. Прокоповичъ *Проблемы соціализма,* Туганъ-Барановскій *Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма.*

ствованія, основанный на непогрѣшимыхъ и неизмѣнныхъ законахъ природы. Ему они противопоставляютъ дѣйствительный строй жизни, позитивный, искусственно созданный. Этотъ послѣдній является въ ихъ глазахъ источникомъ всѣхъ соціальныхъ золъ. Для избавленія отъ нихъ нужно возстановить порядокъ естественный. Какъ происхожденіе дурного искусственнаго порядка обязано несовершенству человѣческаго разума, такъ и возстановленіе естественнаго порядка зависитъ отъ совершенствованія разума, можетъ быть результатомъ познанія истины. Главное дѣло въ томъ, чтобы человѣкъ уяснилъ себѣ законы природы, лежащіе въ основѣ естественнаго порядка. Себя названные писатели-соціалисты и считали открывшими законы естественнаго порядка. По вѣрному замѣчанію Зомбарта, ихъ не смущало то обстоятельство, что поколѣніемъ раньше за естественный порядокъ принимался капиталистическій хозяйственный строй съ свободной конкурренціей и частной собственностью. Это было тоже открытіе разума. Писатели-соціалисты измѣнили не методъ, а лишь содержаніе открытій разума. Прежнее открытіе они объявили ложнымъ и противопоставили ему новое — соціалистическое. Ихъ не смущало далѣе и то обстоятельство, что и для нихъ новый порядокъ, единственный естественный порядокъ, оказывался въ деталяхъ различнымъ,— и Оуэнъ, Фурье, Вейтлингъ яростно изобличали другъ друга. Считая разумъ главнымъ факторомъ соціальнаго преобразованія, раціональные соціалисты всю тактику своего дѣла полагали въ просвѣщеніи народныхъ массъ. Понятный для автора соціалистической системы естественный порядокъ долженъ быть проповѣданъ и уясненъ другимъ, возможно большему числу. Когда люди будутъ просвѣщены, рабство стараго порядка падетъ само собою. Эти соціалисты особенно разсчитывали на „обращеніе“ богатыхъ, сильныхъ міра сего. Средствами пропаганды служили не только всѣ виды рѣчи и письма, но придавалось особенное значеніе эксперименту, силѣ примѣра. Поэтому для старшихъ соціалистовъ и ихъ послѣдователей было обычнымъ стремленіе къ учрежденію коммунистическихъ общинъ, предпочтительно въ Америкѣ, гдѣ общины изъ послѣдователей Фурье, Оуэна, Кабэ возникали, какъ грибы послѣ дождя, и были также недолговѣчны. Въ связи съ этою вѣрою въ неотразимость разумныхъ доводовъ

и силы примѣра стояло отвращеніе ко всякой борьбѣ—къ насилію и политикѣ. Въ своемъ оптимизмѣ соціалисты-утописты не замѣчали, что „нѣкоторые элементы общества считаютъ status quo вполнѣ удовлетворительнымъ, отнюдь не хотятъ никакихъ перемѣнъ и, слѣдовательно, заинтересованы въ его сохраненіи. Далѣе, они проглядѣли, что извѣстный общественный строй господствуетъ потому, что лица, заинтересованныя въ немъ, обладаютъ также властью его поддерживать, что всякій соціальный порядокъ—не что иное, какъ опредѣленное выраженіе соотношенія силъ между отдѣльными общественными классами".

Утопическій соціализмъ смѣнился, такъ называемымъ, *научнымъ* соціализмомъ во второй половинѣ XIX вѣка—съ сороковыхъ годовъ. Его основателями были Родбертусъ-Ягецовъ (1805—1875) [1]) и Карлъ Марксъ (1818—1883), работавшій все время съ своимъ ближайшимъ другомъ-сотрудникомъ Фр. Энгельсомъ (1820—1895), который, ставя самъ себя на второе мѣсто, былъ единомысленъ съ Марксомъ во всемъ духовномъ строительствѣ, участвовалъ съ нимъ въ совмѣстномъ составленіи нѣкоторыхъ сочиненій, напр. *Коммунистическаго манифеста*, другимъ сочиненіямъ Маркса далъ послѣднюю редакцію, напр. второму и третьему томамъ *Капитала*, для всѣхъ же его сочиненій, для всѣхъ его взглядовъ являлся лучшимъ истолкователемъ [2]). Марксъ, благодаря

[1]) Важнѣйшія сочиненія Родбертуса:

Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände 1842=*Къ познанію нашихъ государственно-хозяйственныхъ порядковъ.*

Sociale Briefe an Kirchmann съ 1850=1 письмо: *Соціальное значеніе государственнаго хозяйства*; 2 и 3: *Къ освѣщенію соціальнаго вопроса*; 4: *Капиталъ.*

Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums съ 1864=*Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности* вып. 1—4.

Zur Erklärung ung Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes съ 1868.

[2]) Важнѣйшія сочиненія Маркса и Энгельса:

Марксъ и Энгельсъ *Aus dem literarischen Nachlass* 3 тома=*Литературное наслѣдіе* т. I и II (раннія произведенія Маркса и Энгельса. Въ частности здѣсь имѣются: Маркса *Zur Kritik der Hegel'schen Rechtsphilosophie=Къ критикѣ гегелевской философіи права, Zur Judenfrage=Къ еврейскому вопросу,* Энгельса *Umrisse zu einer Kritik der Nationalökonomie= Наброски для критики національной экономіи, Die Lage Englands= Положеніе Англіи,* Маркса и Энгельса *Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik=Святое семейство, или Критика критической критики).*

своему литературному таланту и темпераменту, особенно въ силу того, что развилъ соціалистическую систему въ цѣльное міровоззрѣніе и выразилъ отдѣльные тезисы системы въ самой рѣшительной формѣ,—далъ научному соціализму свое имя, такъ что *научный*, или новый, *соціализмъ* и *марксизмъ* стали синонимами. Въ послѣднее время авторитетными стражами марксистской ортодоксіи признаются въ Германіи Каутскій [1])

Марксъ и Энгельсъ *Das kommunistische Manifest* (1847). Существуетъ множество переводовъ: *Коммунистическій манифестъ, Капитализмъ и коммунизмъ* и т. д.

Марксъ и Энгельсъ *Briefe an F. A. Sorge* (1906)=*Письма къ Зорге.*

Марксъ *Misère de la philosophie=Das Elend der Philosophie* (1847)=*Нищета философіи.*

Lohnarbeit und Kapital 1849=*Наемный трудъ и капиталъ.*

Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848 bis 1850 (1850)=*Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г.*

Revolution und Kontre-Revolution in Deutschland 1851—2=*Германія въ 1848-50 г.г.*

Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte 1852=*18-е Брюмера Луи Бонапарта.*

Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln (1853)=*Кельнскій процессъ коммунистовъ.*

Zur Kritik der politischen Oekonomie (1859)=*Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи.*

Lohn, Preis und Profit (1865)=*Заработная плата, цѣна и прибыль.*

Das Kapital въ трехъ томахъ съ 1867 г. Нѣсколько переводовъ. Для перваго тома лучшій подъ ред. П. Струве.

Der Bürgerkrieg in Frankreich (1871)=*Гражданская война во Франціи.*

Theorien über den Mehrwert въ трехъ томахъ 1905—1910 (ред. Каутскаго)=(часть) *Теорія прибавочной цѣнности II ч. IV тома Капитала. Давидъ Рикардо.*

Энгельсъ *Die Lage der arbeitenden Klasse in England* (1845)=*Положеніе рабочаго класса въ Англіи.*

Zur Wohnungsfrage (1872)=*Жилищный вопросъ.*

Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft (1877)=*Философія. Политическая экономія. Соціализмъ.* (Сокращенно Anti-Dühring).

Der Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats 1884=*Происхожденіе семьи, частной собственности и государства.*

Ludw. Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie 1886 (1888)=*Людвигъ Фейербахъ.*

Нѣкоторыя изъ прочихъ сочиненій Маркса и Энгельса будутъ указаны ниже.

[1]) Сочиненія Каутскаго, важныя для философіи соціализма:

Karl Marx' ökonomische Lehren=Экономическое ученіе Карла Маркса.

Thomas More und seine Utopie=Томасъ Моръ и его утопія.

(также Бебель, Мерингъ, Либкнехтъ) и въ Россіи Плехановъ (Бельтовъ) [1]).

Новый соціализмъ противопоставляетъ себя старому, какъ научный—утопическому. Въ *Коммунистическомъ манифестѣ* мы читаемъ: „Основаніемъ теоретическихъ положеній коллективистовъ отнюдь не служатъ какіе-нибудь принципы, изобрѣтенные или открытые тѣмъ или инымъ реформаторомъ міра. Они являются лишь обобщеніемъ реальныхъ условій происходящей предъ нами классовой борьбы, развиваю-

---

Ethik und materialistische Geschichtsauffassung=Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи.

Die Sozialdemokratie und die katholische Kirche=Соціалдемократія и католическая церковь.

Das Erfurter Programm=Эрфуртская программа=Экономическое развитіе и общественный строй.

Bernstein und das Sozialdemokratische Programm=Отвѣтъ Бернштейну=Сборникъ статей.

Die historische Leistung von Karl Marx=Карлъ Марксъ и его историческое значеніе.

Die Agrarfrage=Аграрный вопросъ.

Der Ursprung des Christentums=Античный міръ, іудейство и христіанство.

Vermehrung und Entwicklung=Размноженіе и развитіе въ природѣ и обществѣ.

[1]) *Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію.*

Критика нашихъ критиковъ.

Beiträge zur Geschichte des Materialismus.

За двадцать лѣтъ.

Отъ обороны къ нападенію

Основные вопросы марксизма.

Анархизмъ и соціализмъ.

Назову и другихъ нѣкоторыхъ нашихъ марксистовъ послѣдняго времени: А. Богдановъ (*Основные элементы историческаго взгляда на природу, Познаніе съ исторической точки зрѣнія, Изъ психологіи общества, Эмпиріомонизмъ, Краткій курсъ экономической науки,* (и Степановъ) *Курсъ политической экономіи),* Луначарскій (сочиненія будутъ названы ниже), Аксельродъ (Ортодоксъ) *(Философскіе очерки),* Юшкевичъ, Валентиновъ (*Философскія построенія марксизма*), Базаровъ (*На два фронта* и др.), они же (и другіе)—авторы сборниковъ *Очерки реалистическаго міровоззрѣнія, Очерки философіи коллективизма* и пр. О такихъ ученыхъ соціалистахъ (Туганъ-Барановскій, Струве, Булгаковъ и др.), значеніе и труды которыхъ выступаютъ за предѣлы соціализма, будетъ рѣчь ниже. Вообще за русскими соціалистами признается честь широкой разработки философской стороны соціализма.

щагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія". Ф. Энгельсъ въ *Антидюрингѣ* пишетъ слѣдующее: „Если бы наша увѣренность относительно предстоящаго преобразованія современнаго способа распредѣленія продуктовъ труда съ его вопіющими противорѣчіями нищеты и роскоши, голодной нужды и изобилія, опиралась только на сознаніе, что этотъ способъ распредѣленія несправедливъ и что справедливость должна, наконецъ, когда-нибудь восторжествовать, то наше дѣло было бы плохо и мы могли бы долго ждать. Средневѣковые мистики, мечтавшіе о близкомъ наступленіи тысячелѣтняго царства, уже сознавали несправедливость классовыхъ противорѣчій. На зарѣ новой исторіи, 350 лѣтъ назадъ, Ѳома Мюнцеръ громко на весь свѣтъ провозгласилъ это сознаніе. Въ англійской и французской буржуазныхъ революціяхъ раздается тотъ же призывъ и—затихаетъ. И если тотъ же самый призывъ къ отмѣнѣ классовыхъ противорѣчій и классовыхъ различій, который до 1830 года оставлялъ трудящіяся и страждущія массы холодными, теперь находитъ откликъ у милліоновъ, то объясняется это тѣмъ, что, какъ созданныя современнымъ капиталистическимъ способомъ производства производительныя силы, такъ и выработанное имъ распредѣленіе благъ вступило въ вопіющее противорѣчіе съ самымъ этимъ способомъ производства и притомъ въ такой степени, что преобразованіе способа производства и распредѣленія, которое устранитъ всѣ классовыя различія, должно наступить непремѣнно, подъ угрозой гибели всего общества. Въ этомъ очевидномъ матеріальномъ фактѣ, который въ болѣе или менѣе ясной формѣ съ непреодолимой необходимостью проникаетъ въ головы эксплуатируемыхъ,—въ немъ, а не въ представленіяхъ того или другого домосѣда о справедливости или несправедливости коренится наша увѣренность въ торжествѣ идеи".

Мысль основателей научнаго соціализма очень ясна, они отграничиваютъ себя отъ утопическаго соціализма съ достаточною опредѣленностью. Въ отличіе отъ утопизма, научный соціализмъ исходитъ не изъ благихъ пожеланій, не изъ придуманнаго или открытаго средства противъ соціальныхъ золъ, не изъ прозрѣнія въ тайны должнаго и спасительнаго, не изъ претензій на недоступное для другихъ откровеніе высшаго разума, онъ исходитъ изъ доступнаго провѣркѣ позна-

нія реальной исторіи, изъ познанія законовъ, управляющихъ ходомъ дѣйствительной жизни общества, изъ познанія причинъ, движущихъ исторію, изъ познанія средствъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи и съ которыми намъ необходимо сообразоваться въ своей дѣятельности, въ постановкѣ своихъ цѣлей.

Такому пониманію научнаго характера новаго соціализма соотвѣтствуетъ отрицательное отношеніе его представителей къ проэктированію грядущаго общественнаго строя. „Наши противники—пишетъ Каутскій въ *Эрфуртской программѣ*—заявляютъ, что соціалистическая ассоціація могла бы считаться осуществимой и стать цѣлью разумныхъ людей въ томъ лишь случаѣ, если бы налицо былъ ея планъ, тщательно изслѣдованный и найденный полезнымъ и выполнимымъ. Ни одинъ разумный человѣкъ не приступитъ къ стройкѣ дома, прежде чѣмъ у него не будетъ его плана, одобреннаго свѣдущими людьми. Всего же менѣе смогъ бы онъ безъ такого заранѣе выработаннаго плана согласиться разрушить единственное свое жилище, чтобы расчистить мѣсто для этого дома. Поэтому мы должны прежде всего показать картину „государства будущаго“, какъ принято называть соціалистическую ассоціацію, или соціалистическое общество. Если же мы прячемъ эту картину, то это доказываетъ, что мы сами хорошо не знаемъ, чего мы хотимъ, и не вѣримъ въ собственное дѣло“. По мнѣнію Каутскаго, это требованіе плана отъ новаго соціализма неосновательно. „Такой планъ слѣдовало считать необходимой предпосылкой новаго строя до тѣхъ поръ, пока мы не знали законовъ общественнаго развитія и вѣрили, что общественныя формы возводятся также произвольно, какъ и дома“. Это точка зрѣнія стараго „утопическаго“ соціализма. Напротивъ, съ точки зрѣнія новаго соціализма „образованіе новой общественной формы на мѣсто существующей является уже не только чѣмъ-то *желательнымъ;* оно стало уже *неизбѣжнымъ*“. Чтобы выяснить себѣ новую формулу общества, „намъ приходится считаться не съ нашими столь разнообразными личными склонностями и желаніями, но съ очевидными фактами“. „Вырабатывать планъ государства будущаго не только было бы безцѣльно въ настоящее время,—это было бы и несовмѣстимо съ современной научной точкой зрѣнія.—Набра-

сывать положительные проэкты для организаціи государства будущаго было бы почти столь же полезно и глубокомысленно, какъ, напр., писать наперед исторію какой-нибудь предстоящей войны.—Измѣнить произвольно *направленіе развитія* и точно предсказать тѣ *формы*, которыя оно приметъ,— это не по силамъ никому, ни могущественнѣйшему монарху, ни самому глубокому мыслителю".

Въ послѣдующемъ мы и будемъ имѣть дѣло съ марксизмомъ, какъ съ научнымъ соціализмомъ; въ частности, мы разсмотримъ и тѣ доводы, которые приводятся представителями новаго соціализма въ пользу неизбѣжности наступленія соціалистическаго строя. Но это послѣдующее разсмотрѣніе марксизма мы предваримъ констатированіемъ въ научномъ соціализмѣ утопическаго элемента. Несмотря на свое стремленіе оставаться на почвѣ строгой науки, марксизмъ не можетъ избѣжать идеальнаго представленія будущаго. Это вполнѣ естественно. Если и признать неизбѣжность наступленія соціалистическаго строя, все еще нѣтъ основаній для отрицательнаго отношенія къ проэктированію будущаго соціальнаго строя. Считать неизбѣжнымъ, какъ и возможнымъ, наступленіе соціалистическаго устроенія общественной жизни можетъ лишь тотъ, кто имѣетъ болѣе или менѣе картинное представленіе этого устройства. Пусть новые соціалисты не цѣнятъ привлекательнаго дѣйствія картинъ будущаго общества, какъ фактора общественной эволюціи, но они не могутъ не имѣть никакого представленія о будущемъ строѣ общества и не могутъ не желать предносящагося имъ общественнаго порядка. И дѣйствительно, въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ *Коммунистическаго манифеста* мы встрѣчаемъ терминъ „коллективизмъ", который уже указываетъ на опредѣленный общественный строй, а Каутскій, въ явное противорѣчіе собственнымъ отрицательнымъ сужденіямъ, въ той же *Эрфуртской программѣ* [1]) уже пытается изобразить соціалистическій строй съ нѣкоторою детальностью, хотя онъ называетъ свою работу не изобрѣтеніемъ рецептовъ для кухни будущаго, а научной переработкой данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ опредѣленныхъ фактовъ. „Изслѣдованія

---

[1]) Также въ *Am Tage nach der Revolution*=*На другой день послѣ революціи.*

этого рода"—оказывается—„вовсе не безполезны, ибо чѣмъ яснѣе намъ представляется будущее, тѣмъ цѣлесообразнѣе будемъ примѣнять мы свои силы въ настоящемъ. Такую работу—признается далѣе Каутскій—лично для себя продѣлалъ, навѣрное, каждый мыслящій соціалистъ". Это предположеніе Каутскаго вполнѣ оправдывается наличною литературою, широкою склонностью новыхъ соціалистовъ рисовать картину будущаго строя [1]).

Такимъ образомъ, по своимъ представленіямъ о желательномъ общественномъ строѣ новый соціализмъ не является чѣмъ-либо несоизмѣримымъ съ утопическимъ соціализмомъ,—напротивъ, коллективизмъ оказывается однимъ изъ утопическихъ плановъ общественнаго хозяйства. Мы и дадимъ далѣе схему видовъ соціализма по отношенію къ проэктамъ общественнаго строя и укажемъ положеніе марксизма среди разныхъ формъ соціализма.

---

[1]) Бебель *Die Frau und der Sozialismus*=*Женщина и соціализмъ*, *Unsere Ziele*=*Наши цѣли*; Антонъ Менгеръ *Neue Staatslehre*=*Новое ученіе о государствѣ*; Renard *Le regime socialiste*; Штернъ *Thesen über den Socialismus*; Кёлеръ *Der socialdemokratische Staat*; Вермишевъ *Созидательный соціализмъ*. Ср. описаніе соціалистическаго общества у Шэффле *Bau und Leben des socialen Körpers* B. III: *Kapitalismus und Socialismus* 2 Aufl., также *Quintessenz des Socialismus*=*Сущность соціализма*, Ад. Вагнера *Grundlegung der politischen Oekonomie*, Гитце *Kapital und Arbeit und die Reorganisation der Gesellschaft*. Катрейна *Moralphilosophie* B. II=*Соціализмъ*, проф. Иванюкова *Очерки экономической политики*. Нужно отмѣтить также расцвѣтъ утопій въ послѣднее время. Таковы: Беллами *Looking Backward*=*Будущій вѣкъ* (см. внимательный разборъ этого романа у Головина *Соціализмъ какъ положительное ученіе*), Герцки *Entrückt in die Zukunft*, Atlanticus *Ein Blick in den Zukunftstaat*, В. Моррисъ *News from Nowhere*=*Вѣсти ниоткуда*, Анатоль Франсъ *Sur la pierre blanche*—*На бѣломъ камнѣ*, Богдановъ *Красная звѣзда* и т. д.

II.

Виды соціализма по отношенію къ плану будущаго общества. Утопическій элементъ въ марксизмѣ.

Соціализмъ по отношенію къ плану общественнаго устройства распадается на слѣдующіе виды:

1) централистическій соціализмъ и коммунизмъ;
2) корпоративный соціализмъ;
3) федералистическій соціализмъ;
4) анархизмъ [1]).

Централистическій соціализмъ, или *коллективизмъ*, какъ принято называть его въ послѣднее время, подчиняетъ всю организацію народнаго хозяйства, въ предѣлахъ даннаго соціалистическаго общества, одному общественному центру. Рамкой для соціалистическаго общества обычно считается современное государство, центральная организація соотвѣтствуетъ современному правительству, и вообще коллективизму свойственна идея общегосударственной организаціи народнаго хозяйства, но предполагается измѣненіе самаго характера современнаго государства: оно будетъ уже не формой классоваго господства имущихъ надъ неимущими, а исключительно хозяйственнымъ строемъ. Всѣ средства производства (земля и орудія труда) принадлежатъ государству, и всѣмъ производствомъ распоряжается центральная власть, конечно, при посредствѣ подчиненныхъ ей областныхъ и болѣе мелкихъ мѣстныхъ организацій.—Самая главная мысль коллективизма въ томъ, что все производство страны соразмѣряется съ потребностями всѣхъ жителей—по свѣдѣніямъ,

---

[1]) Я заимствую эту схему у проф. Туганъ-Барановскаго. Существуютъ и другія классификаціи формъ соціализма, по моему мнѣнію, менѣе удачныя. Такова классификація К. Диля въ изслѣдованіи *P. J. Proudhon. Seine Lehre und sein Leben.* Ср. его *Ueber Socialismus, Kommunismus und Anarchismus.*

сосредоточивающимся въ центральномъ учрежденіи. И всѣ продукты поступаютъ въ его распоряженіе и затѣмъ изъ общественныхъ складовъ выдаются всѣмъ жителямъ. Трудъ предполагается обязательнымъ для всѣхъ и строго организованнымъ, но въ потребленіи продуктовъ, въ употребленіи получаемаго изъ общественныхъ складовъ, предоставляется каждому свобода. Идею централистическаго соціализма мы встрѣчаемъ уже въ *Утопіи* Томаса Мора; она была разработана учениками С. Симона, Базаромъ и Анфантэномъ, которымъ принадлежитъ формула „отъ каждаго по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ“, и Пекёромъ, проповѣдывавшимъ полное равенство въ распредѣленіи продуктовъ, равную оплату труда во всѣхъ его отрасляхъ. Этотъ же планъ соціалистическаго государства усвояется и научнымъ соціализмомъ въ лицѣ Родбертуса и Маркса съ его учениками.

Въ то время, какъ коллективизмъ, устанавливая строгую организацію труда и производства, сохраняетъ частную собственность на предметы потребленія и допускаетъ полную свободу въ личномъ распоряженіи ими,—*коммунизмъ* соціализируетъ, какъ производство, такъ и потребленіе, устанавливаетъ, какъ общій трудъ, такъ и общее пользованіе продуктами труда. Въ идеалѣ коммунизмъ проповѣдуетъ болѣе полную свободу потребленія, чѣмъ коллективизмъ: послѣдній соразмѣряетъ распредѣленіе съ полезностію труда каждаго и ею опредѣляетъ границы, въ которыя ставитъ свободу потребленія, а коммунизмъ мечтаетъ о неограниченномъ удовлетвореніи потребностей каждаго изъ общаго фонда. Но считая эту мечту не осуществимой при данныхъ условіяхъ жизни, коммунизмъ въ своей практической программѣ ограничивается требованіемъ независимаго отъ работоспособности каждаго равенства всѣхъ въ правѣ на предметы потребленія и соотвѣтствующаго этому праву или всеобщаго единообразія въ потребленіи или же прямо общаго потребленія (общихъ жилищъ, общихъ столовыхъ). Полный коммунизмъ проэктировали Платонъ для класса стражей; коммунизмъ потребленія практиковался въ іерусалимской христіанской общинѣ; позднѣе возникало множество коммунистическихъ общинъ (между прочими христіанская республика, основанная іезуитами въ Парагваѣ и просуществовавшая съ

1610 по 1768 годъ). Наиболѣе послѣдовательнымъ теоретикомъ коммунизма считается Кабэ, пытавшійся и на дѣлѣ осуществить свои идеи.

Корпоративный соціализмъ всѣ средства производства отдаетъ въ руки профессіональныхъ союзовъ, такъ что каждая однородная корпорація рабочихъ владѣетъ соотвѣтствующими средствами производства—земледѣльцы землей, ткачи ткацкими фабриками. Всѣ рабочіе одной профессіи объединяются въ организованный профессіональный союзъ, но между собою внутренно организованные союзы не объединяются, каждый изъ нихъ изолированно ведетъ свое дѣло и съ другими союзами входитъ въ простыя торговыя сношенія. Наиболѣе извѣстные представители корпоративнаго соціализма, Луи Бланъ и Лассаль, проэктировали государственное руководство такими профессіональными союзами, а противникъ Лассаля Шульце-Деличъ отстаивалъ ихъ независимость отъ государственнаго вмѣшательства и предоставлялъ ихъ исключительно силѣ взаимопомощи.

Въ *федералистическомъ соціализмѣ* центръ тяжести падаетъ на образованіе коммунъ, замкнутыхъ общинъ—съ ограниченной территоріей и опредѣленнымъ числомъ жителей. Такая коммуна, достаточно многочисленная для широкой кооперації, для широкаго общественнаго производства, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ изъ себя ограниченную замкнутую общину, которая сама вырабатываетъ все потребное для ея членовъ. Между собою разныя коммуны не связаны никакой организаціей и предъ ними остается открытымъ путь свободной конкурренціи. Знаменитыми сторонниками федералистическаго соціализма были Р. Оуэнъ и Фурье, назвавшій коммуны фалангами, а общественные дворцы коммунъ—фаланстерами. Какъ Р. Оуэнъ, такъ и Фурье главное вниманіе обращали не на взаимоотношеніе коммунъ, а на ихъ внутренній строй. Фурье вѣрилъ въ возможность полной гармоніи личныхъ страстей и интересовъ и непринужденнаго согласія между всѣми членами фаланги. Его идеалъ почти анархическій.

Анархизмъ относится отрицательно ко всякимъ видамъ правительства, ко всякимъ формамъ принужденія, и считаетъ единственно возможнымъ путемъ къ сожительству и сотрудничеству взаимное добровольное соглашеніе, полную

свободу. Годвинъ и Прудонъ были наиболѣе послѣдовательными теоретиками анархизма; болѣе ихъ извѣстный Кропоткинъ, назвавшій свою систему анархическимъ коммунизмомъ и сблизившій анархизмъ съ соціализмомъ, уже не можетъ похвалиться полною ясностью плана. Среди всѣхъ утопическихъ плановъ общественнаго устройства анархизмъ слѣдуетъ признать наиболѣе утопическимъ: онъ всецѣло основывается на вѣрѣ въ нравственное перерожденіе людей [1]).

Сочетаніе соціализма съ анархизмомъ дается въ *синдикализмѣ*, хотя синдикализмъ и распадается на два направленія—синдикализмъ марксистскій и синдикализмъ анархическій. Синдикализмъ опирается на рабочіе синдикаты, профессіональные союзы рабочихъ, составляющіеся не для цѣлей объединенной работы, а для цѣлей экономической борьбы, при чемъ отдѣльные профессіональные союзы, въ отличіе отъ трэдъ-юніонизма, объединяются при посредствѣ биржъ труда. Профессіональный союзъ противополагается синдикализмомъ партійной организаціи соціалдемократіи, и экономическая борьба—борьбѣ парламентской. Синдикализмъ на вопросы классовой борьбы держится радикальныхъ взглядовъ; его тактика крайне революціонна. Наиболѣе извѣстны изъ теоретиковъ синдикализма Ж. Сорель и Г. Лягардель [2]).

Такъ мы видимъ, что научный соціализмъ, марксизмъ, занимаетъ въ качествѣ *коллективизма* вполнѣ опредѣленное мѣсто въ схемѣ утопическихъ проэктовъ. Остановимся внимательнѣе на этой сторонѣ новаго соціализма,—дадимъ болѣе детальное раскрытіе идеи коллективизма въ научномъ соціализмѣ. Изъ обширной, указанной выше, литературы мы

---

[1]) О взаимномъ отношеніи соціализма и анархизма хорошо сказано у Dole'я *The spirit of democracy:* Different groups of men offer two apparently opposite social ideals,—socialism and anarchy. These ideals are opposite, as seen from the level of men's selfishness; they involve a strife, But develop them both, set them to work, mix plenty of humanity with them, and they presently grow at the top strangely alike. They represent different elements or strands in the common human nature.

[2]) Изъ ихъ сочиненій переведены: Ж. Сорель *Соціальные очерки современной экономіи. Дегенерація капитализма и соціализма,—Размышленія о насиліи*; Г. Лягардель *Всеобщая стачка.* Также статьи ихъ и другихъ синдикалистовъ въ сборникѣ *Соціальное движеніе въ современной Франціи.* Исторію синдикализма излагаютъ Поль Луи, Э. Леонэ, Оливетти, Черновъ, Критская и Лебедевъ, Козловскій.

воспользуемся трудомъ Шэффле, который ставитъ себѣ важную задачу представить „сущность соціализма“, какъ экономической программы, логически развитой (ein consequenter Socialismus) изъ коллективистическаго принципа, съ оставленіемъ въ сторонѣ разныхъ сумасбродныхъ единичныхъ мнѣній. Итакъ, въ чемъ программа коллективизма?

Замѣна „частнаго капитала“ (т. е. спекуляторскаго, частнаго способа производства, управляемаго лишь свободной конкурренціей) „коллективнымъ капиталомъ“, т. е. такимъ способомъ производства, который, исходя изъ того начала, что *средства производства* составляютъ коллективную собственность совокупности всѣхъ членовъ общества, установилъ бы объединенную (соціальную, „коллективную“) организацію національнаго труда. Этотъ „коллективистическій“ способъ производства устранилъ бы господствующую теперь конкурренцію, поставивъ производство тѣхъ богатствъ, которыя могутъ производиться коллективно (кооперативно, соціально), подъ руководство промышленныхъ учрежденій и производя подъ тѣмъ же руководствомъ *распредѣленіе общаго* (общественнаго) *продукта* всѣхъ—между всѣми, сообразно количеству и общественной полезности производительнаго *труда каждаго*. Въ соціалистическомъ государствѣ всѣ средства организаціи производства и обращеніе богатствъ (т. е. капиталъ, какъ понятіе, обобщающее средства производства) должны, съ первыхъ же шаговъ, стать общею собственностью всего общества, коллективные органы котораго, съ одной стороны, будутъ объединять всѣ единичныя силы въ общественную организацію труда („коллективный трудъ“), а съ другой—распредѣлять продукты общественной кооперации, соразмѣрно труду каждаго отдѣльнаго человѣка. При такомъ порядкѣ нѣтъ мѣста ни частнымъ барышамъ, ни „предпринимательству“; остается лишь *организованный* (не частный) производительный трудъ всѣхъ въ промышленныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ коллективное устройство и поддерживаемыхъ коллективнымъ капиталомъ; остается раздача жалованья взамѣнъ частныхъ барышей прибыли и заработной платы. Количество спроса по каждой отрасли производства должно быть установляемо непрерывно оффиціальною статистикою спроса, исходящаго изъ учрежденій, завѣдующихъ сбытомъ, и коммиссій, руководящихъ производ-

ствомъ, и должно служить основаніемъ плана соціальной промышленности. Случайный излишекъ или недостатокъ въ продуктахъ, сравнительно съ количествомъ спроса, предположеннымъ въ планѣ для каждаго періода, будетъ періодически уравновѣшиваться изъ запасовъ, находящихся въ общественныхъ, но уже не частныхъ складахъ. Таковъ общій смыслъ „коллективизма“, какъ противоположности „капитализму“; такова сущность общественной „организаціи труда“, какъ антитеза такъ называемой „анархической конкурренціи“ современнаго быта, гдѣ, по словамъ соціалистовъ, великая задача общественнаго обмѣна веществъ—производство и распредѣленіе богатствъ—не является сознательно объединенной соціальной функціей, а предоставляется игрѣ соперничества и частной погони за наживой.

Соціалистическая организація капитала и труда не совмѣстима съ существованіемъ спекуляцій, частныхъ предпріятій, рынковъ, биржи, съ употребленіемъ денегъ и со всякаго рода частными рентами. Соціализмъ не согласимъ со всею современною системою частнаго кредита, ссудъ, найма, аренды,—не только съ частнымъ производительнымъ, но и съ частнымъ ссуднымъ капиталомъ. Соціализмъ не можетъ допустить существованіе какой бы то ни было торговли (частной торговли) и торговаго рынка; металлическія деньги исчезнутъ и будутъ замѣнены рабочими деньгами („квитанціями за работу“). Въ качествѣ средства *расчетовъ* (при частныхъ отношеніяхъ обмѣна, уплаты и ссуды) деньги сдѣлались бы совершенно излишни, такъ какъ при новомъ строѣ не существовало бы ни частныхъ ссудъ, ни частнаго обмѣна; а въ качествѣ *мѣрила цѣнности* деньги въ соціалистическомъ государствѣ были бы замѣнены среднимъ *рабочимъ днемъ*, сообразно съ которымъ опредѣлялась бы цѣнность продуктовъ и принималась бы въ соображеніе при распредѣленіи. Общественный рабочій день былъ бы принятъ за единицу цѣнности и при судебныхъ оцѣнкахъ, штрафахъ и взысканіяхъ: вычеты труда, записаннаго въ публичныя рабочія книги, самымъ точнымъ образомъ опредѣлили бы высоту взысканій съ осужденныхъ и общественныхъ должниковъ. Въ соціалистическомъ обществѣ немыслимо наконецъ *обложеніе*: все, назначенное обществомъ на покрытіе публичныхъ надобностей, бралось бы прямо изъ публичныхъ скла-

довъ и шло бы на содержаніе лицъ, отправляющихъ публичныя службы, такъ какъ запасы продуктовъ во всей ихъ совокупности находились бы въ рукахъ самого общества. Но принципъ производства при помощи коллективнаго капитала ни мало не нарушаетъ свободы выбора по отношенію къ индивидуальнымъ потребностямъ, а также не препятствуетъ каждому въ отдѣльности располагать тѣмъ, что онъ получилъ за свой трудъ, сообразно съ своими желаніями и потребностями. Съ основнымъ принципомъ соціализма совмѣстимо накопленіе собственности и образованіе частной собственности, поскольку она не будетъ распространяться на средства производства коллективнаго труда, т. е. частной собственности на предметы потребленія. Слѣдовательно, изъ принциповъ соціализма не слѣдуетъ ни устраненіе независимости домашняго очага, ни уничтоженіе семейной жизни и свободы частнаго сожитія; соціалистическое государство могло бы сохранить личную свободу домашняго быта, семейнаго воспитанія и права наслѣдства на предметы жизненныхъ потребностей. Это оставляетъ возможность свободнаго преслѣдованія гуманитарныхъ, научныхъ и религіозныхъ цѣлей въ формѣ различныхъ обществъ. Въ частности содержаніе церкви опиралось бы на добровольные взносы вѣрующихъ; было бы возможно даже прямое содержаніе церкви изъ національнаго дохода.

Изъ этого общаго очерка системы коллективизма уже можно видѣть, насколько, съ одной стороны, несправедливы избитыя возраженія противъ соціализма, исходящія изъ невѣрнаго предположенія, будто соціализмъ отрицаетъ собственность вообще и разрушаетъ семью [1]), и насколько, съ

---

[1]) Я еще разъ хочу напомнить о безразсудствѣ составленія ложныхъ представленій о соціализмѣ въ интересахъ борьбы съ нимъ: борьба съ вѣтряными мельницами можетъ привести лишь къ пораженію отъ дѣйствительныхъ опасностей, а не къ побѣдѣ. Нельзя не согласиться съ слѣдующими словами Шэффле (*Bau und Leben des socialen Körpers* B. III): Die beliebten Beschwichtigungsbeweise: der Socialismus ist unmöglich, weil er die „absoluten und ewigen“ Grundlagen der Gesellschaft: Privateigenthum, Ehe, Familie, Erbrecht (Religion) aufhebt, sind sämmtlich haltlos. Ich hielt es für meine Pflicht, diess auf jede Gefahr der Denunciation hin mit vollstem Nachdruck auszusprechen, weil ich, was an mir ist, verhindern möchte, dass die besizenden Klassen mit verbundenen Augen und durch blinde Selbsttäuschung in ein zweites und potenziertes

другой стороны, легковѣрны и неосновательны надежды рабочихъ на то, что соціализмъ какимъ-то чудомъ сразу устроитъ „земной рай“ и превратитъ ихъ въ кооперативныхъ собственниковъ или хозяевъ производства. Теперь мы, оставивъ Шэффле [1]), разсмотримъ болѣе внимательно нѣкоторые пункты коллективистической программы, разсмотримъ, какъ отвѣчаетъ научный соціализмъ на вопросы о собственности, о семьѣ, о распредѣленіи продуктовъ и о свободѣ личности.

Собственность. Въ *Коммунистическомъ манифестѣ* читаемъ: „Отличительной чертой коллективизма является не уничтоженіе собственности вообще, но только буржуазной собственности. Когда капиталъ превратится въ общественную собственность, принадлежащую всѣмъ членамъ общества, такое превращеніе произойдетъ совсѣмъ не съ личной собственностью. Измѣнится только общественный характеръ собственности. Она потеряетъ нынѣшній характеръ собственности классовой. Мы совсѣмъ не намѣрены уничтожать личное присвоеніе (рабочими) продуктовъ труда, необходимыхъ для поддержанія и воспроизведенія человѣческой жизни, ибо это присвоеніе не даетъ никакого чистаго дохода, который даетъ власть надъ трудомъ другого лица. Коллективизмъ не лишитъ никого возможности присваивать себѣ свою долю продуктовъ общественнаго труда, онъ отниметъ лишь возможность порабощать себѣ, съ помощью этого присвоенія, трудъ другого лица“. Каутскій: „экономическое развитіе требуетъ общественной собственности на *средства производства*, что̀ вовсе не затрагиваетъ частной собственности на *предметы личнаго потребленія*“. Ср. Ант. Менгеръ (*Neue Staatslehre=Новое ученіе о государствѣ*): „Частная собственность является наиболѣе подходящей правовой формой распредѣленія предметовъ потребленія между отдѣльными гражданами и, какъ таковая, сохранитъ свое современное

89 hineintreiben. Wie denn wäre es möglich, dass der Socialismus täglich Fortschritte macht, wenn die obigen Behauptungen auch nur einigen Grund hätten! Wer also die „Gesellschaft“ retten will, muss vor Allem aufhören, Donquixote zu sein und mit Windmühlen zu fechten.

[1]) Но у него же дается и солидная критика соціализма. Въ частности, его популярная брошюра *Quintessenz des Socialismus—Сущность соціализма* дополняется другою брошюрою его *Die Aussichtslosigkeit der Socialdemokratie. Ergänzung der Quintessenz des Socialismus.*

значеніе и въ народномъ рабочемъ государствѣ для распредѣленія этихъ благъ".

Семья. Въ *Коммунистическомъ манифестѣ* о семьѣ сказано: „Буржуазный бракъ является въ дѣйствительности общностью замужнихъ женщинъ. Въ чемъ возможно было бы обвинить коллективистовъ, такъ это въ томъ, что лицемѣрную, замаскированную общность женъ они хотятъ замѣнить открытою, оффиціально признанною. Очевидно, впрочемъ, что съ уничтоженіемъ современныхъ отношеній производства исчезнетъ и его результатъ—общность женъ, т. е. оффиціальная и неоффиціальная проституція". Энгельсъ: „Если теперь отпадутъ экономическія соображенія, вслѣдствіе которыхъ жены считались съ обычною невѣрностью мужей, т. е. забота о своемъ собственномъ существованіи и еще болѣе о будущности дѣтей, то достигнутое этимъ равное положеніе женщины, судя по всему предшествующему опыту, въ безконечно большей мѣрѣ будетъ содѣйствовать тому, что мужчины сдѣлаются дѣйствительно моногамны, нежели тому, чтобы жены жили въ многомужествѣ". Каутскій: „Объ *уничтоженіи* семьи, т. е. объ ея отмѣнѣ законодательнымъ путемъ и о насильственномъ ея разрушеніи не думаетъ никто въ партіи. Только самое грубое извращеніе можетъ приписать ей такіе взгляды, и только глупецъ можетъ вообразить, будто какая-нибудь форма семьи можетъ быть создана или устранена декретами. Сущности соціалистическаго производства современная семья вовсе не противорѣчитъ. Поэтому осуществленіе соціалистическаго общества само по себѣ вовсе не требуетъ разрушенія существующей формы семьи". Еще: „Характерное въ настоящее время соединеніе домашняго очага съ экономическимъ производствомъ должно прекратиться: домъ будетъ отдѣленъ отъ хозяйственнаго двора, но нѣтъ никакой надобности превращать жилье крестьянина въ общественную собственность. Современный соціализмъ основывается на общественной собственности на средства производства, а не на собственности на средства потребленія. Для послѣднихъ онъ не исключаетъ частной собственности. Между средствами пользоваться жизнью и наслаждаться ею одно изъ самыхъ важныхъ, а, можетъ быть, и самое важное—домашній очагъ. Общественная земельная собственность вполнѣ съ нимъ совмѣстима. Упраздненіе

домашняго хозяйства вовсе не означаетъ упраздненія брака и семьи. Съ собственной кухней отнюдь не долженъ исчезнуть домашній очагъ въ смыслѣ дома. Современная культура выработала и другія семейныя узы, помимо кухонной плиты и прачешной. Исчезновеніе отдѣльнаго хозяйства означаетъ лишь превращеніе семьи изъ экономической въ чисто этическую единицу; оно означаетъ лишь осуществленіе нравственной потребности, которая уже теперь созрѣла, благодаря индивидуализму, развившемуся подъ вліяніемъ современныхъ производительныхъ силъ. Соціализмъ не заглушаетъ потребности каждой вполнѣ развившейся личности къ созданію своего домашняго очага, своего „дома“, но сдѣлаетъ эту потребность всеобщей и въ то же время доставитъ средства удовлетворить ее“. Бебель: „Человѣкъ подъ условіемъ, что удовлетвореніе его потребностей не приноситъ никому другому никакого вреда, долженъ самъ распоряжаться собою. Удовлетвореніе половой потребности—такое же личное дѣло каждаго человѣка, какъ удовлетвореніе всякой другой естественной потребности. Никто не долженъ отдавать въ этомъ отчетъ другому, и не призванный не долженъ сюда вмѣшиваться. Какъ я ѣмъ, какъ я пью, какъ я сплю и какъ я одѣваюсь—мое личное дѣло—точно такъ же, какъ мое общеніе съ лицомъ другого пола. Если союзъ, заключенный между двумя людьми, становится невыносимымъ, приноситъ разочарованіе и даже отвращеніе другъ къ другу, то мораль требуетъ прекратить подобное соединеніе, ставшее неестественнымъ, а потому и безнравственнымъ [1])... Въ соціалистическомъ обществѣ нечего наслѣдовать, если не считать наслѣдствомъ домашней утвари и личнаго инвентаря, такъ

---

[1]) То же у Б. Бакса *Ethics of socialism:* Society is directly concerned with the 1) production of offspring, 2) with the care that things sexually offensive to the majority shall not be obtruded on public notice, or obscenity on „joung persons“. Beyond this all sexual actions (of course excluding criminal violence or fraud) are matters of purely individual corcern. When a sexual act from whatever cause is not and cannot be productive of offspring, the feeling of the majority has no *locus standi* in the matter. Not only it is properly outside the sphere of coercion, but it does not concern morality at all. It is a question simply of individual taste. The latter may be good or bad, but this is an aesthetic and not directly a moral or social question.

что и съ этой точки зрѣнія современная форма брака отпадаетъ. Вмѣстѣ съ этимъ устраняется далѣе вопросъ о правѣ наслѣдованія, которое соціализму нѣтъ надобности отмѣнять. Разъ нѣтъ болѣе частной собственности, то не можетъ быть и права наслѣдованія“ [1]).

Мы видимъ, что коллективизмъ не отвергаетъ принципіально семьи, что съ принципами соціалистическаго производства семья не стоитъ въ неизбѣжномъ антагонизмѣ. Однако мы также видимъ, что соціализмъ не ставитъ своею задачею укрѣпленіе семейнаго начала, что онъ не цѣнитъ соціальнаго значенія семьи [2]), относится къ этому общественному союзу не достаточно внимательно, пренебрежительно, что въ соціализмѣ слишкомъ рѣдко раздается слово въ защиту брака, какъ это дѣлаетъ, напр., Менгеръ [3]). Всякихъ

[1]) Близко къ Бебелю подходитъ П. Лавровъ (въ примѣчаніяхъ къ русскому изданію книги Шэффле *Сущность соціализма*): „Содержаніе дѣтей и стариковъ исчезнетъ изъ заботъ взрослыхъ. Воспитаніе дѣтей съ первыхъ минутъ существованія составитъ общественную функцію, кому бы она ни была поручена (родителямъ или постороннимъ спеціалистамъ), и всякій произволъ родителей въ этомъ случаѣ будетъ устраненъ. Женщина, какъ работникъ мышцами и мозгами, какъ членъ экономическаго, политическаго, культурнаго союза, будетъ вполнѣ независима отъ мужчины и вполнѣ ему равноправна. Проституція, какъ всякій торгъ чѣмъ бы то ни было, имѣть мѣста не можетъ. Всѣ орудія труда мышечнаго и мозгового не могутъ быть монопольною собственностью семьи, какъ отдѣльной группы. Единственною связью останется привязанность въ разныхъ ея формахъ половой страсти, личной симпатіи, гармоніи идей, товарищества по труду и цѣлямъ, уваженія, можетъ быть родительскаго чувства, и всѣ эти привязанности будутъ безспорными дѣятелями общежитія лишь *на то время*, пока они существуютъ, и *въ той мѣрѣ*, въ какой они существуютъ. Много ли же останется въ семейной жизни, основанной на *этой* связи, изъ *нынѣшней* семейной жизни?“

[2]) Какъ это возможно съ чисто позитивной точки зрѣнія, что, напр., мы встрѣчаемъ въ изслѣдованіи Дюркгейма *о самоубійствѣ*, недавно переведенномъ на русскій языкъ и реферированномъ мною въ *Богосл. Вѣст.* 1912 іюнь.

[3]) *Neue Staatslehre=Новое ученіе о государствѣ:* „Свободная любовь очень скоро усилитъ до необычайныхъ размѣровъ половую жизнь, которая необходима для духовнаго и физическаго благосостоянія человѣка только въ очень узкихъ предѣлахъ. Необычайно большой выборъ въ связи съ сознаніемъ полной безотвѣтственности неизбѣжно усилитъ этотъ могущественнѣйшій изъ всѣхъ природныхъ инстинктовъ далеко за современные предѣлы его. Нѣтъ никакой нужды замѣнять современный бракъ свободною любовью или общиннымъ бракомъ“.

личныхъ сумасбродныхъ мнѣній по вопросамъ брачной жизни нельзя ставить въ вину идеѣ коллективизма, однако уже одно то, что такія мнѣнія, столь распространенныя въ современномъ обществѣ, съ особою любовью льнутъ къ соціализму, говоритъ не въ пользу послѣдняго.

Распредѣленіе благъ. Отъ соціализма ждутъ, что онъ обезпечитъ рабочему право на полный продуктъ труда, право на существованіе и право на трудъ [1]). Какъ отвѣчаетъ научный соціализмъ на эти притязанія? Шэффле, какъ мы видѣли, усвояетъ соціализму распредѣленіе благъ между всѣми сообразно количеству и общественной полезности производительнаго труда каждаго. П. Лавровъ на это замѣчаетъ, что „большинство соціалистовъ всѣхъ странъ принимаютъ противоположное ученіе: отъ всякаго по его силамъ, всякому по его потребностямъ [2]). Это ученіе въ настоящую минуту съ гораздо большимъ правомъ можно бы называть господствующимъ ученіемъ соціализма, чѣмъ противоположное“. Марксъ [3]) различалъ двѣ фазы соціалистическаго общества. Первая фаза это время, когда соціалистическое общество только-что нарождается, только-что выходитъ изъ нѣдръ капиталистическаго общества, когда оно во всѣхъ отношеніяхъ, экономическомъ, нравственномъ, духовномъ, еще носитъ на себѣ черты своей матери—стараго общества. Въ эту фазу каждый отдѣльный производитель-рабочій получаетъ обратно отъ общества какъ разъ то, что онъ даетъ ему своимъ трудомъ, за исключеніемъ удерживаемаго на покрытіе общественныхъ нуждъ. Онъ получаетъ отъ общества удостовѣреніе, что онъ исполнилъ такую-то и такую-то работу (за удержаніемъ части его работы въ общественный фондъ) и по этому удостовѣренію получаетъ изъ общественнаго запаса ровно столько, сколько стоитъ его работа (gleichviel Arbeit kostet). То же самое количество работы, которое онъ далъ обществу въ одной формѣ, онъ получаетъ назадъ въ другой формѣ. Здѣсь, очевидно, господствуетъ тотъ же прин-

---

[1]) Исторію этихъ притязаній смотри въ книгѣ Антона Менгера *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag=Право на полный продуктъ труда.*

[2]) Это формула Кабэ: à chacun suivant ses besoins, de chacun suivant ses forces (*Voyage en Icarie*) и Луи Блана: de chacun selon ses facultés, à chacun selon ses besoins (*Questions d' aujourd'hui et de demain*).

[3]) *Zur Kritik des socialdemokratischen Parteiprogramms* (*Neue Zeit*).

цип'ъ, какъ и въ товарномъ обмѣнѣ, поскольку онъ есть обмѣнъ равноцѣнными товарами. Право производителей пропорціонально исполненной имп работѣ; равенство состоитъ въ томъ, что измѣреніе производится равнымъ масштабомъ, работой. Но одинъ человѣкъ превосходитъ другого физически и духовно, вслѣдствіе чего можетъ или въ то же самое время произвести больше работы, или же работать въ теченіе большаго времени; и работа для того, чтобы служить мѣриломъ, должна опредѣляться по продолжительности или по интенсивности, иначе она перестаетъ служить масштабомъ. Это равное право приводитъ къ неравнымъ правамъ за неравную работу. Уже не остается классовыхъ различій, потому что каждый есть такой же работникъ, какъ и другой, но молчаливо признается неравное индивидуальное дарованіе и неравная работоспособность, какъ природныя привилегіи. Это право, подобно всякому праву, есть по своему содержанію право на неравенство. Эти недостатки неизбѣжны въ первую фазу коммунистическаго общества, когда оно только-что вышло, послѣ долгихъ мукъ рожденія, изъ капиталистическаго общества. Въ высшую фазу коммунистическаго общества, послѣ того, какъ исчезнетъ рабское подчиненіе индивидуумовъ раздѣленію труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположность между трудомъ умственнымъ и физическимъ, послѣ того какъ трудъ станетъ не только средствомъ къ жизни, но самъ сдѣлается первой жизненной потребностью, послѣ того какъ вмѣстѣ съ всесторонним развитіемъ индивидуумовъ возрастутъ и производительныя силы, и всѣ источники общественнаго богатства потекутъ изобильно—лишь тогда можно будетъ переступить за тѣсные предѣлы буржуазнаго права, и общество будетъ въ состояніи написать на своемъ знамени: каждый по своимъ способностямъ, каждому по его потребностямъ [1]).

Энгельсъ въ Anti-Dühring'ѣ выражаетъ свою мысль о распре-

[1]) In einer höheren Phase.... kann der enge bürgerliche Rechtshorizont ganz überschritten werden und die Gesellschaft auf ihre Fahnen schreiben: Jeder nach seinen Fähigkeiten, jedem nach seinen Bedürfnissen.

Ср. *Капиталъ:* „Представимъ себѣ союзъ свободныхъ людей, которые работаютъ общими орудіями производства и всѣ свои индивидуальныя рабочія силы сознательно расходуютъ, какъ единую общественную рабочую силу. Совокупный продуктъ союза есть общественный продуктъ. Часть этого продукта будетъ служить вновь средствомъ.

дѣленіи благъ въ слѣдующихъ трехъ тезисахъ. Во-первыхъ: трудъ не имѣетъ цѣнности, и право рабочаго „на полный продуктъ труда“ не имѣетъ основаній. Такъ какъ трудъ при извѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ производитъ не только продукты, но и цѣнности, и эта цѣнность измѣряется трудомъ, то онъ такъ же мало можетъ имѣть особую цѣнность, какъ тяжесть, въ качествѣ таковой, особый вѣсъ или теплота—особую температуру. Но характерной особенностью всѣхъ, мудрствующихъ по поводу „истинной цѣнности“, сбивчивыхъ соціальныхъ представленій является то, что воображаютъ, будто въ современномъ обществѣ рабочій получаетъ неполную „цѣнность“ за свой трудъ и будто соціализмъ призванъ устранить это. Въ такомъ случаѣ прежде всего надлежитъ установить, что такое цѣнность труда; и это дѣлаютъ, пытаясь измѣрять трудъ не его адэкватной мѣрой, временемъ, но продуктомъ его. Рабочій долженъ получать „полный продуктъ своего труда“. Не только продуктъ труда, но и самый трудъ долженъ быть вымѣниваемъ непосредственно на продуктъ, часъ труда на продуктъ другого часа труда. Но тутъ тотчасъ же возникаетъ „опасное“ затрудненіе. *Весь продуктъ* распредѣляется. Главнѣйшая прогрессивная функція общества, накопленіе, отнимается у него и предоставляется дѣятельности и произволу каждаго въ отдѣльности. Отдѣльныя личности могутъ дѣлать, что хотятъ, съ своими „доходами“, общество въ лучшемъ случаѣ остается столь же богатымъ или бѣднымъ, какимъ оно и было. Итакъ, накопленныя въ прошедшемъ средства производства централизуются въ рукахъ общества только для того, чтобы затѣмъ всѣ накопленныя въ будущемъ средства производства снова разсѣять по рукамъ отдѣльныхъ лично-

---

производства. Она будетъ оставаться общественнымъ достояніемъ. Но другая часть потребляется членами общины, а потому должна быть между ними распредѣлена. Способъ этого распредѣленія будетъ мѣняться сообразно съ характеромъ самого общественнаго производительнаго организма и соотвѣтственно степени историческаго развитія производителей. Предположимъ, что доля каждаго производителя въ средствахъ существованія опредѣляется его рабочимъ временемъ. Въ такомъ случаѣ рабочее время служитъ мѣриломъ индивидуальнаго участія производителей въ общей работѣ, а потому—и въ той долѣ общаго продукта, которая предназначается для индивидуальнаго потребленія“.

стей. Своимъ собственнымъ предпосылкамъ наносится ударъ, онѣ доводятся до чистаго абсурда. Во-вторыхъ, Энгельсъ признаетъ равенство принципомъ распредѣленія благъ. Современное требованіе равенства состоитъ, по его словамъ, въ томъ, что изъ равенства людей, какъ таковыхъ, выводится требованіе равенства соціальнаго и политическаго положенія всѣхъ людей или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ гражданъ одного государства или всѣхъ членовъ одного общества. Въ-третьихъ, на вопросъ, не нужно ли болѣе сложный трудъ оплачивать болѣе высокою мѣрою, Энгельсъ отвѣчаетъ отрицательно. „Въ обществѣ частныхъ производителей издержки по образованію обученнаго рабочаго падаютъ на частныхъ лицъ или ихъ семействъ; поэтому и частнымъ лицамъ ближайшимъ образомъ достается высшая плата за обученную рабочую силу: искусный рабъ продавался дороже, искусный наемный рабочій оплачивается дороже. Въ обществѣ, организованномъ соціалистически, эти издержки оплачиваются обществомъ, поэтому ему принадлежатъ и результаты ихъ, т. е. созданныя болѣе сложнымъ трудомъ высшія цѣнности. Самъ рабочій не можетъ претендовать на какой-либо избытокъ“.

Каутскій: „На долгія времена распредѣленіе благъ въ соціалистическомъ обществѣ должно будетъ происходить въ такихъ формахъ, которыя будутъ представлять собою дальнѣйшее развитіе нынѣшнихъ формъ *заработной платы*. Всѣ формы нынѣшней системы вознагражденія—постоянное жалованье, повременная плата, поштучная плата, преміи за работу, превышающую извѣстную норму, различная оплата различныхъ работъ—всѣ эти формы вознагражденія совмѣстимы — разумѣется, въ соотвѣтственно измѣненномъ видѣ—съ сущностью соціалистическаго общества“.

Бебель: „Если кто-нибудь надѣленъ отъ природы способностями, которыя ставятъ его выше другихъ, то *общество не обязано вознаграждать его за то, что не составляетъ его личной заслуги*. То, что представляетъ изъ себя каждый, сдѣлано изъ него обществомъ. Средства, которыхъ каждый требуетъ для своего образованія, являются *собственностью* общества. Такимъ образомъ, общество не можетъ обязаться особо вознаграждать то, что оно само сдѣлало возможнымъ, то, что въ сущности *его собственный продуктъ*“.

Антонъ Менгеръ [1]): „Право на полный продуктъ труда ни въ какомъ случаѣ не совмѣстимо съ нашимъ современнымъ общественнымъ порядкомъ, который въ большей части Европы признаетъ частную собственность на землю и капиталъ. При правовомъ порядкѣ, допускающемъ общественную собственность съ частнымъ пользованіемъ, право на полный продуктъ труда является естественнымъ принципомъ распредѣленія. Въ обществѣ, организованномъ коммунистически, гдѣ общественная собственность является соединенной съ общимъ пользованіемъ, проведеніе этого права возможно, но практическія затрудненія, представляющіяся при такой комбинаціи, настолько велики, что основой распредѣленія здѣсь надо считать право на средства къ существованію".

Фулье [2]) остроумно обнаруживаетъ внутреннее противорѣчіе между тремя соціалистическими требованіями—право на трудъ, право на полный продуктъ труда и право на средства къ существованію—и на несогласованность всѣхъ этихъ требованій съ правомъ на свободу. „Покровительство, оказываемое индивидуумамъ обществомъ, если оно доходитъ до коллективизма и коммунизма, приводитъ къ подавленію индивидуальной свободы во всѣхъ ея видахъ. Индивидуумы становятся малолѣтками подъ опекой коллектива. Право на трудъ покупается цѣною права свободно трудиться, выбирать объектъ и видъ труда, профессію, время труда и отдыха и пр. Право на полный продуктъ покупается цѣною всецѣлой передачи продуктовъ въ руки общины, которая уже распредѣляетъ ихъ по своему усмотрѣнію, не сообразуясь съ личными намѣреніями: оно приводитъ къ устраненію собственности на блага, обязанныя моему труду. Право на средства къ существованію покупается цѣною права для каждаго пользоваться продуктами своего труда, потреблять или не потреблять ихъ по своему желанію и какимъ угодно образомъ. Всѣ права на что-нибудь, переданныя въ руки Государства-Промысла, уничтожаютъ право что-либо дѣлать. Вообще можно сказать, что соціалистическая декларація правъ приводитъ къ отмѣнѣ декларации правъ человѣка и

---

[1]) *Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag=Право на полный продуктъ труда.*

[2]) *Le socialisme et la sociologie réformiste.*

гражданина, является реставраціей стараго абсолютизма въ видѣ коллектива, еще болѣе всемогущаго и властнаго, чѣмъ королевская власть. Всякое покровительство, которое не имѣетъ цѣлью покровительствовать свободѣ индивидуума, обращается въ рабство".

Лакомбъ [1]) указываетъ другіе недостатки соціалистическаго проэкта. „Основать общество на соціалистическомъ началѣ значило бы совершенно изгнать изъ него экономическую отвѣтственность. Между тѣмъ при созданіи богатства послѣдняя была почти единственнымъ стимуломъ. Если вы уничтожите этотъ стимулъ, то не перестанутъ ли тогда люди работать? Положимъ, дѣятельность не прекратится совершенно, но нѣтъ сомнѣнія, что она ослабѣетъ, и если въ концѣ концовъ работать все-таки будутъ, вслѣдствіе неутомимости человѣческихъ потребностей, то самымъ печальнымъ результатомъ новаго порядка вещей оказалось бы распредѣленіе труда: при соціалистической организаціи общества лѣнивые и эгоисты сбросили бы все бремя труда на плечи добрыхъ и великодушныхъ. Уже въ современномъ обществѣ сильно сказывается подобное стремленіе, но мы даже не отдаемъ себѣ отчета, въ какой степени погибаютъ лучшіе люди, раздавленные тѣмъ лишнимъ бременемъ, которое взвалили на нихъ другіе. Побѣда соціализма была бы полнымъ торжествомъ худшихъ".

Бернштейнъ [2]) говоритъ о непосильности той задачи, какую беретъ на себя соціалдемократія въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ. „Рядомъ съ ростомъ *безкорыстія и самоотверженности у однихъ* надо ждать крайне *напряженныхъ ожиданій и требованій у другихъ*, и если мы представимъ себѣ отношеніе части рабочихъ, несущихъ жертвы ради политическихъ и профессіональныхъ цѣлей, ко всему рабочему классу, то мы должны будемъ сказать, что первые составятъ, по всей вѣроятности, меньшинство, вторые же—громадное большинство. Будетъ ли общество въ состояніи немедленно же дать удовлетвореніе этимъ требованіямъ? Можетъ ли политическій переворотъ, который передастъ

---

[1]) *L'histoire considerée comme science=Соціологическія основы исторіи.*

[2]) *Zur Geschichte und Theorie des Socialismus=Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма.*

власть соціалдемократіи, непосредственно уменьшить обязанность каждаго заботиться о самомъ себѣ?.. Необходимо отказаться, какъ отъ чистѣйшей утопіи, отъ мысли, по которой соціалистическое преобразованіе превратитъ государство въ учрежденіе, автоматически заботящееся о продовольствіи своихъ членовъ".

Макензи [1]), останавливаясь на формулѣ: „отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ",—также обращаетъ вниманіе на то, что въ соціалистическомъ обществѣ не было бы мотивовъ для лѣниваго большинства заниматься общественнымъ дѣломъ. Оправдалось бы старинное изреченіе: дѣло всѣхъ—ничье. Напротивъ, индивидуумы съ исключительною совѣстливостью стали бы жертвовать собою и своимъ развитіемъ для ближайшаго дѣла болѣе, чѣмъ это допустимо условіями роста таланта на пользу общества. Нѣтъ возможности для общества опредѣлить, исполняетъ ли каждый все дѣло, къ которому онъ способенъ, какъ бы ни былъ великъ штатъ надзирателей. Скорѣе нужно ожидать общей небрежности. Способные стали бы ограбляться неспособными въ полную противоположность тому, что имѣетъ мѣсто при свободной конкурренціи. Сохранилось бы и исконное затрудненіе всѣхъ такого рода системъ: кто сталъ бы наблюдать за надзирателями—quis custodiet custodes? Нужно, наконецъ, добавить, что въ соціалистическомъ обществѣ не было бы стимула для развитія таланта [2]). Столь же затруднительнымъ Макензи считаетъ распредѣленіе продуктовъ соразмѣрно потребностямъ. Человѣкъ по природѣ ненасытенъ, какъ море. Наши потребности безконечны, и совершенно невозможно положить для нихъ границу. Можно отыскать изъ нихъ наиболѣе ненасытныя, однако такими рѣдко бываютъ наиболѣе неотложныя потребности. Затѣмъ распредѣленіе благъ соотвѣтственно потребностямъ

---

[1]) *An introduction to social philosophy.*

[2]) We have only to add that in such a society there would be no sufficient stimulus to the development of talent. The sharpening of our intellect would increase responsibility without adding to reward; and as there are always some to whom a pillow is more attractive than a crown of thorns, or even of laurel, there would always be some who would allow their talents to rust, and persuade themselves and others that they did not possess them. It would the paradise of all the Skimpoles.

увеличило бы неравенство между людьми даже сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ нынѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабило бы ту возвышающую силу потребностей и соотвѣтствующихъ имъ благъ, которая заключается въ личныхъ усиліяхъ къ удовлетворенію наиболѣе настоятельныхъ нуждъ. Трудно также, по мнѣнію Макензи, соразмѣрять распредѣленіе благъ съ трудомъ. Продукты труда не имѣютъ сами по себѣ опредѣленной цѣнности, и это не даетъ возможности оцѣнивать трудъ по степени полезности произведенныхъ продуктовъ. Индивидуальное усиліе зависитъ отъ степени способностей. Если же взять мѣриломъ среднія способности, то какъ цѣнить произведенія, превышающія уровень среднихъ способностей? Самое понятіе усилія неопредѣленно, если только не ограничиваться мускульнымъ усиліемъ, а ограничиваться невозможно. Если ввести гедонистическій принципъ непріятности труда и пріятности продуктовъ труда, то это было бы возвратомъ къ современной системѣ соперничества.

На неприноровленность соціалистическаго плана къ человѣческой природѣ указываютъ и другіе критики соціализма, ссылающіеся на производительную силу личнаго интереса [1]). Соціализмъ старается такъ или иначе укрѣпить свою позицію. Одни сторонники соціализма [2]) указываютъ на то, что, въ отличіе отъ управляющихъ и рабочихъ на государственныхъ фабрикахъ, которые не имѣютъ никакого частнаго

---

[1]) Также и Шэффле *Bau und Leben des socialen Körpers* B. III (*Kapitalismus und Socialismus*): Das Fabuliren davon, dass der Socialstaat von selbst, gar alsbald einen Bürgersinn herstellen werde, um Alle aus Liebe zum Ganzen zur höchsten Arbeitsamkeit, Folgsamkeit, Wirthschaftlichkeit u s. w. zu vermögen, ist und bleibt ein Fabuliren, auf das der neuere Socialismus z. Th. verzichtet hat. Es ist eitel Thorheit, ja mehr es wäre ein selbstmörderisches Vertrauen, welches sich vermessen würde, den Collectivismus einführen zu wollen, ohne gesellschaftlich alle jene Garantien individueller Wirthlichkeit mindestens sicherzustellen, welche der heutigen Volkswirthschaft dadurch innewohnen, dass die tüchtige Erfüllung des Produktions—und Handelsberufes und des Lohndienstes mit dem *Privatinteresse* verknüpft ist. Ohne Wettkampf und höheres Einkommen für höhere Leistung keine volle Entwickelung!

См. также Шэферъ *Die Unvereinbarkeit des sozialistischen Zukunftstaates mit der menschlichen Natur.*

[2]) Проф. Иванюковъ *Очерки экономической политики.*

интереса производить наиболѣе хозяйственнымъ образомъ, чѣмъ объясняется всѣмъ извѣстная малая успѣшность современныхъ правительственныхъ промышленныхъ предпріятій,—въ соціалистической организаціи каждый получитъ тѣмъ болѣе дохода, чѣмъ успѣшнѣе будутъ работать онъ самъ и его товарищи; что, далѣе, на соціалистической фермѣ или фабрикѣ каждый работникъ трудится подъ контролемъ не одного хозяина, а всѣхъ членовъ ассоціаціи. Слабость этой аргументаціи слишкомъ очевидна. Другіе [1]) разсчитываютъ на то, что люди способны проникаться общественнымъ духомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ привыкли предполагать въ нынѣшнее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Коммунистическая ассоціація была бы самою выгодною почвою для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе, вся физическая и умственная дѣятельность, которыя теперь заняты заботами о частныхъ личныхъ выгодахъ, стали бы искать тогда занятія въ другой сферѣ и, естественно, нашли бы его въ заботахъ объ общей пользѣ ассоціаціи. При коммунизмѣ гражданинъ былъ бы связанъ съ общиною тою же самою причиною, которою такъ часто объясняли преданность католическаго священника или монаха интересамъ его сословія; онъ не имѣлъ бы интересовъ, различныхъ отъ общаго интереса. Мы, говорятъ, не знаемъ неизмѣнной человѣческой природы. Самъ Марксъ авторитетно заявилъ—въ сочиненіи, направленномъ противъ Прудона,—что „вся исторія есть не что иное, какъ непрерывное видоизмѣненіе человѣческой природы“. Природа не только измѣняется, но мы и должны ее измѣнять. „Философы лишь *объясняли* міръ такъ или иначе; но дѣло заключается въ томъ, чтобы *измѣнить* его“, сказалъ онъ же въ одномъ изъ тезисовъ о философіи Фейербаха [2]). Нельзя опираться на эгоизмъ, какъ на незыблемую почву: самъ эгоизмъ, или индивидуализмъ, какъ и капитализмъ,

---

[1]) Д. С. Милль *The principles of political economy=Основанія политической экономіи.*

[2]) Ср. *Капиталъ:* „Дѣйствуя на внѣшнюю природу и измѣняя ее, человѣкъ въ то же время измѣняетъ и свою собственную природу“.

есть историческое явленіе. Съ новымъ общественно-экономическимъ строемъ мы можемъ ожидать новой психики, новыхъ мотивовъ дѣятельности: эгоизмъ можетъ ослабнуть и даже совсѣмъ исчезнуть. Объ исторической обусловленности эгоизма Марксъ говоритъ съ значительною обстоятельностью въ двухъ сочиненіяхъ—въ статьѣ по *еврейскому вопросу* (Zur Iudenfrage) и въ полемическомъ сочиненіи противъ Штирнера. Въ первой статьѣ Марксъ разсуждаетъ объ условіяхъ, при которыхъ еврейство можетъ перестать существовать, причемъ еврей ему представляется воплощеніемъ эгоистичнаго человѣка—„этого пассивнаго, давняго результата разложенія общества“. Онъ пишетъ: „для насъ вопросъ о способности еврея къ эмансипаціи превращается въ вопросъ о томъ, какой особенный элементъ общества должно преодолѣть для того, чтобы еврейство перестало существовать? Вопросъ о способности нынѣшняго еврея къ эмансипаціи—это вопросъ объ отношеніи еврейства къ эмансипаціи нынѣшняго міра. Это отношеніе необходимо слѣдуетъ изъ особеннаго положенія еврейства въ нынѣшнемъ порабощенномъ мірѣ“. Мірское основаніе еврейства въ практической потребности, въ своекорыстіи, въ эгоизмѣ. Мірской культъ еврея—купля-продажа. Его мірской Богъ—деньги. Но въ эмансипаціи отъ купли-продажи и денегъ, т. е. отъ практическаго, реальнаго еврейства, въ этомъ и должна состоять само-эмансипація нашего времени. Возможна ли она? На этотъ вопросъ Марксъ отвѣчаетъ положительно. „Организація общества, которая уничтожила бы предпосылки купли-продажи, такая организація дѣлала бы невозможнымъ еврея. Его религіозное сознаніе растворилось бы, какъ туманъ въ дѣйствительномъ жизненномъ воздухѣ общества. Съ другой стороны, когда еврей признаетъ свою практическую сущность негодной и работаетъ надъ ея уничтоженіемъ, онъ работаетъ, исходя изъ своего прежняго развитія, надъ дѣломъ всеобщей человѣческой эмансипаціи и борется противъ высшаго практическаго выраженія человѣческаго самоотчужденія. Мы признаемъ въ еврействѣ общій современный антисоціальный элементъ, достигшій теперь, благодаря историческому развитію, въ которомъ евреи принимали очень печальное и очень ревностное участіе, своего апогея, того пункта, съ котораго необходимо должно начаться его разложеніе... Живучесть

еврея мы объясняемъ не его религіей, а человѣческой основой его религіи, практической потребностью, эгоизмомъ. Какъ только обществу удастся уничтожить эмпирическую сущность еврейства, куплю-продажу и ея предпосылки, еврей станетъ невозможенъ, такъ какъ его сознаніе не будетъ больше имѣть объекта, такъ какъ съ этого момента субъективная основа еврейства, практическая потребность, очеловѣчится, такъ какъ конфликтъ между индивидуально-чувственнымъ существованіемъ и родовымъ существованіемъ человѣка съ этого момента исчезнетъ".—Къ тому же вопросу о возможномъ исчезновеніи антисоціальной эгоистической психики Марксъ возвращается въ полемическомъ сочиненіи противъ Штирнера [1]). Общій смыслъ данной здѣсь критики ученія Штирнера сводится къ тому, что Штирнеръ принимаетъ эгоизмъ не въ эмпирическомъ значеніи слова, но возводитъ „свой" эгоизмъ въ норму, въ долгъ, въ идеалъ, въ абсолютъ, проповѣдуетъ „святой эгоизмъ". Въ самомъ дѣлѣ Штирнеръ различаетъ эгоизмъ свободный, сознательный, послѣдовательный отъ эгоизма несвободнаго, безсознательнаго, который всегда соединяется съ самоотреченіемъ. Для Штирнера въ святомъ и непорочномъ есть нѣчто общее съ безбожнымъ и порочнымъ—именно, ихъ самоотреченіе. Порочный отрекается отъ всѣхъ „лучшихъ чувствъ", отъ всякаго стыда, даже отъ естественной боязливости и слѣдуетъ только овладѣвшему имъ вожделѣнію, тогда какъ непорочный отрекается отъ естественныхъ отношеній къ міру („отрекается отъ міра") и слѣдуетъ только овладѣвшему имъ влеченію. Штирнеръ не допускалъ никакого самоотреченія, не допускалъ и того самоотреченія, какого общество требуетъ отъ личности. Онъ спрашивалъ: „почему эгоизмъ тѣхъ, которые утверждаютъ личный интересъ, однако постоянно подпадаетъ подъ власть поповскаго или школьнаго, т. е. идеальнаго интереса (einem pfäffischen oder schulmeisterlichen, d. h. einem idealen Interesse unterliegt)"? Штирнеръ объясняетъ это тѣмъ, что „ихъ личность представляется имъ самимъ маленькой, слишкомъ ничтожной—и въ дѣйствительности она такова—для того, чтобы всего домогаться и всецѣло

---

[1]) Сочиненіе Маркса и Энгельса *Sankt Max*, сохранившееся въ отрывкахъ, напечатано въ *Documente des Sozialismus* томы III и IV.

отстаивать себя". Марксъ такъ перифразируетъ этотъ вопросъ: почему личные интересы, независимо отъ личной воли, развиваются въ классовые интересы, въ общественные интересы, которые, въ отличіе отъ отдѣльныхъ личностей, получаютъ самостоятельное значеніе, и въ этомъ значеніи принимаютъ видъ *общихъ* интересовъ, какъ таковые—становятся противоположными дѣйствительнымъ индивидуумамъ, и въ этой противоположности, какъ *общіе интересы*, могутъ представляться сознанію *идеальными*, даже религіозными, святыми интересами? Почему съ этимъ переходомъ личныхъ интересовъ въ классовые интересы личное поведеніе индивидуума овеществляется, дѣлается чужимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ становится независимой отъ него, взаимными сношеніями людей произведенной, силой, превращается въ общественныя отношенія, въ рядъ силъ, которыя опредѣляютъ и подчиняютъ его и потому кажутся ему „святыми" силами? Если бы Штирнеръ постигъ тотъ фактъ, что при извѣстныхъ, отъ личной воли независимыхъ, способахъ производства надъ людьми поднимаются чуждыя, независимыя отъ нихъ силы, то для него было бы безразлично, представляется ли этотъ фактъ религіозно или нѣтъ. Тогда то, что ему кажется продуктомъ мысли, онъ постигъ бы какъ продуктъ жизни. Тогда личные и общіе интересы оказались бы двумя сторонами личнаго развитія индивидуумовъ, обязанными эмпирическимъ условіямъ жизни, лишь выраженіями того же самаго личнаго развитія, а противорѣчіе между ними оказалось бы мнимымъ. По мнѣнію Штирнера, принципомъ любви или общественности [1]) создается общественная жизнь, обходительность, братство. Лучше сказать наоборотъ: жизнью создается принципъ. „Нашему святому" (Штирнеру) коммунизмъ представляется непостижимымъ потому, что коммунисты не выставляютъ ни эгоизма противъ самопожертвованія, ни самопожертвованія противъ эгоизма, и теоретически не принимаютъ этой противоположности ни въ мягкой, ни въ рѣзкой идеологической формѣ, но обнаруживаютъ ея матеріальный источникъ, вмѣстѣ съ которымъ она сама собою

---

[1]) Въ *Sankt Max* (*Dokumente des Sozialismus*) ошибочно сказано Lebens— oder Sozietätsprinzip вмѣсто Liebes—oder Societätsprincip, какъ читается у Штирнера *Der Einzige und sein Eigenthum.*

исчезаетъ. Коммунисты вообще не проповѣдуютъ никакой *морали*, что столь охотно дѣлаетъ Штирнеръ. Они не предъявляютъ людямъ нравственнаго требованія: любите другъ друга, не будьте эгоистами; напротивъ, они очень хорошо знаютъ, что эгоизмъ такъ же, какъ и самопожертвованіе, является при извѣстныхъ отношеніяхъ необходимою формою достиженія индивидуальныхъ цѣлей. Теоретическіе коммунисты знаютъ, что противоположность между общими и личными интересами есть мнимая противоположность, и что противоположность эта непрерывно то практически уничтожается, то создается [1]).

Въ послѣднее время мысль о возможномъ исчезновеніи эгоизма при коммунистическомъ строѣ общества повторяется часто [2]).

За этою аргументаціею мы должны признать большую силу. Дѣйствительно, нельзя возводить въ абсолютъ ни одно изъ свойствъ человѣческой природы, и также—эгоизмъ. Въ нашей психикѣ все условно. Былъ коммунистическій строй, ему соотвѣтствовали коллективистическія чувства; господ-

---

[1]) Der *Kommunismus* ist deswegen unserem Heiligen rein unbegreiflich, weil die Kommunisten weder den Egoismus gegen die Aufopferung, noch die Aufopferung gegen den Egoismus geltend machen, und theoretisch diesen Gegensatz weder in jener gemütlichen, noch in jener überschwenglichen, ideologischen Form fassen, vielmehr seine materielle Geburtsstätte nachweisen, mit welcher er von selbst verschwindet. Die Kommunisten predigen überhaupt keine *Moral*, was Stirner im ausgedehntesten Masse tut. Sie stellen nicht die moralische Forderung an die Menschen: liebet euch unter einander, seid keine Egoisten p. p.; sie wissen im Gegenteil sehr gut, dass der Egoismus ebenso wie die Aufopferung eine unter bestimmten Verhältnissen notwendige Form der Durchsetzung der Individuen ist usw.

[2]) Pannekoek *Ethik und Sozialismus:* Wir sagen, dass in der Zukunft in einer sozialistischer Gesellschaft dieser Trieb (Egoismus) abnehmen und sogar verschwinden wird.—У Штаммлера *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung=Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи* соціалистъ (въ діалогѣ съ буржуа) говоритъ: „Типичныя качества человѣка,—то, что вы называете человѣческой природой,—суть только рефлексъ экономическихъ отношеній, и ихъ своеобразіе цѣликомъ опредѣляется этой питающей ихъ почвой. *Измѣните соціальную обстановку, „milieu"—„среду", и вы однимъ ударомъ измѣните нравы, привычки, страсти и чувства людей* и т. д.

ствующей нынѣ частной собственности соотвѣтствуетъ индивидуализмъ, мы можемъ ожидать и новыхъ измѣненій въ человѣческой психикѣ. Однако, имѣемъ ли мы основанія надѣяться на полный возвратъ прошлаго, на полное исчезновеніе эгоизма [1])? Мы не должны отрицать возможности дальнѣйшей психической эволюціи, послѣдующаго осложненія индивидуализма, но можемъ ли мы разсчитывать на обратную эволюцію [2])? Индивидуализмъ укрѣпился исторически, но, укрѣпившись, можетъ ли онъ вполнѣ уступить мѣсто первобытному психическому коллективизму? Это вопросъ, для положительнаго отвѣта на который мы не имѣемъ данныхъ. Если мы хотимъ оставить область пророчествъ и не покидать научной почвы, мы должны опираться лишь на фактическое состояніе человѣческой природы. Мы вполнѣ соглашаемся съ слѣдующими словами Антона Менгера (изъ названнаго выше его труда): „Я считаю изслѣдованіе идеальнаго общественнаго строя не только за научное, но также за необходимое, если соціалистическое движеніе должно достигнуть, хотя частью, своихъ цѣлей. Только тогда утопію можно назвать ненаучной, когда при созданіи соціальной системы будущаго исходятъ изъ того взгляда, что люди, послѣ введенія новаго соціальнаго порядка, будутъ руководствоваться иными побужденіями, или что измѣнится связь между причиной и слѣдствіемъ по сравненію съ настоящимъ временемъ. Какъ новые, такъ и старые соціалисты, не исключая и Энгельса, часто оставляли безъ вниманія эти основныя правила. Стоитъ только вспомнить Кабэ, который братство считалъ за единственное человѣческое побужденіе въ соціалистическомъ обществѣ, а также и за единственную его цѣль, хотя ему и было невозможно закрыть глаза на то, что всѣ произведенные до сихъ поръ опыты надъ человѣческой

[1]) Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ современнаго раздѣленія труда, что представляется въ связи у Энгельса въ *Антидюрингѣ*.

[2]) Мысль о томъ, что при прогрессивномъ развитіи общества простой возвратъ къ примитивнымъ формамъ жизни, въ частности къ первобытной однородности труда, невозможенъ, достаточно твердо обоснована (вслѣдъ за О. Контомъ *Cours de philosophie positive* t. IV) Де Грефомъ въ *Le transformisme social*. Такой возвратъ возможенъ лишь въ смыслѣ регресса, вырожденія; а при прогрессивномъ движеніи старое возвращается не иначе, какъ въ болѣе сложной и дифференцированной формѣ. Мы можемъ ожидать не исчезновенія, а осложненія эгоизма.

природой не позволяли надѣяться на осуществленіе идеи братства въ коммунистическомъ государствѣ".

Въ послѣднее время мы встрѣчаемъ уже и соціалистовъ, которые не хотятъ слушать басни о нравственномъ перерожденіи человѣка въ новомъ соціалистическомъ обществѣ. Проф. Исаевъ пишетъ [1]) слѣдующее. „Пустая забава—думать и гадать о томъ, каковы будутъ люди чрезъ длинный рядъ вѣковъ. Давая волю своему воображенію, пытаясь создать еще одинъ соціальный романъ, можно въ лучшемъ случаѣ набросать рядъ красивыхъ картинъ, высказать нѣсколько остроумныхъ положеній. Предсказать же, какъ будутъ жить наши потомки въ 50-мъ колѣнѣ, рѣшительно нѣтъ возможности. За это ручается ограниченная прозорливость самыхъ сильныхъ умовъ. А потому, если кто-нибудь станетъ увѣрять меня, что въ 2907 году почти во всѣхъ уголкахъ земного шара эгоизмъ будетъ молчать, между людьми будутъ господствовать равенство и братство, начало дружелюбія будетъ давать тонъ почти всѣмъ житейскимъ отношеніямъ, что почти каждый будетъ охотно получать изъ общественнаго дохода не больше, чѣмъ получаетъ сосѣдъ, то я возражать не буду... Люди, продолжаетъ проф. Исаевъ, вступятъ въ соціалистическій строй съ той совокупностью страстей, съ тѣмъ характеромъ мотивовъ, которые господствуютъ въ капиталистическомъ обществѣ. *Нѣтъ, и не можетъ быть силы, способной передѣлать людей за короткое время только потому, что орудія производства будутъ собственностью не отдѣльныхъ лицъ, а всѣхъ.* У членовъ новаго общества также будутъ преобладать любовь къ себѣ и своимъ ближнимъ, сознаніе, что, даже при полномъ усердіи въ работѣ, не всѣ равно содѣйствуютъ успѣхамъ общественнаго производства. За этимъ сознаніемъ будетъ слѣдовать и выводъ, что, вслѣдствіе большой разницы между людьми, они имѣютъ право на неравныя доли общественнаго дохода. Возможность получить больше и лучше удовлетворить свои вкусы въ мірѣ потребленія будетъ служить для многихъ побудительнымъ стимуломъ къ напряженію рабочей силы, къ поставленію услугъ въ большемъ количествѣ и лучшаго качества. Какъ теперь, такъ и тогда будетъ прочно дер-

[1]) *Индивидуальность и соціализмъ.*

жаться сознаніе, что трудъ инженера сложнѣе работы землекопа или плотника, трудъ врача цѣннѣе труда портного, а занятіе живописью или ваяніемъ требуетъ гораздо больше данныхъ, чѣмъ ремесло пекаря.—Соціалистическое общество будетъ принимать въ расчетъ всѣ эти различія и выражать ихъ въ неравномъ вознагражденіи людей за трудъ“ [1]).

Характеръ власти. По этому вопросу коллективисты высказываются съ наибольшею опредѣленностью. Обѣщая, что поднявшаяся производительность не только обезпечитъ всѣмъ членамъ соціалистическаго общества ежедневное пропитаніе, которое будетъ со дня на день изобильнѣе, но и сдѣлаетъ для нихъ возможнымъ вполнѣ свободное развитіе и усовершенствованіе физическихъ и духовныхъ дарованій [2]), и что та дисциплина, въ которой нынѣ „капиталистъ держитъ своихъ рабочихъ“, станетъ „излишней въ такомъ обществен-

---

[1]) Также Э. Вандервельдъ *Соціалистическій строй* (въ сборникѣ *Задачи соціалистической культуры*): „Очевидно, что распредѣленіе всѣхъ продуктовъ по формулѣ коммунистовъ: „каждому по его потребностямъ“ примѣнимо только при такомъ состояніи общества, въ которомъ продукты будутъ въ достаточномъ изобиліи, а рабочіе будутъ достаточно сознательны, чтобы не было болѣе необходимости, съ одной стороны, ограничивать частное потребленіе, а съ другой — искать побужденій къ труду въ неодинаковости его вознагражденія. Съ другой стороны, формула: „каждому по его трудамъ“, по своему значенію совершенно обратная коммунистической, абсолютно примѣнима только при такомъ состояніи общества, въ которомъ каждый рабочій является частнымъ собственникомъ своихъ средствъ производства, гдѣ поэтому представляется возможность точно опредѣлить долю каждаго въ общей суммѣ продуктовъ... Ничто не помѣшаетъ соціалистическому обществу, въ той или иной формѣ, ввести неравенство въ вознагражденіи за трудъ, въ той мѣрѣ, въ какой это будетъ общественно полезно съ точки зрѣнія производства и въ какой необходимо будетъ присвоить извѣстныя преимущества отдѣльнымъ работникамъ или отдѣльнымъ категоріямъ работниковъ, чтобы повысить ихъ энергію и ихъ способность къ труду“.

[2]) Энгельсъ *Anti-Dühring:* Die Möglichkeit, vermittelst der gesellschaftlichen Produktion allen Gesellschaftsgliedern eine Existenz zu sichern, die nicht nur materiell vollkommen ausreichend ist und von Tag zu Tag reicher wird, sondern die ihnen auch die vollständige freie Ausbildung und Bethätigung ihrer körperlichen und geistigen Anlagen garantirt, diese Möglichkeit ist jetzt zum erstenmal da, aber sie ist da.—Это одно изъ тѣхъ мѣстъ этого самаго важнаго сочиненія Энгельса, которыхъ не имѣется въ русскомъ переводѣ, страдающемъ большими пропусками.

номъ состояніи, при которомъ рабочіе производятъ работы за собственный счетъ, какъ она уже теперь оказывается почти совершенно излишней при задѣльной платѣ“ [1]), коллективистическій соціализмъ предполагаетъ деспотическую центральную власть. Въ *Коммунистическомъ манифестѣ* сказано: „Первымъ этапомъ пролетарскаго преобразованія является конституированіе пролетаріата въ господствующій классъ, завоеваніе демократіей общественной власти. Пролетаріатъ воспользуется своимъ политическимъ господствомъ для того, чтобы концентрировать всѣ средства производства въ рукахъ государства, т. е. сорганизованнаго въ господствующій классъ пролетаріата, и возможно скорѣе увеличить массу производительныхъ силъ. Разумѣется, это не можетъ быть выполнено вначалѣ иначе, какъ путемъ деспотическихъ посягательствъ на права собственности и на буржуазныя производственныя отношенія“. *Классовая борьба во Франціи*: „Революціонный соціализмъ отстаиваетъ *непрерывность революціи и диктатуру пролетаріата*, какъ необходимую переходную ступень къ устраненію вообще всѣхъ классовыхъ различій и всѣхъ тѣхъ производственныхъ отношеній, на которыхъ покоятся эти различія, какъ необходимую переходную ступень къ устраненію всѣхъ общественныхъ отношеній, соотвѣтствующихъ этимъ производственнымъ отношеніямъ, и къ коренному перевороту въ области всѣхъ идей, вытекающихъ изъ этихъ общественныхъ отношеній“. Антонъ Менгеръ *(Новое ученіе о государствѣ)*: „Въ переходную эпоху господствующей формой правленія будетъ открытая или замаскированная диктатура“. „Органы рабочаго народнаго государства, какъ скоро оно ступитъ на путь мирнаго нормальнаго развитія и разовьетъ всѣ скрывающіеся въ его сущности задатки, должны будутъ дифференцироваться на органы порядка и хозяйственныя учрежденія. Въ задачи первыхъ будутъ входить поддержаніе существующаго соотношенія силъ и охрана внѣшняго порядка и спокойствія... Хозяйственныя учрежденія будутъ предписывать отдѣльнымъ членамъ государства родъ и количество требующейся отъ нихъ работы и опредѣлять соотвѣтственное количество благъ и услугъ, получаемыхъ каждымъ... Ника-

[1]) *Капиталъ* III.

кія демократическія симпатіи не должны мѣшать руководителямъ новаго общественнаго строя въ созиданіи сильнаго правительства путемъ цѣлесообразной организаціи государственныхъ органовъ". „Соціализмъ съ самаго начала своего осуществленія долженъ стать на дорогу государственнаго законодательства, такъ какъ онъ совершенно не приспособленъ къ распространенію, основывающемуся на свободномъ согласіи". По словамъ Фулье, соціализмъ немыслимъ безъ принужденія. „Если бы соціализмъ ни въ какой степени не былъ принудительнымъ, онъ былъ бы не чѣмъ инымъ, какъ соціэтаризмомъ, т. е. возможностью вступать или не вступать въ существующія ассоціаціи, возможностью выходить изъ нихъ, возможностью основывать другія, даже возможностью жить изолированно, кратко сказать, полною свободою индивидуума и ассоціацій. Такая свобода не ведетъ и не можетъ вести къ обобществленію земли и орудій труда. Если я не владѣю ни землею, ни капиталами, ни орудіями труда, то развѣ я не беззащитенъ отъ всякаго принужденія и развѣ я могу ему сопротивляться?"

Неудобства такого соціалистическаго режима бросаются въ глаза. Прежде всего не можетъ не возмущать самая идея деспотической власти большинства надъ индивидуальною жизнью, неизбѣжность общественнаго контроля надъ личностью [1]). Затѣмъ, не можетъ радовать перспектива громад-

[1]) Б. Бакъ *The ethics of socialism:* Were a majority to seek to directly regulate the details of the private life of individuals in points where it does not directly come in contact with public life, any resistance on the part of individuals would be justified. Those entrusted with the carrying out of the mandates of the majority in such a case should be treated as common enemies, and if necessary destroyed. Even though the private conduct of individuals might have an *indirect* bearing on the commonweal, this would not justify *direct* interference; any temporary inconvenience would be better than the infraction of the principle of the inviolability of the individual from coercive restraint within his own sphere.

То же читаемъ у Катрейна:... Ebenso wenig lässt sich annehmen, dass die oberste Centralbehörde im socialistischen Staat einfachhin den Bedarf in Bezug auf Art und Masse der Producte *durch einen Machtspruch festsetze* und danach die Production regele. Denkbar ist ein solches Verfahren allerdings. Aber um davon zu schweigen, dass dasselbe mit der demokratischen Organisation im Sinne der Socialisten im Widerspruch steht, wäre es die vollendetste Knechtschaft. Die Freiheit beruht vor allem darauf, dass man selbst nach Gutdünken bestimmen kann, wie man sein Leben

наго чиновничества, неизбѣжнаго въ соціалистическомъ обществѣ. Уже тотъ разрядъ чиновничества, который долженъ будетъ замѣнить негоціантовъ, не можетъ быть малочисленъ, а это будетъ столь же паразитическій классъ, какъ и современные торговцы,—классъ, который обойдется обществу дороже, чѣмъ нынѣшнее купечество, хотя едва-ли столь же хорошо выполнитъ свою задачу [1]). Наконецъ, само демократическое руководство народнымъ хозяйствомъ представляетъ затрудненія, которыя хорошо разъяснены у проф. Макензи въ раньше названной книгѣ. Выраженіемъ „общество, какъ цѣлое"—пишетъ Макензи—обозначается обширное и громоздкое тѣло, составленное изъ разнообразнаго множества разнородныхъ элементовъ—мудрости и глупости, милосердія и самолюбія, энергіи и лѣности, смѣшанныхъ вмѣстѣ въ измѣнчивыхъ и не поддающихся учету пропорціяхъ. И если бы управленіе дѣлами было передано въ руки такого тѣла, нѣтъ возможности предвидѣть, что̀ бы произошло. Досталось ли бы руководство наиболѣе изъ всѣхъ гражданъ даровитому, наиболѣе энергичному и наиболѣе преданному общему дѣлу? Опытъ скорѣе показываетъ, что такія свойства, за исключеніемъ, можетъ быть, второго, до сего вре-

---

in Bezug auf Kost, Kleidung, Wohnung, Unterhaltung, Bildungsmittel u. s. w. einrichten will. Wer das nicht mehr kann und sich alles von einer Behörde vorschreiben lassen muss, ist ein Sklave, mag man ihn auch mit den Socialisten „freien Genossen" nennen. Die Freiheit der Bedarfsbestimmung ist auch die Grundlage jedes Culturfortschrittes.

[1]) Фр. Бастіа *Ce que l'on voit et ce que l'on ne voit pas, ou l'économie politique en une leçon:* Quoi qu'il en soit, puisqu'il faut recourir à ce que les socialistes nomment un parasite, quel est, du négociant ou du fonctionnaire, le parasite le moins exigeant?—A la vérité, le consommateur est obligé de rembourser au commerce ses frais de transport, de transbordement, de magasinage, de commission etc.; mais dans quel système ne faut-il pas que celui qui mange le blé rembourse les frais qu'il faut faire pour qu'il soit à sa portée?—Mais est-ce que vos délégués et vos fonctionnaires iront pour rien à Odessa? Est-ce qu'ils voyageront et travailleront sur le principe de la fraternité? Ne faudra-t-il pas qu'ils vivent? ne faudra-t-il pas que leur temps soit payé? et croyez-vous que cela ne dépassera pas mille fois les deux ou trois pour cent que gagne le négociant, taux auquel il est prêt à souscrire?

И даже Ж. Сорель: „мы можемъ представить себѣ, къ чему привела бы революція, предоставившая власть нашимъ оффиціальнымъ соціалистамъ: вся буржуазная идеологія была бы сохранена, буржуазная государственная власть господствовала бы со всѣми своими пороками".

мени далеко не всегда пріобрѣтали для обладавшихъ ими народное вниманіе. Нельзя ожидать, чтобы было иначе въ будущемъ. Обширное общество едва-ли имѣетъ возможность судить о томъ, кто изъ его гражданъ наиболѣе преданъ общему дѣлу, если не полагаться на собственныя обѣщанія и увѣренія того или другого лица. Не имѣетъ такое общество средствъ опредѣлять способности его гражданъ, кромѣ наблюденія результатовъ ихъ дѣятельности. Едва-ли что другое бываетъ болѣе надежнымъ, чѣмъ судъ народа о дѣяніяхъ *послѣ* ихъ совершенія, и поэтому соціализмъ былъ бы истиннымъ идеаломъ для существъ, обращающихъ свой взоръ назадъ. Но большое затрудненіе для насъ возникаетъ оттого, что мы смотримъ впередъ.

Es liesse sich Alles trefflich schlichten
Könnte man die Sachen zweimal verrichten.

Если бы мы могли отступать отъ нашихъ дѣйствій, проблему жизни было бы легко рѣшить. Средній человѣкъ представляетъ изъ себя достойнаго историка, но онъ жалкій пророкъ: отъ этого-то, главнымъ образомъ, и происходитъ то, что руководство широкими дѣлами нельзя вручать обществу, какъ цѣлому. Широкая публика не только не способна судить о людяхъ наиболѣе надежныхъ; но она еще менѣе способна находить наиболѣе важное рѣшеніе въ сложныхъ обстоятельствахъ.

Итакъ, мы разсмотрѣли коллективистическій проэктъ будущаго общества. Мы видѣли, что въ деталяхъ этотъ проэктъ представляетъ значительныя затрудненія, имѣетъ крупные недостатки. Но, если отвлечься отъ этихъ деталей, если допустить возможность устраненія этихъ затрудненій,—что сказать о самой идеѣ коллективизма, т. е. обобществленія средствъ производства (земли и орудій)? Намъ нужно высказаться объ этомъ проэктѣ въ виду того, что, какъ бы ни маловажно было его значеніе въ системѣ теоретическаго соціализма, гдѣ ему принадлежитъ мѣсто не въ ряду основоположеній, а въ ряду выводовъ,—онъ болѣе, чѣмъ другія части этой системы, извѣстенъ широкой публикѣ и имѣетъ для рабочей партіи практическое значеніе [1]). Эта идея мо-

[1]) Энгельсъ въ предисловіи къ *Классовой борьбѣ во Франціи:* „Особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ наша статья благодаря тому

жетъ принимать характеръ *нравственнаго* требованія, какъ это мы наблюдаемъ въ библейско-святоотеческой письменности [1]). Но соціализмъ не подходитъ къ идеѣ коллективизма съ нравственной стороны, онъ кладетъ ее въ основу партійной программы. Въ этомъ видѣ коллективизмъ есть утопія,—такая же утопія, какъ и тѣ виды соціализма, которые научный соціализмъ называетъ утопическими. И какъ въ примѣненіи къ послѣднимъ, такъ и въ примѣненіи къ коллективизму, усвоенному научнымъ соціализмомъ, указаніе на утопическій характеръ является рѣшительнымъ осужденіемъ. Всякій абсолютный идеалъ, также и коллективизмъ, выступая за предѣлы свойственной ему, субъективной, сферы и облекаясь въ форму реальной программы, неизбѣжно становится утопизмомъ въ порицательномъ смыслѣ слова. Соціальные проэкты могутъ приводить къ успѣху лишь подъ тѣмъ условіемъ, если, во-первыхъ, они даютъ реальную власть надъ соціально-экономическимъ процессомъ. Допустимъ, что немедленно, по мановенію волшебнаго жезла, вся земля и всѣ фабрики передаются рабочимъ. Въ актѣ этой передачи будетъ соціальный смыслъ лишь въ томъ

обстоятельству, что въ ней впервые была провозглашена формула, въ которой солидарныя между собою рабочія партіи всѣхъ странъ міра вкратцѣ резюмируютъ свое требованіе экономическаго переустройства: присвоеніе обществомъ средствъ производства".

[1]) Ветхозавѣтная заповѣдь: „землю не должно продавать навсегда, ибо *Моя земля:* вы пришельцы и поселенцы у меня" (Лев. XXV, 23). Іоаннъ Златоустый: „Начало и корень богатства непремѣнно должны скрываться въ какой-нибудь несправедливости. Почему такъ? Потому что сначала Богъ не сдѣлалъ одного богатымъ, а другого бѣднымъ, и, приведши (людей), не показалъ одному многихъ золотыхъ сокровищъ, а другого лишилъ этого пріобрѣтенія, но всѣмъ предоставилъ для воздѣлыванія одну и ту же землю. Какимъ же поэтому образомъ, когда она составляетъ общее достояніе, ты владѣешь столькими-то и столькими участками, а ближній не имѣетъ ни клочка земли?.. Развѣ это не зло, что одинъ владѣетъ тѣмъ, что принадлежитъ Господу, и что одинъ пользуется общимъ достояніемъ? Не Божія ли земля и исполненіе ея?" Изъ такихъ выписокъ, взятыхъ у Іоанна Златоустаго и другихъ отцовъ Церкви, можно было бы составить цѣлую книгу (см. Экземплярскаго *Ученіе древней церкви о собственности и милостынѣ*). Очевидно, всякіе коммунизмы и коллективизмы *нравственному* осужденію не подлежатъ. Но святые отцы въ своихъ выводахъ не шли далѣе проповѣди милосердія...

случаѣ, если процессъ производства не нарушится, не остановится, если это не будетъ безсмысленнымъ раздѣломъ капитала, лишающимъ его производительной силы, если это не будетъ потрошеніемъ курицы, несшей золотыя яйца. Во-вторыхъ, соціальный проэктъ долженъ быть облеченъ во всеоружіе современной юридической техники, помимо которой самое благое пожеланіе приведетъ къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ [1]). Стоя внѣ этихъ условій, абсолютный идеалъ можетъ быть умѣстнымъ и благотворнымъ лишь въ субъективной сферѣ [2]); приложенный же къ соціальной области съ обходомъ этихъ условій, онъ обращается въ безсмысленную и безсильную утопію. Безсмысленность и безсиліе утопіи въ томъ, что осуществить абсолютный идеалъ, допуская это возможнымъ, помимо указанныхъ условій— было бы то же самое, что обрубить вожжи несущейся тройки, въ надеждѣ, что всѣмъ управитъ одно благое желаніе сѣдоковъ. Если для васъ не очевидно, что эта надежда *всегда* посрамляетъ и что для соціальной жизни полезнѣе самый плохой, но юридически выработанный проэктъ, чѣмъ самая благая цѣль безъ реальной и юридической почвы подъ собою; то вы должны, во всякомъ случаѣ, согласиться съ тѣмъ, что нѣтъ въ мірѣ ни единаго человѣка, который могъ бы предвидѣть, что́ выйдетъ изъ осуществленія любого абсолютнаго идеала, въ частности коллективизма, безъ указанныхъ условій, а эти условія превращаютъ абсолютные идеалы въ относительные. По справедливымъ словамъ позитивиста Дюркгейма [3]), „механическая концепція общества не исключаетъ идеала, и ошибочно было бы упрекать ее въ томъ, что она дѣлаетъ изъ человѣка пассивнаго свидѣтеля

---

[1]) Отсылаю читателя къ сочиненіямъ Шмоллера, взгляды котораго у насъ излагаются ниже.

[2]) Нужно помнить, что Марксъ не прибѣгалъ къ нравственному обоснованію коллективизма. См. предисловіе Энгельса къ *Нищетѣ философіи*. „Если мы говоримъ: это не справедливо, такъ не должно быть,—то эти заключенія не имѣютъ никакого отношенія къ политической экономіи. Мы говоримъ лишь, что данный экономическій фактъ (что, т. е., рабочимъ не принадлежитъ весь продуктъ) противорѣчитъ нашему моральному чувству. И потому Марксъ никогда не прибѣгалъ къ подобному обоснованію своихъ коммунистическихъ требованій".

[3]) *De la division du travail social.*

своей собственной исторіи", но „вѣрно, что такой (соціально-позитивистическій) идеалъ можетъ быть лишь ближайшимъ, что горизонты, которые онъ открываетъ, не могутъ быть безграничными. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы его полагать въ томъ, чтобы безмѣрно напрягать силы общества, а лишь въ томъ, чтобы развивать ихъ въ границахъ, намѣчаемыхъ опредѣленнымъ состояніемъ соціальной среды. Всякая чрезмѣрность есть зло такъ же, какъ и недостаточность... Но если идеалъ долженъ быть всегда опредѣленнымъ, онъ никогда не можетъ быть окончательнымъ. Такъ какъ прогрессъ есть результатъ измѣненій, совершающихся въ соціальной средѣ, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что онъ когда-нибудь долженъ окончиться. Чтобы онъ могъ имѣть предѣлъ, нужно было бы, чтобы въ данный моментъ среда сдѣлалась неподвижной", что̀ невозможно. Затѣмъ, „чтобы прогрессъ остановился, нужно было бы еще, чтобы и отношенія внутри человѣческаго общества стали неизмѣнными. Нужно было бы, чтобы они навсегда установились въ опредѣленномъ видѣ, чтобы не только весь аггрегатъ, но и каждый изъ его составныхъ элементовъ сохранилъ тѣ же самые размѣры. Но такое единообразіе невозможно". И если бы научный соціализмъ оставался на строго научной почвѣ, послѣдовательно выдерживалъ свое отличіе отъ утопизма [1]), онъ не рекомендовалъ бы своего соціальнаго идеала для практики [2]). Между тѣмъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Стру-

[1]) Прокоповичъ *Проблемы соціализма:* „И въ области критики капиталистическаго строя, и въ построеніи основныхъ принциповъ соціалистическаго общества соціалистическая теорія Маркса не можетъ быть противоположена предшествовавшимъ ей теоріямъ Фурье, сенсимонистовъ, Луи Блана и Пеккёра, какъ нѣчто совершенно новое. Въ развитіи соціалистической мысли нѣтъ разрыва, предполагаемаго противоположеніемъ научнаго соціализма утопическому. Преемственность въ развитіи соціалистическихъ системъ несомнѣнна". Туганъ-Барановскій *Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма:* „Утопическій соціализмъ гораздо научнѣе, чѣмъ допускалъ Энгельсъ, а въ такъ называемомъ научномъ соціализмѣ гораздо болѣе утопіи, чѣмъ думалъ авторъ Капитала".

[2]) Начертывая свой соціальный идеалъ, соціалисты должны, какъ это дѣлаетъ Шэффле *Bau und Leben des socialen Körpers* III, предварять проэктъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: Wir bemerken, dass das Folgende kein praktisch durchzuführender Vorschlag sein will, den ein Einziger nicht liefern kann. Noch weniger beansprucht das Folgende, ein Bild des

ве [1]),—„въ основѣ соціализма лежитъ идея полной раціонализаціи всѣхъ процессовъ, совершающихся въ обществѣ. Въ этомъ громадная трудность соціализма. По идеѣ соціализма стихійное хозяйственно-общественное взаимодѣйствіе людей должно быть *сплошь* замѣнено ихъ планомѣрнымъ, раціональнымъ сотрудничествомъ и соподчиненіемъ. Я нарочно подчеркиваю слово *сплошь*, ибо соціализмъ требуетъ не частичной раціонализаціи, а такой, которая принципіально покрывала бы все поле общественной жизни. Въ этомъ заключается основная трудность соціализма, ибо очевидно, что ни индивидуальный, ни коллективный разумъ не способенъ охватить такое обширное поле и не способенъ всѣ происходящіе на немъ процессы подчинить одному плану. Это вытекаетъ изъ существа дѣла, и отсюда явствуетъ, что съ реалистической точки зрѣнія рѣчь можетъ идти только о частичномъ осуществленіи задачъ соціализма, а не о всецѣломъ разрѣшеніи проблемы соціализма“ [2]).

---

wirklichen Entwickelungsganges der nächsten volkswirthschaftlichen Zukunft darzustellen. Den wirklichen Verlauf einer weitausholenden Zukunf kann kein Sterblicher voraus angeben; noch im J. 1789 wusste Niemand, was aus der liberal bürgerlichen Neuerung sich entwickeln sollte. Nur eine Vorstellung des Möglichen, *vom Werth discussionsfähiger Thesen*, wollen wir gewinnen.

[1]) *Patriotica.*

[2]) Ошибка коллективизма состоитъ въ томъ, что онъ абсолютируетъ одну изъ возможныхъ формъ народно-хозяйственной жизни. Шэффле и Ад. Вагнеръ, рекомендующіе совмѣстное примѣненіе трехъ формъ народно-хозяйственной организаціи (по Шэффле: частно-хозяйственная—die speculative, vom Privatinteresse des Kapitals getragene, общественно-хозяйственная—die öffentliche, staatlich-corporative, auf obrigkeitlicher Gewalt beruhende, и благотворительная организація—die von freier Hingebung—Liberalität—bewirkte Organisation; по Вагнеру: privatwirthschaftliche, или individualistische,—gemein, именно zwangsgemeinwirthschaftliche, или communistisch-socialistische, и caritative. Ср. Л. Штейна *Die soziale Frage im Lichte der Philosophie=Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія*—„смѣшанная форма хозяйства“—и E. Sax *Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft*—двѣ формы: Individualismus и Collectivismus), высказываютъ дѣльныя возраженія противъ всякаго абсолютированія въ этой области. Шэффле самый вопросъ, должно ли все народное хозяйство быть частно-хозяйственной или коллективистической организаціей, находитъ ложнымъ: для каждой существуетъ своя область, каждая умѣстна и полезна въ своихъ предѣлахъ, всѣ три организаціи предполагаютъ одна другую, опираются

Заключимъ этотъ отдѣлъ словами Лавеле и Антона Менгера. Первый пишетъ [1]): „Если бы экономическія знанія были болѣе распространены, то рабочіе знали бы, что перемѣны въ соціальномъ порядкѣ могутъ совершаться только постепенно и что даже самая абсолютная, самая безжалостная диктатура, хотя бы она разрушила до основанія всѣ

одна на другую. Придать одной изъ нихъ абсолютное и исключительное значеніе независимо отъ измѣняющихся запросовъ времени и отъ различнаго характера отдѣльныхъ областей народно-хозяйственной жизни, значило бы потерять всякую твердую почву подъ своими ногами. (*Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft:* Alle drei Grundorganisationen der wirksamsten Bedürfnissbefriedigung sind einander stützende und haltende Glieder eines grossartigen w(irthschaftlichen) Aufbaues der Gesellschaft. Keine Form ist Universalschablone volksw (irthschaftlicher) Verbindung, keine entzieht sich dem Gesez geschichtlicher Veränderung. *Alle* absoluten Lösungen, welche *nur* die eine oder die andere Form zum ausschliesslichen Gefäss des socialökonomischen Lebensinhaltes erheben wollen, statt jede unter ihren eigenthümlichen Voraussezungen und alle nebeneinander in ihrem specifischen Bereiche, jede *zeitgemäss*, anzuwenden, müssen im vorhinein verdächtig erscheinen und jede überstürzte Geltendmachung solcher Formen, für welche die Voraussezungen ihrer Reife noch nicht erzielt sind und ohne dass man auf die Erzielung dieser Vorbedingungen hinarbeitet, muss als verfehlt gelten!—*Bau und Leben des socialen Körpers* III: Aus den concreten Umständen jeder Zeit entscheidet es sich, ob die materielle Versorgung eines Bedürfnisses besser in der einen oder in der andern Form oder zu welchen Theilen sie in allen drei Formen stattfinden soll. Jede Zeit ändert hienach ihre sonderwirthschaftliche Stoffwechselorganization stückweise um. Durch Summirung dieser Aenderungen ergeben sich erst in grösseren Zeiträumen grosse Umbildungen. Plözliche unvorbereitete Totalumwälzungen im Sinn der einen oder andern Form sind nicht möglich.—То же Вагнеръ *Grundlegung der politischen Oekonomie* (3 Aufl.) I § 297, 301, 302, II § 130: Ob und welche *einzelne* Zweige, namentlich der *materiellen* Production, mithin auch der zu ihrem Betrieb gehörigen, eventuell im Privateigenthum stehenden Objecte (Grundstücke, Kapitalien, Einrichtungen, Anstalten) den Privatwirthschaften zu entziehen und auf die Zwangsgemeinwirthschaften als Gemeineigenthum zu übertragen sind, das ist zwar nach der allgemeinen ökonomischen Natur und Function dieser Zweige, aber stets unter Berücksichtigung der concreten Umstände zu entscheiden. In letzterer Hinsicht ist die Frage eine eminent historische und örtlich verschieden sich gestaltende, gestaltet daher nur eine relative Beantwortung... И весь второй томъ *Grundlegung* Вагнера, лучшее изслѣдованіе о собственности, исходитъ изъ того основного тезиса, что въ юридическо-хозяйственной сферѣ ничего абсолютнаго быть не можетъ).

[1]) *Le socialisme contemporain=Современный соціализмъ.*

прежнія учрежденія и всѣ пріобрѣтенныя права, не могла бы вдругъ превратить рабочихъ по найму въ кооперативныхъ собственниковъ или хозяевъ промышленности". То же пишетъ и Антонъ Менгеръ. „Многіе приверженцы революціоннаго соціализма склонны думать, что стоитъ только рабочему классу захватить государственную власть, и быстро введется соціалистическій общественный порядокъ, совсѣмъ такъ, какъ часто происходили измѣненія государственнаго устройства—благодаря удачному натиску. Но нельзя забывать, что политическій вопросъ лишь слегка касается внутренней жизни народа, между тѣмъ какъ неудачный соціальный экспериментъ можетъ прямо поставить народу вопросъ о существованіи. Соціальный вопросъ нельзя разрѣшить, какъ политическій, въ одну ночь. Безусловно, нашъ современный правовой порядокъ не удовлетворяетъ болѣе существующему соотношенію силъ между собственниками на землю и капиталъ и рабочимъ классомъ, вліяніе котораго на общество замѣтно увеличилось съ ростомъ его образованія и классоваго сознанія. Но необходимыя перемѣны совершатся путемъ долгаго историческаго развитія".

III.

Экономическое ученіе Маркса.

Отмѣтивъ въ системѣ научнаго соціализма наличность утопическаго элемента, какъ слабой стороны соціологическаго построенія, мы еще мало сдѣлали для критики научно-соціалистической системы, мы даже не затронули того, что самъ научный соціализмъ считаетъ наиболѣе характернымъ въ себѣ. Значеніе, которое придается плану грядущаго общественнаго строя, и картинность деталей плана, которыя и вызываютъ противъ себя возраженія, уменьшаются по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ отъ участниковъ практическаго соціалдемократическаго движенія къ теоретикамъ соціализма, а въ средѣ послѣднихъ—отъ второстепенныхъ сторонниковъ марксизма къ его главнѣйшимъ представителямъ. Въ эту сторону для марксистовъ остается полная возможность отступленія съ разбитыхъ позицій утопическаго проэктированія: не только тѣ изъ марксистовъ, которые отказываются отъ конкретныхъ представленій грядущаго общественнаго строя, но и тѣ, которые въ чертахъ болѣе или менѣе яркихъ рисуютъ картину „будущаго государства“, главное значеніе придаютъ наблюденіямъ надъ ходомъ историческаго развитія, доказательствамъ неизбѣжности наступленія новаго строя. Энгельсъ и самъ знаетъ, что „желанное совершается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; по большей части цѣли, поставленныя себѣ людьми, приходятъ во взаимныя столкновенія и противорѣчія или оказываются недостижимыми, частью по своему существу, частью по недостатку средствъ“. Но онъ въ то же время убѣжденъ: „гдѣ на поверхности господствуетъ случайность, тамъ сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутреннимъ, скрытымъ законамъ. Все

дѣло въ томъ, чтобы открыть эти законы". Научный соціализмъ это и дѣлаетъ, это и хочетъ сдѣлать. Открытію законовъ историческаго развитія онъ придаетъ главное значеніе. Онъ отвергаетъ ту мысль, что желанія людей могли бы сами по себѣ сыграть историческую роль. Человѣкъ можетъ лишь содѣйствовать исторически неизбѣжному, лишь облегчать муки рожденія новаго общественнаго строя,—его желанія и планы имѣютъ реальное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ историческому ходу. Мы теперь и должны разсмотрѣть то, что дѣлаетъ соціализмъ научнымъ,—его доказательства исторической неизбѣжности появленія соціалистическаго общества.

Это два основныхъ пункта въ теоріи марксизма: ученіе о прибавочной цѣнности и матеріалистическое пониманіе исторіи. Эти именно два пункта соціалистической теоріи Энгельсъ въ *Антидюрингѣ* называетъ двумя великими открытіями Маркса, сдѣлавшими соціализмъ наукой [1]).

Изъ этихъ двухъ основныхъ устоевъ научнаго соціализма теорія прибавочной цѣнности, иначе—политико-экономическое ученіе съ примыкающей къ нему соціально-политической доктриной, какъ прикладной частью, отвѣчаетъ на болѣе конкретные вопросы политической экономіи и даетъ спеціальное объясненіе капиталистической эпохи, а историческій матеріализмъ представляетъ собою болѣе широкую теорію общественно-историческаго процесса. Теорія прибавочной цѣнности болѣе важна, какъ опора соціалистическихъ чаяній и научно-историческое оправданіе соціалдемократической программы, а теорія историческаго матеріализма болѣе интересна въ философскомъ отношеніи и глубже всего вводитъ насъ въ систему соціализма, какъ міровоззрѣнія. Соотвѣтственно задачамъ своего изслѣдованія, какъ труда этико-историческаго, мы болѣе внимательно остановимся ниже на историко-философской основѣ марксизма, но ранѣе отмѣтимъ основныя черты политико-экономическаго ученія

[1]) *Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*: Diese beiden grossen Entdeckungen: die materialistische Geschichtsauffassung und die Enthüllung des Geheimnisses der kapitalistischen Produktion vermittelst des Mehrwerths, verdanken wir Marx. Mit ihnen wurde der Sozialismus eine Wissenschaft, die es sich nun zunächst darum handelt, in allen ihren Einzelnheiten und Zusammenhängen weiter auszuarbeiten.

марксизма съ примыкающей къ нему соціально-политической доктриной, поскольку это необходимо для пониманія марксизма, какъ системы міровоззрѣнія, въ виду тѣсной связи въ этой системѣ той и другой теоріи.

Въ своемъ экономическомъ ученіи, въ частности, въ построеніи своей теоріи цѣнности Марксъ опирается на традиціи классической школы и особенно прочныя симпатіи, проглядывающія чрезъ всѣ наслоенія острой критики, проявляетъ въ отношеніи къ Рикардо [1]). Но въ то время, какъ классическая политическая экономія была всецѣло „чистой“ политической экономіей, вырабатывала абстрактные законы, примѣняла исключительно дедуктивный методъ, исходила изъ неизмѣнныхъ свойствъ отвлеченнаго экономическаго человѣка, Марксъ густо окрасилъ свои экономическія построенія историко-реалистическими тенденціями, вниманіемъ къ индивидуализирующимъ моментамъ въ соціально-экономической жизни, признаніемъ внутренней необходимости историческихъ измѣненій. Съ этой стороны научный соціализмъ входитъ въ русло того историко-реалистическаго направленія общественныхъ и историческихъ наукъ, которое утвердилось съ начала девятнадцатаго вѣка, какъ реакція противъ раціоналистическихъ воззрѣній XVIII вѣка, и связано съ именами Тьерри, Гизо, Шлегеля, Шлейермахера. Образовалась, частнѣе, историческая школа права, во главѣ которой стоятъ Савиньи и Пухта [2]). Изъ философовъ этому направленію болѣе другихъ содѣйствовали Шеллингъ и особенно Гегель. Въ исторической школѣ уже отвергается идея естественнаго строя общества и естественныхъ правъ человѣка. Позитивный строй и позитивное право установляются не произволомъ людей, но органически выростаютъ изъ нѣдръ народнаго духа и изъ условій историческаго развитія народа, поэтому они не подлежатъ раціональной критикѣ съ точки зрѣнія естественнаго права, т. е. моральнаго сознанія, равно какъ не можетъ быть благотворнымъ и произвольное вмѣшательство правительствъ. Позитивный строй имѣетъ для

[1]) Въ чемъ убѣждаетъ и *Theorien über den Mehrwert* II=*Теорія прибавочной цѣнности II ч. IV тома Капитала. Давидъ Рикардо.*

[2]) См. проф. Новгородцева *Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба.*

себя оправданіе въ характерѣ народнаго духа, въ историческихъ условіяхъ, въ данномъ соотношеніи общественныхъ силъ. Взгляды исторической школы были перенесены и въ политическую экономію: это сдѣлали Рошеръ, Гильдебрандъ, Книсъ. По словамъ Бруно Гильдебранда, А. Смитъ и Рикардо исходили изъ того взгляда, что всѣ законы народнаго хозяйства, имѣющіе въ основѣ отношеніе человѣка къ вещественнымъ благамъ, стоятъ внѣ условій времени и пространства, что они сохраняются при всей измѣнчивости явленій; но они совершенно забываютъ, что человѣкъ, какъ существо общественное, всегда есть дитя цивилизаціи и продуктъ исторіи, и что его потребности, его образованіе, его отношенія къ вещественнымъ благамъ, равно какъ и къ людямъ, никогда не остаются тѣми же самыми, но какъ бываютъ различны географически, такъ и исторически непрерывно измѣняются, развиваясь вмѣстѣ со всею культурою человѣчества [1]). Рошеръ усвояетъ политической экономіи, какъ и каждой наукѣ о народной жизни, психологическій характеръ; истинная національная экономика должна начинать глубокимъ изумленіемъ предъ громадною измѣнчивостью того, чего люди желали въ различныя времена отъ народнаго хозяйства. Измѣнчивость народно-хозяйственныхъ законовъ не есть зло, съ которымъ нужно было бы бороться; она похвальна и спасительна, поскольку она протекаетъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ перемѣнами въ самомъ народѣ и его потребностяхъ. Каждый изъ самыхъ разнообразныхъ идеальныхъ запросовъ можетъ быть въ правѣ, конечно, лишь для своего народа и своего времени, онъ сталъ бы ложнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы изъявилъ притязаніе на общеобязательность. Одного общеобязательнаго хозяйствен-

---

[1]) *Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft:* Sie gehen von der Ansicht aus, dass alle Gesetze der Volkswirthschaft, weil sie in dem Verhältniss des Menschen zu den Sachgütern gegründet seien, über Zeit und Raum erhaben, bei allem Wechsel der Erscheinungen fest bleiben, und vergessen dabei gänzlich, dass der Mensch als sociales Wesen stets ein Kind der Civilisation und ein Product der Geschichte ist, und dass seine Bedürfnisse, seine Bildung, seine Beziehungen zu den Sachgütern wie zu den Menschen niemals dieselben bleiben, sondern sowohl geographisch verschieden sind, als auch historisch sich immer verändern und mit der gesammten Kultur des Menschengeschlechts fortschreiten.

наго идеала для народовъ такъ же не можетъ быть, какъ не можетъ быть подходящаго для всѣхъ платья по одной мѣркѣ [1]).

Среди сторонниковъ историческаго направленія соціально-историческихъ наукъ Марксъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Онъ поставилъ политическую экономію на широкую историческую основу, хотя и ставилъ задачей этой науки отысканіе абстрактныхъ элементовъ хозяйственной жизни [2]). Въ

---

[1]) *Grundlagen der Nationalökonomie* (*System der Volkswirthschaft* 1 B.): Jede Wissenschaft vom Volksleben, so namentlich auch die unserige, ist psychologisch... Muss der echten Nationalökonomik (Staatswissenschaft, Rechtsphilosophie etc.) eine gründliche Verwunderung vorangehen über die ungeheuere Veränderlichkeit dessen, was die Menschen zu verschiedener Zeit von der Volkswirthschaft (vom Staate, Rechte etc.) begehrt haben... Ohne Zweifel sind alle volkswirthschaftlichen Gesetze und Anstalten um des Volkes willen da, nicht umgekehrt. Ihre Wandelbarkeit ist daher an sich durchaus kein Uebel, dessen die Menschheit vielleicht streben müsste Herr zu werden; sondern sie ist löblich und heilsam, insoferne sie den Umwandlungen des Volkes selbst und seiner Bedürfnisse genau parallel läuft. Die verschiedensten Idealschilderungen brauchen daher nicht nothwendig einander zu widersprechen. Eine jede von ihnen kann Recht haben, natürlich nur für ihr Volk, ihr Zeitalter; sie würde in diesem Fall nur dann irren, wenn sie sich als allgemein gültig hinstellen wollte. Es gibt ebenso wenig ein allgemein gültiges Wirthschaftsideal der Völker, wie ein allgemein passendes Kleidermass der Individuen.

[2]) Гильдебрандъ, Рошеръ, Книсъ составляютъ такъ называемую старо-историческую школу политической экономіи. По наблюденію историковъ политической экономіи (см. напр. проф. Симоненко *Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ*), старо-историческая школа не порывала связей со всѣмъ предшествующимъ развитіемъ экономической науки и признавала вѣрными большую часть естественныхъ законовъ народнаго хозяйства, раскрытыхъ школою Ад. Смита, особенно это можно сказать о Рошерѣ, который и самую науку политической экономіи опредѣляетъ какъ „ученіе о законахъ развитія народнаго хозяйства". Этимъ старо-историческая школа отличается отъ ново-историческаго направленія, которое „не хочетъ знать никакихъ естественныхъ законовъ природы народнаго хозяйства. Оно останавливается исключительно на изученіи однихъ только разнообразныхъ условій, воздѣйствующихъ на народное благосостояніе въ различные періоды историческаго развитія и въ настоящее время у различныхъ народовъ, благодаря разнообразію общественной и государственной организаціи послѣднихъ, разнообразію принятыхъ обычаевъ, а равнымъ образомъ различію законодательства и задачъ, поставляемыхъ государствомъ въ его экономической политикѣ. Новоисторическое направленіе отвергаетъ, какъ ненужный балластъ, все

посмертной статьѣ Einleitung zu einer Kritik der politischen Oeconomie (Neue Zeit 1903) Марксъ критикуетъ основоположенія старой механической теоріи общества. Классическая политическая экономія исходила изъ понятія объ отвлеченномъ человѣческомъ индивидуумѣ, основныя свойства котораго положены самой природой, а не явились въ результатѣ историческаго развитія. Однако этотъ отдѣльный и изолированный охотникъ и рыбакъ, съ котораго начинали Смитъ и Рикардо, принадлежитъ къ безвкуснымъ выдумкамъ XVIII столѣтія. Истинной предпосылкой экономической науки можетъ быть только индивидуумъ, производящій въ опредѣленной исторической формѣ общественной организаціи. Чѣмъ глубже мы погружаемся въ изученіе исторіи, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что человѣческая личность является частью великаго соціальнаго цѣлаго. Человѣкъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова есть животное общественное, и только въ извѣстныхъ соціальныхъ условіяхъ онъ можетъ обособляться отъ общества, какъ отдѣльная, изолированная единица. Слѣдовательно, и отвлеченная человѣческая личность есть общественный продуктъ опредѣленныхъ, конкретныхъ

то, что сдѣлано было до сихъ поръ экономической наукой въ дѣлѣ выясненія общихъ законовъ народнаго хозяйства. Представители этого направленія допускаютъ еще въ общемъ принципѣ громадное значеніе внѣшней природы въ народномъ хозяйствѣ, а потому и необходимость сообразоваться въ дѣлѣ хозяйственной техники съ ея требованіями и неизмѣнными законами. Что же касается какихъ бы то ни было непреложныхъ законовъ, вытекающихъ изъ психической природы человѣка, то существованіе таковыхъ совсѣмъ отвергается всѣми представителями ново-историческаго направленія на томъ основаніи, что психическая природа не есть что-либо постоянное, но всецѣло зависитъ отъ успѣховъ культурнаго развитія, по мѣрѣ которыхъ нравы становятся мягче, эстетическія требованія утонченнѣе, понятія о справедливомъ и несправедливомъ—болѣе вѣрными, религіозныя представленія болѣе возвышенными". Иначе это направленіе называется соціально-этическимъ, соціалполитическимъ, также Katheder—Socialisten. Къ нему принадлежатъ Шмоллеръ, Шэффле, Вагнеръ (причисляющій себя по вопросу о методѣ къ старо-исторической школѣ, высоко цѣнящій теоретическое направленіе классической школы), Брентано, Шёнбергъ и др. Это направленіе, нынѣ господствующее (особенно въ Германіи)—о немъ въ нашемъ изслѣдованіи подробная рѣчь будетъ ниже—имѣетъ консервативный характеръ, марксизму враждебно (говоря *вообще,* при значительномъ разнообразіи въ этомъ отношеніи).

человѣческихъ условій. Производство, организованное изолированными индивидуумами, является такой же безсмыслицей, какъ развитіе языка безъ совмѣстной жизни людей. Если экономистамъ и удавалось, исходя изъ понятія отвлеченной личности, построить цѣлую соціальную систему, то это удавалось только благодаря тому, что классическій Робинзонъ былъ сыномъ промышленной Англіи, слѣдовательно, въ потенціи обладалъ всѣми свойствами культурнаго человѣка [1]).

Необходимо помнить, что Марксъ, ученикъ Савиньи и Гегеля, усвоилъ себѣ историко-реалистическое направленіе не въ его первоначальной формѣ, въ которой оно служило консервативной политикѣ, но пришелъ къ нему подъ давленіемъ соціалистическихъ задачъ и использовалъ его въ революціонныхъ интересахъ, вслѣдствіе чего марксизмъ до самаго послѣдняго времени находится съ исторической школой политической экономіи въ болѣе или менѣе непріязненныхъ отношеніяхъ. Его предшественниковъ въ реалистическомъ истолкованіи дѣйствительности нужно скорѣе всего видѣть въ лицѣ утопистовъ Сенъ-Симона, Фурье, Луи Блана.

Историко-реалистическій методъ марксизма сказывается уже въ его политико-экономическомъ ученіи. Своему ученію о прибавочной цѣнности Марксъ ставитъ задачей историческое объясненіе капиталистическаго способа производства. Это разъяснено Энгельсомъ. „Старый соціализмъ, хотя

---

[1]) См. у Н. Н. Алексѣева. *Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ* ч. 1. Къ этой очень хорошей книгѣ отсылаю читателя вообще по вопросу объ *историчности* теорій марксизма. Примиряетъ г. Алексѣевъ объективирующія и индивидуализирующія тенденціи марксизма въ идеѣ соціальныхъ законовъ, которые *по формѣ своей* естественно необходимы, но *по содержанію своему*—преходящи и измѣнчивы. Ср. сужденіе проф. Скворцова *Основанія политической экономіи:* „Въ сороковыхъ годахъ, рядомъ съ оппонентами классической школы, выступаютъ представители школы, развивающей далѣе основныя положенія Смита и Рикардо и пользующейся дедуктивнымъ методомъ для изслѣдованія экономической жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждающей обширными историческими справками свои выводы. Общею чертою въ ученіи Маркса и Родбертуса является то, что они заявляютъ себя эволюціонистами, т. е. признаютъ, что экономическое развитіе и переходъ общества изъ одной стадіи въ другую совершается постепенно и въ силу необходимости“.

и критиковалъ существующій капиталистическій способъ производства и его послѣдствія, не могъ, однако, объяснить его, а стало быть и покончить съ нимъ; онъ могъ только просто отрицать его, какъ негодный. А между тѣмъ дѣло было въ томъ, чтобы, съ одной стороны, представить этотъ капиталистическій способъ, какъ исторически обусловленный, необходимый для извѣстнаго историческаго періода, а стало быть и преходящій, съ другой же стороны, вскрыть внутреннюю его природу, которая все еще оставалась неизвѣстной, такъ какъ критика направлялась пока болѣе на его вредные результаты, чѣмъ на ходъ самаго развитія. Эта задача была рѣшена открытіемъ прибавочной цѣнности. Было доказано, что присвоеніе неоплаченнаго труда является основой капиталистическаго производства и происходящей при немъ эксплуатаціи рабочаго; что капиталистъ, даже въ томъ случаѣ, если покупаетъ рабочую силу по полной цѣнности, которою она обладаетъ на товарномъ рынкѣ, все-же извлекаетъ изъ нея большую цѣнность, чѣмъ та, которую онъ на нее затратилъ; и что эта прибавочная цѣнность въ послѣдней инстанціи образуетъ ту сумму цѣнности, изъ которой въ рукахъ имущихъ классовъ накопляется все растущая масса капиталовъ. Процессъ капиталистическаго производства и производства капитала былъ разъясненъ".

Теперь мы изложимъ политико-экономическую теорію Маркса съ обоснованною на ней соціально-политическою доктриной—по первому тому *Капитала* съ дополненіями изъ иныхъ сочиненій Маркса, сохраняя, по возможности, его собственныя слова.

Изложеніе теоріи. Богатство обществъ, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, является „огромныхъ скопленіемъ товаровъ".

Товаръ есть, прежде всего, внѣшній предметъ, вещь, которая своими свойствами удовлетворяетъ какую-либо человѣческую потребность.

Всякая полезная вещь, напр., желѣзо, бумага и т. д., можетъ быть разсматриваема съ двоякой точки зрѣнія—качественной и количественной. Каждая такая вещь обладаетъ многими качествами и можетъ поэтому быть полезной въ различныхъ отношеніяхъ. Раскрытіе этихъ различныхъ сторонъ и вытекающихъ изъ нихъ многообразныхъ назначеній

вещей есть продуктъ историческаго развитія. Такой же историческій характеръ носитъ и нахожденіе общественныхъ мѣръ для количественной стороны полезныхъ вещей.

Полезность какой-либо вещи дѣлаетъ ее потребительной цѣнностью (Gebrauchswert). Но эта полезность не виситъ въ воздухѣ: обусловленная свойствами самого товарнаго тѣла, она помимо него не существуетъ. Само товарное тѣло, напр., желѣзо, пшеница, алмазъ, есть поэтому потребительная цѣнность, или благо, и это свойство его не зависитъ отъ того, много или мало человѣческаго труда потребовалось для присвоенія данныхъ потребительныхъ свойствъ. Когда рѣчь идетъ о потребительной цѣнности, предполагается всегда опредѣленное количество ея, напр., дюжина часовъ, аршинъ холста, тонна желѣза и т. д. Потребительныя цѣнности реализуются лишь въ пользованіи, или потребленіи. Онѣ образуютъ матеріальное содержаніе богатства, какова бы ни была его общественная форма. При современной общественной формѣ онѣ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальными носителями мѣновой цѣнности.

Мѣновая цѣнность (Tauschwert) представляется, прежде всего, въ видѣ количественнаго отношенія, пропорціи, въ которой потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода,—и это отношеніе постоянно мѣняется по мѣсту и времени.

Возьмемъ два товара, напр., пшеницу и желѣзо. Каково бы ни было ихъ мѣновое отношеніе, всегда можно составить уравненіе, въ которомъ данное количество пшеницы приравнивается къ какому-либо количеству желѣза, напр., одинъ квартеръ пшеницы=a центнерамъ желѣза. Что же означаетъ это уравненіе? Что нѣчто общее одинаковой величины существуетъ въ двухъ различныхъ вещахъ, въ одномъ квартерѣ пшеницы и въ a центн. желѣза. Обѣ, слѣдовательно, равны порознь чему-то третьему, которое само по себѣ не есть ни то, ни другое. Каждая изъ этихъ двухъ вещей поэтому, поскольку она есть мѣновая цѣнность, можетъ быть приведена къ этому третьему.

Этимъ общимъ не можетъ быть ни геометрическое, ни физическое, ни химическое, ни какое-либо иное естественное свойство товаровъ. Ихъ физическія свойства имѣютъ вообще значеніе лишь постольку, поскольку они дѣлаютъ ихъ по-

лезными предметами, т. е. потребительными цѣнностями. Но, съ другой стороны, очевидно, что характернымъ для мѣнового отношенія товаровъ является именно его независимость отъ потребительныхъ цѣнностей. Въ самомъ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько же, сколько и всякая другая, разъ она имѣется въ надлежащей пропорціи. Какъ потребительныя цѣнности, товары имѣютъ, прежде всего, различныя качества, какъ мѣновыя цѣнности, они могутъ розниться лишь количествомъ и не заключаютъ въ себѣ поэтому ни одного атома потребительной цѣнности.

Если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, то у нихъ остается только одно свойство, а именно то, что всѣ они—продукты труда. Но разъ мы оставляемъ въ сторонѣ потребительную цѣнность товара, мы, вмѣстѣ съ этимъ, отвлекаемся и отъ всѣхъ тѣхъ физическихъ элементовъ и формъ, которые дѣлаютъ его потребительной цѣнностью. Это уже больше не столъ, домъ, пряжа или какая-либо другая полезная вещь; всѣ его доступныя чувственному воспріятію свойства улетучились. Это также больше не продуктъ столярнаго, плотничьяго, прядильнаго или какого-либо другого опредѣленнаго производительнаго труда. Когда продукты труда перестаютъ быть полезностями, то вмѣстѣ съ тѣмъ воплощенный въ нихъ разнообразный трудъ утрачиваетъ свой полезный характеръ, и, стало быть, различіе конкретныхъ формъ этого труда исчезаетъ: онѣ уже больше не отличаются другъ отъ друга, а всѣ сводятся къ равному человѣческому труду, выражаютъ абстрактный человѣческій трудъ.

Разсмотримъ теперь то, что послѣ всѣхъ этихъ отвлеченій осталось въ продуктахъ труда. Отъ нихъ осталась только одна, общая имъ всѣмъ и какъ бы призрачная, сущность, простой сгустокъ безразличнаго человѣческаго труда, т. е. затрата человѣческой рабочей силы — безотносительно къ формѣ затраты. Всѣ эти вещи теперь выражаютъ собою лишь тотъ фактъ, что при ихъ производствѣ потрачена человѣческая рабочая сила, что въ нихъ накопленъ человѣческій трудъ. Въ качествѣ кристалловъ этой общей всѣмъ имъ общественной субстанціи онѣ являются цѣнностями — товарными цѣнностями.

То общее, что выражается въ мѣновомъ отношеніи, или въ мѣновой цѣнности товаровъ, это—ихъ цѣнность. Потре-

бительная цѣнность, или благо, имѣетъ, согласно сказанному, цѣнность лишь потому, что въ ней осуществленъ, матеріализованъ, абстрактный человѣческій трудъ. Какъ же измѣрить величину этой цѣнности? Посредствомъ количества содержащейся въ ней „созидающей цѣнность субстанціи“, т. е. труда. Самое же количество труда измѣряется продолжительностью его. Но какой же рабочій принимается за норму, лѣнивый или прилежный, искусный или неискусный? Трудъ, образующій субстанцію цѣнности, есть одинаковый человѣческій трудъ, затрата одинаковой человѣческой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся въ товарныхъ цѣнностяхъ, разсматривается здѣсь, какъ одна и та же рабочая сила, хотя она состоитъ изъ безчисленнаго множества индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ представляетъ собою такую же человѣческую силу, какъ и всѣ другія, поскольку она обладаетъ характеромъ средней общественной рабочей силы и, какъ таковая, дѣйствуетъ, т. е. употребляетъ для производства какого-либо товара лишь средне - необходимое, или общественно-необходимое рабочее время. Общественно же необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или другой полезной вещи. Поэтому величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно-необходимаго труда, или общественно-необходимаго для ея производства рабочаго времени. Каждый отдѣльный товаръ считается здѣсь вообще какъ средній экземпляръ даннаго рода товара. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени.

Продукты потребленія дѣлаются товарами лишь потому, что они продукты частныхъ работъ, исполняемыхъ независимо одна отъ другой. Совокупность этихъ частныхъ работъ составляетъ общественный трудъ, какъ цѣлое. Такъ какъ производители входятъ во взаимныя общественныя отноше-

нія только посредствомъ обмѣна своихъ произведеній, то и специфическій общественный характеръ ихъ частныхъ работъ проявляется лишь въ предѣлахъ этого обмѣна. Другими словами, частныя работы въ дѣйствительности осуществляются, какъ звенья общественнаго труда, лишь чрезъ отношенія, которыя обмѣнъ устанавливаетъ между продуктами труда и, посредствомъ этихъ продуктовъ, между самими производителями. Только въ процессѣ обмѣна продукты труда пріобрѣтаютъ общественно одинаковую объективную природу, выражающуюся въ ихъ цѣнности и отличную отъ ихъ разнообразной природы, получающей свое выраженіе въ полезности. Это раздвоеніе продукта труда на полезность и цѣнность на практикѣ проявляется только тогда, когда обмѣнъ пріобрѣлъ уже настолько крупные размѣры и такое значеніе, что полезные предметы производятся прямо для обмѣна, т. е., что то свойство предметовъ, которое дѣлаетъ ихъ цѣнностями, принимается во вниманіе уже при самомъ ихъ производствѣ.

Товаръ не имѣетъ для товаровладѣльца никакой непосредственной потребительной цѣнности, иначе онъ не понесъ бы его на рынокъ. Товаръ даннаго товаровладѣльца имѣетъ потребительную цѣнность для другого. Для своего владѣльца непосредственно онъ имѣетъ потребительную цѣнность лишь постольку, поскольку является носителемъ мѣновой цѣнности и, такимъ образомъ, можетъ служить средствомъ для обмѣна. Поэтому онъ хочетъ отдать его въ обмѣнъ за другой товаръ, потребительная цѣнность котораго удовлетворяетъ его потребности. Всѣ товары суть непотребительныя цѣнности для ихъ владѣльцевъ и потребительныя цѣнности для ихъ невладѣльцевъ. Поэтому они со всѣхъ сторонъ должны переходить изъ рукъ въ руки. Но этотъ переходъ изъ рукъ въ руки составляетъ ихъ обмѣнъ, а послѣдній ставитъ ихъ во взаимное отношеніе въ качествѣ цѣнностей и реализуетъ ихъ, какъ таковые. Товары, слѣдовательно, должны реализоваться какъ цѣнности, прежде чѣмъ они могутъ реализоваться какъ потребительныя цѣнности.

Въ непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ каждый товаръ представляетъ собою непосредственное орудіе обмѣна для своего владѣльца, а для невладѣльца—эквивалентъ, но лишь—постольку, поскольку онъ является для него потре-

бительной цѣнностью. Предметъ обмѣна, слѣдовательно, не получаетъ еще никакой формы цѣнности, независимой отъ его собственной потребительной цѣнности, т. е. отъ индивидуальной потребности лицъ, совершающихъ обмѣнъ. Необходимость этой формы развивается только съ возрастаніемъ числа и разнообразія вступающихъ въ мѣновой процессъ товаровъ. Задача возникаетъ одновременно со средствами ея разрѣшенія. Оборотъ, въ которомъ товаровладѣльцы обмѣниваютъ и сравниваютъ свои собственные предметы съ другими предметами, никогда не совершается безъ того, чтобы различные товары различныхъ товаровладѣльцевъ не обмѣнивались и не сравнивались въ качествѣ цѣнностей внутри даннаго оборота съ однимъ и тѣмъ же третьимъ товаромъ. Такой третій товаръ, становясь эквивалентомъ для различныхъ товаровъ, непосредственно, хотя и въ тѣсныхъ границахъ, пріобрѣтаетъ всеобщую, или общественную эквивалентную форму. Эта всеобщая эквивалентная форма, съ развитіемъ товарнаго обмѣна, связывается исключительно съ однимъ особеннымъ товаромъ, или кристаллизуется въ денежную форму.

Широко развитый обмѣнъ товаровъ дѣлаетъ необходимой всеобщую эквивалентную форму—деньги, т. е. какой-нибудь особенный родъ товаровъ—у насъ золото, серебро,—въ которомъ всѣ другіе товары выражаютъ свою цѣнность, на который вымѣниваются всѣ прочіе товары, который выражаетъ цѣнности товаровъ, какъ однименныхъ величинъ, качественно равныхъ и количественно сравнимыхъ. Золото и серебро въ томъ видѣ, какъ они выходятъ изъ нѣдръ земли, тотчасъ же и фигурируютъ въ качествѣ непосредственнаго воплощенія всякаго человѣческаго труда. Вотъ источникъ магическихъ дѣйствій денегъ. Чисто атомистическія отношенія между людьми въ ихъ общественномъ процессѣ производства, а потому независимая отъ ихъ контроля и сознательной индивидуальной дѣятельности матеріальная форма ихъ собственныхъ производственныхъ отношеній, проявляются прежде всего въ томъ, что всѣ продукты человѣческаго труда принимаютъ форму товаровъ. Загадка денежнаго фетиша есть поэтому та же загадка товарнаго фетиша, которая лишь стала вполнѣ видимой и ослѣпляетъ взоръ своимъ металлическимъ блескомъ.

Денежная форма товаровъ есть цѣна. Цѣна есть денежное названіе овеществленнаго въ товарѣ труда.

Поскольку мѣновой процессъ товаровъ переноситъ ихъ изъ рукъ, въ которыхъ они не суть потребительныя цѣнности, въ руки, въ которыхъ они суть потребительныя цѣнности, онъ представляетъ собою общественный обмѣнъ веществъ. Процессъ товарнаго обмѣна прекращается вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ товаръ попадаетъ въ руки, въ которыхъ онъ есть потребительная цѣнность. Съ формальной стороны общественный обмѣнъ веществъ состоитъ въ перемѣнѣ формъ, или въ метаморфозѣ товаровъ. Когда товаръ обмѣнивается на золото, то онъ въ то же время мѣняетъ свою потребительную форму на форму цѣнности. Когда золото обмѣнивается на товаръ, то вмѣстѣ съ тѣмъ форма его мѣновой цѣнности превращается въ форму потребительной цѣнности. Ткачъ продаетъ 20 арш. холста и на вырученную сумму пріобрѣтаетъ библію, которая должна войти въ домъ ткача уже какъ потребительная цѣнность и тамъ удовлетворять потребности въ душеспасительномъ чтеніи. Мѣновой процессъ, слѣдовательно, совершается въ двухъ противоположныхъ и другъ друга пополняющихъ метаморфозахъ: въ превращеніи товара въ деньги и въ обратномъ превращеніи денегъ въ товаръ. Моменты этого товарнаго метаморфоза представляютъ въ то же время сдѣлки товаровладѣльца: продажу—обмѣнъ товара на деньги; покупку—обмѣнъ денегъ на товаръ, и совокупность этихъ двухъ актовъ: продажу для покупки.

Мѣновой процессъ товаровъ происходитъ, слѣдовательно, въ видѣ такого измѣненія формы: Товаръ—Деньги—Товаръ. Т—Д—Т.

По своему матеріальному содержанію это движеніе есть Т—Т, обмѣнъ товара на товаръ, обмѣнъ продуктовъ общественнаго труда, результатомъ котораго исчерпывается самый процессъ.

Служа посредникомъ при обращеніи товаровъ, деньги пріобрѣтаютъ функцію средства обращенія.

Перемѣна формъ, въ которой совершается вещественный обмѣнъ продуктовъ труда, Т—Д—Т, обусловливаетъ то, что одна и та же цѣнность представляетъ, въ качествѣ товара, исходный пунктъ этого процесса и, какъ товаръ же, воз-

вращается обратно къ этому самому пункту. Такимъ образомъ, это движеніе товаровъ является круговоротомъ. Денежная его форма, наоборотъ, исчезаетъ, какъ только его круговоротъ закончится. Она имѣетъ своимъ результатомъ постоянное отдаленіе денегъ отъ ихъ исходнаго пункта, а не возвращеніе ихъ къ нему. Форма движенія, непосредственно придаваемая деньгамъ товарнымъ обращеніемъ, состоитъ въ постоянномъ переходѣ ихъ изъ рукъ одного товаровладѣльца въ руки другого. Это и составляетъ обращеніе, или оборотъ денегъ.

Товарное обращеніе есть исходная точка капитала. Деньги, какъ деньги, и деньги, какъ капиталъ, сначала отличаются только своей различной формой обращенія.

Непосредственная форма товарнаго обращенія есть Т—Д—Т, превращеніе товара въ деньги и обратное превращеніе денегъ въ товаръ, продажа для покупки. Но рядомъ съ этой формой мы находимъ вторую, совершенно отъ нея отличную, форму Д—Т—Д, превращеніе денегъ въ товаръ и обратное превращеніе товара въ деньги, покупку для продажи. Деньги, которыя въ своемъ движеніи описываютъ этотъ послѣдній круговоротъ, превращаются въ капиталъ, становятся капиталомъ и уже по самому своему назначенію являются капиталомъ.

Форма обращенія Д—Т—Д, по результату процесса, заключается въ обмѣнѣ денегъ на деньги, Д—Д. Очевидно, что процессъ обращенія Д—Т—Д представлялся бы нелѣпо безсодержательнымъ, если бы этимъ обходнымъ путемъ обмѣнивалась одна сумма денегъ на такую же самую сумму, напр., 100 ф. ст. на 100 ф. ст. Одна сумма денегъ можетъ вообще отличаться отъ другой только своей величиной. Процессъ Д—Т—Д обязанъ своимъ содержаніемъ не качественному различію его крайнихъ членовъ, такъ какъ они оба—деньги, а только ихъ количественному различію. Въ результатѣ этого процесса изъ обращенія извлекается больше денегъ, чѣмъ сколько ихъ было внесено въ обращеніе при началѣ операціи. Хлопокъ, купленный за 100 ф. ст., перепродается, напр., за 100+10 ф. ст., или за 110 ф. ст. Полная форма этого процесса должна быть представлена, поэтому, слѣдующимъ образомъ: Д—Т—Д′, гдѣ Д′=△Д, т. е. равняется первоначально затраченной суммѣ плюсъ нѣкото-

рое приращеніе. Это приращеніе, или излишекъ сравнительно съ первоначальной цѣнностью Марксъ называетъ прибавочной цѣнностью (Mehrwert, surplus-value). Первоначально авансированная цѣнность такимъ образомъ не только сохраняется въ обращеніи, но въ обращеніи измѣняется также ея величина: къ ней присоединяется нѣкоторая прибавочная цѣнность, или она возрастаетъ. И это-то движеніе превращаетъ ее въ капиталъ.

Простое обращеніе товаровъ—продажа для покупки—служитъ средствомъ для достиженія конечной цѣли, лежащей внѣ обращенія, а именно для присвоенія потребительныхъ цѣнностей, т. е. для удовлетворенія потребностей. Обращеніе же денегъ, какъ капитала, наоборотъ, является цѣлью самодовлѣющей, такъ какъ при немъ употребленіе цѣнности происходитъ только внутри этого вѣчно возобновляющагося и равнаго себѣ движенія. Поэтому, движеніе капиталовъ ничѣмъ не ограничено.

Измѣненіе цѣнности денегъ, долженствующихъ превратиться въ капиталъ, не можетъ произойти въ нихъ самихъ, потому что, какъ покупательное и платежное средство, они реализуютъ только цѣну товара, который на нихъ покупаютъ, или за который ими платятъ, и въ то же время, сохраняя свою собственную форму, какъ бы застываютъ на подобіе окаменѣлости въ данной величинѣ цѣнности. Точно также измѣненіе это не можетъ произойти изъ второго акта обращенія—перепродажи товара,—ибо этотъ актъ только превращаетъ товаръ изъ его естественной формы обратно въ денежную форму. Измѣненіе должно, слѣдовательно, совершаться съ товаромъ, который покупается въ первомъ актѣ Д—Т, но не съ цѣнностью этого товара, такъ какъ обмѣниваются эквиваленты, т. е. товаръ оплачивается по его цѣнности. Измѣненіе, такимъ образомъ, можетъ произойти только изъ потребительной цѣнности этого товара, какъ таковой, т. е. изъ его потребленія. Для того, чтобы извлекать изъ потребленія товара цѣнность, нашъ владѣлецъ денегъ долженъ быть настолько счастливъ, чтобы открыть внутри сферы обращенія, на рынкѣ, такой товаръ, потребительная цѣнность котораго обладала бы особеннымъ свойствомъ рождать цѣнность, товаръ, дѣйствительное потребленіе котораго само было бы овеществленіемъ труда и, стало быть, созда-

ніемъ цѣнности. И владѣлецъ денегъ дѣйствительно находитъ на рынкѣ такой спицифическій товаръ—способность къ труду, или рабочую силу.

Для превращенія денегъ въ капиталъ владѣлецъ денегъ долженъ найти на товарномъ рынкѣ свободнаго рабочаго, свободнаго въ двоякомъ смыслѣ: съ одной стороны, рабочій, являясь свободнымъ человѣкомъ, долженъ располагать своей рабочей силой, какъ своимъ собственнымъ товаромъ, съ другой стороны—у него не должно быть другихъ товаровъ для продажи, онъ долженъ быть свободнымъ отъ всего, свободнымъ отъ всякихъ предметовъ, необходимыхъ для овеществленія его рабочей силы.

Цѣнность рабочей силы, какъ и цѣнность всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства, а, слѣдовательно, и для воспроизведенія этого специфическаго товара. Поскольку она есть цѣнность, сама рабочая сила представляетъ только опредѣленное количество овеществленнаго въ ней средняго общественнаго труда. Рабочая сила существуетъ только какъ способность живой личности человѣка. Производство первой, слѣдовательно, заранѣе предполагаетъ существованіе второй. Разъ живая личность налицо, производство рабочей силы состоитъ въ ея воспроизведеніи, въ ея возстановленіи, или въ поддержаніи ея жизни (и ея потомства). Для поддержанія своей жизни личность нуждается въ извѣстномъ количествѣ средствъ существованія. Рабочее время, необходимое для производства рабочей силы, сводится, такимъ образомъ, къ рабочему времени, необходимому для производства этихъ средствъ существованія, или, другими словами, цѣнность рабочей силы есть цѣнность средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія жизни ея владѣльца (и его семьи). Естественныя потребности, напр., пища, одежда, отопленіе, квартира и т. д. различны, смотря по климатическимъ и другимъ естественнымъ особенностямъ страны. Съ другой стороны, и размѣры такъ называемыхъ необходимыхъ потребностей такъ же, какъ и способъ ихъ удовлетворенія, представляютъ продуктъ историческаго развитія и обусловлены поэтому, по большей части, культурнымъ уровнемъ страны, а, стало быть, между прочимъ, существеннымъ образомъ опредѣляются и тѣмъ, при

какихъ условіяхъ и, слѣдовательно, съ какими привычками и жизненными требованіями образовался классъ свободныхъ рабочихъ. Въ противоположность всѣмъ другимъ товарамъ, опредѣленіе цѣнности рабочей силы содержитъ, такимъ образомъ, въ себѣ элементы историческій и моральный. Но для опредѣленной страны и въ опредѣленный періодъ времени средній уровень необходимыхъ средствъ существованія является величиной данной.

Если предположить, что въ массѣ товаровъ, требующихся для производства рабочей силы среднимъ числомъ въ одинъ день, заключается 6 часовъ общественнаго труда, то въ рабочей силѣ ежедневно овеществляется полдня средняго общественнаго труда, или другими словами, половина рабочаго дня нужна для ежедневнаго производства рабочей силы. Это количество труда, требующееся для ежедневнаго производства рабочей силы, составляетъ дневную цѣнность ея, или цѣнность ежедневно возстановляемой рабочей силы. Если полдня средняго общественнаго труда выражается въ количествѣ золота въ 3 шиллинга или въ 1 талеръ, то одинъ талеръ есть цѣна, соотвѣтствующая дневной цѣнности рабочей силы. Если владѣлецъ рабочей силы продаетъ ее ежедневно за одинъ талеръ, то продажная цѣна рабочей силы равна ея цѣнности, и, по нашему предположенію, владѣлецъ денегъ, стремящійся къ превращенію своихъ талеровъ въ капиталъ, платитъ эту цѣнность.

Но прошедшій трудъ, заключающійся въ рабочей силѣ, и живой трудъ, который она можетъ выполнить, ея ежедневныя средства существованія и ея ежедневная трата—двѣ совершенно различныя величины. Первая опредѣляетъ ея мѣновую цѣнность, вторая составляетъ ея потребительную цѣнность. То обстоятельство, что для поддержанія жизни рабочаго въ продолженіе 24 часовъ нужно только полъ рабочаго дня, нисколько не мѣшаетъ ему работать цѣлый день. Цѣнность рабочей силы и ея эксплуатація въ процессѣ труда, слѣдовательно, двѣ различныя величины. Это различіе въ цѣнности капиталистъ и имѣлъ въ виду, когда покупалъ рабочую силу. Ея полезное свойство, ея способность производить пряжу или сапоги, было только conditio sine qua non: трудъ долженъ быть издержанъ въ полезной формѣ для того, чтобы образовать цѣнность. Рѣшающее значе-

ніе имѣла здѣсь специфическая потребительная цѣнность этого товара, т. е. его способность быть источникомъ цѣнности, и притомъ—большаго количества цѣнности, чѣмъ та цѣнность, которую онъ самъ имѣетъ. Въ этомъ и заключается специфическая услуга, которой капиталистъ ждетъ отъ рабочей силы. И при этомъ онъ поступаетъ сообразно съ вѣчными законами товарнаго обмѣна. Въ самомъ дѣлѣ, продавецъ рабочей силы, какъ и продавецъ всякаго другого товара, реализуетъ ея мѣновую цѣнность, отчуждая ея потребительную цѣнность. Онъ не можетъ получить одной, не отдавая другой. Потребительная цѣнность рабочей силы, самый трудъ такъ же мало принадлежитъ продавцу ея, какъ потребительная цѣнность проданнаго масла—торговцу масломъ. Владѣлецъ денегъ уплатилъ дневную цѣнность рабочей силы; ему принадлежитъ поэтому потребленіе ея въ продолженіе одного дня, т. е. дневной трудъ. То обстоятельство, что дневное содержаніе рабочей силы стоитъ только полъ рабочаго дня, хотя рабочая сила можетъ дѣйствовать, т. е. работать, цѣлый день, что поэтому цѣнность, которую создаетъ ея потребленіе въ продолженіе одного дня, вдвое больше ея собственной цѣнности, составляетъ особенное счастье покупателя, но ни въ какомъ случаѣ не составляетъ несправедливости по отношенію къ продавцу. Въ этомъ и состоитъ эксплуатація рабочей силы капиталомъ, или рабочаго капиталистомъ.

Ту часть рабочаго дня, въ продолженіе которой рабочій производитъ только цѣнность своей рабочей силы, Марксъ называетъ необходимымъ рабочимъ временемъ, а трудъ, потраченный въ это время,—необходимымъ трудомъ: необходимымъ для рабочаго, такъ какъ этотъ трудъ независимъ отъ общественной формы процесса труда; необходимымъ для капиталиста и капиталистическаго міра, такъ какъ постоянное существованіе рабочаго есть основа собственнаго бытія капитала. Второй періодъ процесса труда, въ теченіе котораго рабочій трудится уже за предѣлами необходимаго труда, хотя и стоитъ ему труда, траты рабочей силы, но не образуетъ для него, рабочаго, никакой цѣнности. Онъ образуетъ прибавочную цѣнность, которая даритъ капиталиста всею прелестью улыбки творенія, созданнаго изъ ничего. Эту часть рабочаго дня Марксъ называетъ прибавочнымъ рабочимъ вре-

менемъ (Surplusarbeitszeit), а потраченный въ теченіе этого времени трудъ—прибавочнымъ трудомъ (Mehrarbeit, surplus labour). Понимая цѣнность вообще, какъ застывшее рабочее время, какъ овеществленный трудъ, и прибавочную цѣнность онъ разсматриваетъ, какъ застывшее прибавочное рабочее время, какъ овеществленный прибавочный трудъ. Разныя общественно-экономическія формаціи, напр., рабское общество и общество, основанное на наемномъ трудѣ, отличаются другъ отъ друга лишь формой, въ которой этотъ прибавочный трудъ выжимается у непосредственнаго производителя. Если обѣ части рабочаго дня равны, то это значитъ, что работникъ работаетъ одну половину дня на себя, а другую половину на капиталиста.

Такъ Марксъ обосновываетъ то положеніе, что капиталъ есть овеществленіе чужого неоплаченнаго труда. И это образуетъ первую половину его экономической теоріи. На этомъ онъ, однако, не останавливается. Во второй половинѣ своей теоріи онъ пытается доказать, что въ нѣдрахъ капиталистическаго производства складываются условія грядущаго соціалистическаго строя, что капиталъ самъ себѣ роетъ могилу, и что соціалистическій строй будетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого процесса. Въ качествѣ отдѣльныхъ звеньевъ въ эту теорію общественнаго развитія входитъ цѣлый рядъ частныхъ теорій.

Теорія накопленія (accumulation) *и сосредоточенія* (centralisation) *капитала.* Если прибавочная цѣнность не издерживается на личное потребленіе, а затрачивается и употребляется въ видѣ капитала, то возникаетъ новый капиталъ и присоединяется къ прежнему. Такое превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ называется накопленіемъ капитала.

При товарномъ способѣ производства, при которомъ средства производства составляютъ собственность частныхъ лицъ, гдѣ рабочій поэтому или изолированно и самостоятельно производитъ товары или же, при отсутствіи средствъ для самостоятельнаго производства, продаетъ свою рабочую силу, какъ товаръ,—кооперація въ широкихъ размѣрахъ можетъ осуществиться только вслѣдствіе возрастанія индивидуальныхъ капиталовъ, или по мѣрѣ обращенія общественныхъ средствъ производства и средствъ существованія въ частную собственность отдѣльныхъ капиталистовъ. Почва товарнаго

производства допускаетъ производство въ широкихъ размѣрахъ только въ капиталистической формѣ. Нѣкоторое накопленіе капитала въ рукахъ индивидуальныхъ товаропроизводителей составляетъ поэтому необходимую предпосылку специфически-капиталистическаго способа производства. Оно можетъ быть названо первоначальнымъ накопленіемъ, потому что оно есть не историческій результатъ специфически-капиталистическаго способа производства, а его историческое основаніе. Какъ бы оно ни произошло, но всѣ способы увеличенія общественной производительности труда, возникающіе на этой почвѣ, суть въ то же время способы для увеличенія производства прибавочной цѣнности, или прибавочнаго продукта, который служитъ образовательнымъ элементомъ накопленія. Эти способы, слѣдовательно, являются въ то же время способами производства капитала при помощи капитала, или способами его ускореннаго накопленія. Непрерывное превращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ выражается въ возрастающей величинѣ капитала, вступающаго въ процессъ производства. Оно становится въ свою очередь основаніемъ для производства въ болѣе широкихъ размѣрахъ, для сопровождающихъ его способовъ увеличенія производительности труда и для ускоренія производства прибавочной цѣнности. Если, такимъ образомъ, извѣстная степень накопленія капитала является условіемъ специфически-капиталистическаго способа производства, то послѣдній, въ свою очередь, обусловливаетъ болѣе быстрое накопленіе капитала. Съ накопленіемъ капитала развивается, такимъ образомъ, специфически-капиталистическій способъ производства, а со специфически-капиталистическимъ способомъ производства развивается накопленіе капитала.

Поскольку капиталистъ представляетъ олицетворенный капиталъ, побудительнымъ мотивомъ его дѣйствій служитъ не потребительная цѣнность и потребленіе, а мѣновая цѣнность и ея увеличеніе. Какъ фанатикъ возрастанія цѣнности, онъ безпощадно принуждаетъ человѣчество къ производству ради производства. Въ этой своей роли онъ раздѣляетъ съ собирателемъ сокровищъ абсолютную жажду обогащенія. Но что у того является индивидуальной маніей, то у капиталиста есть дѣйствіе общественнаго механизма, въ которомъ онъ составляетъ только одно колесо. Кромѣ того, развитіе капи-

талистическаго производства дѣлаетъ необходимымъ постоянное увеличеніе капитала, вложеннаго въ промышленное предпріятіе, а конкурренція повелительно диктуетъ каждому индивидуальному капиталисту законы, присущіе капиталистическому способу производства, какъ внѣшніе принудительные законы. Она принуждаетъ его постоянно расширять свой капиталъ, чтобы сохранить его, увеличивать же его онъ можетъ только посредствомъ прогрессивнаго накопленія.

Каждый изъ отдѣльныхъ капиталовъ, изъ которыхъ слагается общественный капиталъ, представляетъ болѣе или менѣе значительную концентрацію средствъ производства и соотвѣтственно бо́льшую власть капиталиста надъ большею или меньшею арміей рабочихъ. Каждое накопленіе становится средствомъ новаго накопленія. Умножая количество богатства, дѣйствующаго въ видѣ капитала, накопленіе увеличиваетъ концентрацію этого капитала въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, а слѣдовательно, расширяетъ условія для производства въ большихъ размѣрахъ и для специфически-капиталистическаго способа производства.

Это—накопленіе (accumulation) капитала и концентрація средствъ производства. Эту теорію можно было бы назвать die rein technische Konzentrationstheorie (вслѣдъ за нѣкоторыми излагателями *Капитала*).

Отъ этого накопленія и концентраціи нужно отличать сосредоточеніе (централизацію) капитала (die socialökonomische Konzentrationstheorie). Эта теорія (вторая половина общей теоріи накопленія и сосредоточенія капитала) состоитъ въ слѣдующемъ.

Возрастаніе общественнаго капитала совершается посредствомъ возрастанія многихъ индивидуальныхъ капиталовъ. При прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, каждый изъ этихъ отдѣльныхъ капиталовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и концентрація средствъ производства, возрастаетъ соразмѣрно съ тѣмъ, какую часть общественнаго капитала онъ образуетъ. Въ то же время являются отпрыски первоначальнаго капитала, которые, отдѣлившись отъ него, дѣйствуютъ какъ новые самостоятельные капиталы. Большую роль при этомъ играетъ, между прочимъ, раздѣлъ имуществъ въ семействахъ капиталистовъ. Поэтому съ накопленіемъ капитала болѣе или менѣе возрастаетъ число капиталистовъ. Два обстоятельства

характеризуютъ этотъ родъ концентраціи, непосредственно покоящійся на накопленіи, или даже тождественный съ нимъ. Во-первыхъ, возрастаніе концентраціи общественныхъ средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, ограничивается степенью возрастанія общественнаго богатства. Во-вторыхъ, часть общественнаго капитала, вложенная въ каждую отдѣльную отрасль производства, раздѣляется между многими капиталистами, которые противостоятъ другъ другу, какъ независимые и другъ съ другомъ конкурирующіе товаропроизводители. Итакъ, мы видимъ, что не только накопленіе и сопутствующая ему концентрація раздробляется и происходитъ въ одно и то же время на многихъ пунктахъ, но и возрастаніе функціонирующихъ капиталовъ сопровождается образованіемъ новыхъ и раздробленіемъ старыхъ. Накопленіе является, такимъ образомъ, съ одной стороны, растущею концентраціей средствъ производства и растущимъ господствомъ надъ трудомъ, съ другой стороны—взаимнымъ отталкиваніемъ многихъ индивидуальныхъ капиталовъ.

Этому раздробленію всего общественнаго капитала на многіе индивидуальные капиталы, или взаимному отталкиванію его составныхъ частей, противодѣйствуетъ ихъ притяженіе. Это уже не простая концентрація средствъ производства, тождественная съ накопленіемъ, не простое господство надъ трудомъ. Это концентрація образовавшихся уже капиталовъ, уничтоженіе ихъ индивидуальной самостоятельности, экспропріація капиталиста капиталистомъ, превращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ тѣмъ отличается отъ перваго, что онъ предполагаетъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи имѣющихся уже и функціонирующихъ капиталовъ, и что его поле дѣйствія не ограничено, слѣдовательно, абсолютнымъ ростомъ общественнаго богатства, или абсолютными границами накопленія. Въ одномъ мѣстѣ капиталъ накопляется въ однѣхъ рукахъ въ громадныхъ массахъ, потому что въ другихъ мѣстахъ онъ исчезъ изъ многихъ рукъ.

Конкурренція заставляетъ удешевлять товары. Дешевизна же товаровъ зависитъ, caeteris paribus, отъ производительности труда, которая въ свою очередь зависитъ отъ размѣровъ производства. Крупные капиталы побиваютъ поэтому

мелкіе. Сверхъ того, съ развитіемъ капиталистическаго способа производства возрастаетъ минимальный размѣръ отдѣльнаго капитала, потребный для веденія дѣла при нормальныхъ условіяхъ. Поэтому мелкіе капиталы вытѣсняются въ тѣ сферы производства, въ которыхъ крупная промышленность встрѣчается только спорадически, или которыми она еще не вполнѣ овладѣла. Конкурренція свирѣпствуетъ здѣсь въ прямомъ отношеніи къ числу и въ обратномъ отношеніи къ величинѣ соперничествующихъ капиталовъ. Она всегда оканчивается гибелью многихъ мелкихъ капиталистовъ, капиталы которыхъ частью переходятъ въ руки ихъ побѣдителя, частью исчезаютъ.

По мѣрѣ того, какъ развивается капиталистическое производство и накопленіе, развиваются также конкурренція и кредитъ—эти два могущественнѣйшіе рычага централизаціи, сосредоточенія капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ накопленія увеличиваетъ матеріалъ для централизаціи, т. е. отдѣльные капиталы, между тѣмъ какъ расширеніе капиталистическаго производства создаетъ, съ одной стороны, общественную потребность, съ другой—техническія средства для тѣхъ громадныхъ промышленныхъ предпріятій, проведеніе которыхъ связано съ предыдущимъ сосредоточеніемъ капитала. Въ настоящее время поэтому сила взаимнаго притяженія отдѣльныхъ капиталовъ и тенденція къ централизаціи сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Если даже относительные размѣры и энергія движенія въ направленіи къ централизаціи въ извѣстной степени опредѣляются достигнутой уже величиной капиталистическаго богатства и степенью совершенства экономическаго механизма, то прогрессъ сосредоточенія отнюдь не зависитъ отъ положительнаго возрастанія общественнаго капитала. И это-то именно и отличаетъ централизацію отъ концентраціи, составляющей лишь иное выраженіе расширеннаго воспроизведенія. Централизація можетъ происходить путемъ простого измѣненія распредѣленія существующихъ уже капиталовъ, вслѣдствіе простого измѣненія въ количественной группировкѣ составныхъ частей общественаго капитала. Капиталъ можетъ здѣсь возрасти до огромныхъ размѣровъ въ однѣхъ рукахъ, потому что въ другомъ мѣстѣ онъ ускользнулъ изъ многихъ рукъ. Въ данной отрасли промышленности централизація достигла бы

своихъ крайнихъ предѣловъ въ томъ случаѣ, если бы всѣ затраченные на нее капиталы слились въ одинъ единичный капиталъ. Въ какомъ-нибудь данномъ обществѣ предѣлы эти были бы достигнуты лишь въ тотъ моментъ, когда весь общественный капиталъ соединился бы въ рукахъ какого-нибудь одного капиталиста или въ рукахъ какого-нибудь одного общества капиталистовъ.

Централизація довершаетъ дѣло накопленія, давая возможность промышленнымъ капиталистамъ расширять размѣры своихъ операцій. Очевидно, однако, что накопленіе очень медленная процедура въ сравненіи съ централизаціей, которая нуждается лишь въ томъ, чтобы измѣнить количественную группировку интегральныхъ составныхъ частей общественнаго капитала.

Процессъ накопленія и сосредоточенія влечетъ за собою важныя отрицательныя стороны промышленной жизни—кризисы и обнищаніе рабочихъ.

Кризисы. До тѣхъ поръ, пока машинное производство расширяется въ какой-либо отрасли промышленности на счетъ ремесленнаго или мануфактурнаго, успѣхъ его настолько же вѣренъ, насколько вѣрна, положимъ, побѣда арміи, вооруженной игольчатыми ружьями, надъ арміей стрѣлковъ изъ лука. Этотъ первый періодъ, когда машина только начинаетъ завоевывать себѣ сферу дѣйствія, имѣетъ важное, рѣшающее значеніе, въ виду чрезвычайной прибыли, которая производится при помощи машинъ. Эта прибыль не только сама по себѣ образуетъ источникъ ускореннаго накопленія, но еще постоянно притягиваетъ къ особо прибыльной сферѣ производства крупную долю добавочнаго общественнаго капитала, постоянно вновь образующагося и ищущаго новыхъ помѣщеній. Особенныя преимущества перваго періода „бури и натиска“ повторяются въ тѣхъ отрасляхъ производства, куда вновь вводятся машины. Но какъ только фабричная система достигла въ своемъ развитіи извѣстной широты и извѣстной зрѣлости; какъ только ея техническая основа, т. е. машины, производятся машиннымъ же способомъ; какъ только въ добываніи угля и желѣза, а также въ способѣ обработки металловъ и въ транспортномъ дѣлѣ произошелъ переворотъ; вообще, какъ только созданы общія условія производства, соотвѣтствующія крупной промышленности,—съ

этого момента машинный способъ производства пріобрѣтаетъ извѣстную эластичность, способность къ быстрому расширенію, предѣлы которому ставятся лишь сырымъ матеріаломъ и рынкомъ сбыта.

Эта громадная, дающая себя знать въ толчкахъ, растяжимость фабричнаго производства и его зависимость отъ мірового рынка необходимо порождаютъ лихорадочную производительность и слѣдующее за производственной горячкой переполненіе рынковъ, сокращеніе которыхъ парализуетъ производство. Промышленная жизнь, такимъ образомъ, превращается въ послѣдовательный рядъ періодовъ средняго оживленія, процвѣтанія, перепроизводства, кризиса и застоя. Необезпеченность и неустойчивость, которымъ машинное производство подвергаетъ трудъ, а слѣдовательно, и судьбу рабочаго, дѣлаются нормальными, когда наступаетъ эта періодичность промышленнаго цикла.

Какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ извѣстное движеніе, постоянно его повторяютъ, такъ и общественное производство, разъ оно брошено въ это движеніе попеременнаго расширенія и сокращенія, также постоянно повторяетъ его. Дѣйствія, въ свою очередь, становятся причинами, и различныя перипетіи всего процесса, который постоянно воспроизводитъ свои собственныя условія, принимаютъ форму періодичности. Но только съ того момента, какъ машинное производство, пустивъ достаточно глубокіе корни, стало оказывать подавляющее вліяніе на все національное производство; какъ, благодаря ему, внѣшняя торговля начала преобладать надъ внутренней; какъ міровой рынокъ послѣдовательно присоединилъ къ себѣ обширныя территоріи въ Новомъ Свѣтѣ, въ Азіи и въ Австраліи; какъ, наконецъ, число отдѣльныхъ промышленныхъ націй, вступившихъ на арену международной экономической борьбы, стало довольно значительнымъ,—только съ этого момента начались повторяющіеся циклы, фазы которыхъ обнимаютъ цѣлые годы, и которые упираются всегда въ общій кризисъ, завершающій одинъ циклъ и являющійся отправной точкой для другого. Для настоящаго времени періодъ этихъ цикловъ составляетъ 10—11 лѣтъ, но нѣтъ никакого основанія считать эту величину постоянной. Наоборотъ, слѣдуетъ предположить, что

она измѣняется, и что продолжительность цикловъ будетъ постепенно сокращаться.

Кризисы свидѣтельствуютъ, что современное буржуазное общество, создавшее столь могущественныя средства производства и обмѣна, подобно магу, не умѣющему справиться съ вызванными имъ же самимъ подземными силами. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ отношеній собственности, которыя являются условіемъ существованія для буржуазіи и ея господства. Каждый кризисъ систематически уничтожаетъ не только массу уже созданныхъ продуктовъ, но и значительную часть самихъ производительныхъ силъ. Общество поражаетъ эпидемія, которая показалась бы нелѣпостью во всякую другую историческую эпоху,—эпидемія перепроизводства. Общество вдругъ возвращается къ состоянію варварства: можно было бы предположить, что голодъ или истребительная война лишили его всѣхъ средствъ существованія; кажется, будто вся его промышленность и торговля окончательно погибли. А почему? Потому, что общество обладаетъ излишкомъ цивилизаціи, избыткомъ средствъ существованія, излишне развитою промышленностью и торговлею. Производительныя силы, которыми оно располагаетъ, уже не только не способствуютъ развитію буржуазныхъ отношеній собственности, но, напротивъ, стали слишкомъ могучи для этихъ отношеній, которыя для нихъ превращаются въ путы; и всякій разъ, когда общественнымъ производительнымъ силамъ удается освободиться отъ этихъ путъ, это освобожденіе сопровождается потрясеніемъ всего общественнаго строя и угрожаетъ существованію буржуазной собственности. Буржуазный строй оказывается слишкомъ тѣснымъ для того, чтобы вмѣщать богатства, созданныя въ его же нѣдрахъ.

Обнищаніе рабочихъ. Чѣмъ больше общественное богатство, чѣмъ значительнѣе функціонирующій капиталъ, размѣры и энергія его возрастанія, а слѣдовательно, чѣмъ больше также абсолютная величина пролетаріата и производительная сила его труда, тѣмъ больше промышленная резервная армія. Рабочая сила, готовая къ услугамъ капитала, развивается вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ и сила расшире-

нія капитала. Относительная величина промышленной резервной арміи возрастаетъ вмѣстѣ съ силами, въ которыхъ заключается богатство. Но чѣмъ больше эта резервная армія въ сравненіи съ активной рабочей арміей, тѣмъ значительнѣе постоянный избытокъ населенія, или тѣ слои рабочихъ, нищета которыхъ находится въ обратномъ отношеніи къ тягости ихъ труда. Наконецъ, чѣмъ больше инвалидовъ и пр., этихъ Лазарей рабочаго населенія, и, вообще, чѣмъ значительнѣе вся промышленная резервная армія, тѣмъ больше офиціальный пауперизмъ. Это абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія.

Механизмъ капиталистическаго производства и накопленія самъ постоянно приспособляетъ число рабочихъ къ потребностямъ самовозрастанія капитала. Первое слово этого приспособленія—созданіе относительнаго перенаселенія, или промышленной резервной арміи, и послѣднее слово—нищета все большихъ и большихъ слоевъ активной рабочей арміи и тянущая внизъ гиря пауперизма. Законъ, по которому все большая и большая масса средствъ производства можетъ, благодаря прогрессу производительности труда, приводиться въ движеніе все съ меньшей и меньшей затратой человѣческой силы—этотъ законъ на капиталистической почвѣ, гдѣ не рабочій управляетъ орудіями труда, а орудія труда управляютъ рабочимъ, выражается въ томъ, что чѣмъ больше производительная сила труда, тѣмъ больше давленіе рабочихъ на ихъ средства занятія, тѣмъ неустойчивѣе поэтому условія ихъ существованія, основа которыхъ—продажа собственной силы для увеличенія чужого богатства, или для самовозрастанія капитала. Такимъ образомъ, болѣе быстрое возрастаніе средствъ производства и производительности труда, чѣмъ производительнаго населенія, въ капиталистическомъ обществѣ выражается, наоборотъ, въ томъ, что рабочее населеніе постоянно растетъ быстрѣе, чѣмъ потребности самовозрастанія капитала.

При капиталистической системѣ примѣненіе всѣхъ способовъ увеличенія общественной производительной силы труда происходитъ на счетъ индивидуальнаго рабочаго. Всѣ средства къ развитію производства превращаются въ средства господства надъ производителемъ и эксплуатаціи его: они уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него получеловѣка, унижа-

ютъ его, превращая его въ придатокъ машины; уничтожая утомительность труда, они вмѣстѣ съ тѣмъ упраздняютъ его содержаніе, отчуждаютъ отъ рабочаго духовныя силы процесса труда въ той же мѣрѣ, въ какой наука соединяется съ этимъ послѣднимъ на правахъ самостоятельной силы; они уродуютъ условія, въ которыхъ рабочій трудится, подчиняютъ его во время процесса труда самому мелочному, злобнопридирчивому деспотизму, превращаютъ всю его жизнь въ рабочее время, бросаютъ его жену и дѣтей подъ джаггернаутову колесницу капитала. Но всѣ способы производства прибавочной цѣнности являются вмѣстѣ съ тѣмъ и способами накопленія, всякое же расширеніе накопленія становится, наоборотъ, средствомъ развитія этихъ способовъ. Отсюда слѣдуетъ, что по мѣрѣ накопленія капитала положеніе рабочаго должно ухудшаться, будетъ ли плата его высока или низка. Наконецъ, законъ, который всегда поддерживаетъ равновѣсіе между относительнымъ избыткомъ населенія, или промышленной резервной арміей, и размѣромъ и энергіей накопленія, сильнѣе приковываетъ рабочаго къ капиталу, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ. Законъ этотъ обусловливаетъ накопленіе нищеты, соотвѣтствующее накопленію капитала. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть, слѣдовательно, въ то же самое время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала.

Всѣ существовавшія до сихъ поръ формы общественнаго строя покоились на антагонизмѣ угнетающаго и угнетаемаго класса. Но, чтобы угнетать какой-либо классъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, обезпечить ему такія условія существованія, которыя позволяли бы ему жить въ рабствѣ. Въ цвѣтущую эпоху феодализма крѣпостному удавалось сдѣлаться гражданиномъ городской общины, а эмбріональный буржуа среднихъ вѣковъ сдѣлался настоящимъ буржуа подъ игомъ феодальнаго абсолютизма. Современный рабочій, напротивъ, не только не возвышается съ прогрессомъ промышленности, но все ниже и ниже опускается, опускается даже ниже жизненнаго уровня своего собственнаго класса. Рабочій впадаетъ въ нищету, нищета растетъ еще быстрѣе, чѣмъ насе-

леніе и богатство. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что буржуазія неспособна выполнять роль правящаго класса и возводить условія своего классоваго существованія въ высшій законъ, управляющій всѣмъ обществомъ. Она не можетъ править потому, что неспособна обезпечить существованіе своему рабу, даже въ условіяхъ его подневольной жизни, потому, что она заставляетъ его опуститься до такого положенія, при которомъ ей самой приходится кормить его, а не кормиться отъ него. Общество не можетъ болѣе существовать подъ господствомъ буржуазіи, иными словами, ея существованіе не совмѣстимо болѣе съ существованіемъ общества.

Теорія соціальной революціи (soziale Revolution), или *теорія крушенія* (Zusammenbruchstheorie, Zusammenbruchshypothese). Идея соціальной революціи кратко выражена въ *Zur Kritik der politischen Oekonomie*—во введеніи. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, что служитъ лишь юридическимъ выраженіемъ ихъ, съ отношеніями собственности, среди которыхъ они до тѣхъ поръ двигались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ ихъ путы. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи [1]).

О дѣятеляхъ грядущей соціальной катастрофы, пролетаріатѣ, Марксъ говоритъ въ *Коммунистическомъ манифестѣ*. Пролетаріатъ приготовляется къ своей роли обнищаніемъ и озлобленіемъ противъ угнетателей. Но этого мало. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что пролетаріатъ, представляя собою неизбѣжное дѣтище крупной промышленности, вслѣдствіе самаго прогресса промышленности—объединяется. Самымъ основнымъ условіемъ существованія класса буржуазіи и его господства является накопленіе богатства въ рукахъ частныхъ лицъ, образованіе и возраста-

[1]) Auf einer gewissen Stufe ihrer Entwicklung geraten die materiellen Produktivkräfte der Gesellschaft in Widerspruch mit den vorhandenen Produktionsverhältnissen, oder, was nur ein juristischer Ausdruck dafür ist, mit den Eigentumsverhältnissen, innerhalb deren sie sich bisher bewegt hatten. Aus Entwicklungsformen der Produktivkräfte schlagen diese Verhältnisse in Fesseln derselben ein. Es tritt dann eine Epoche sozialer Revolution ein.

ніе капитала. Капиталъ же не можетъ существовать безъ наемнаго труда. Но самый фактъ существованія наемнаго труда возможенъ лишь при господствѣ конкурренціи въ средѣ рабочихъ. Прогрессъ промышленности, пассивнымъ и безсознательнымъ агентомъ котораго является буржуазія, ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкурренціи ихъ объединеніе путемъ ассоціаціи. Такимъ образомъ, съ развитіемъ крупной промышленности у буржуазіи ускользаетъ изъ-подъ ногъ та почва, на которой зиждутся ея имущественныя отношенія и ея способъ присвоенія. Буржуазія производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея пораженіе и побѣда пролетаріата одинаково неизбѣжны.

Пролетаріатъ проходитъ различныя фазы развитія. Его борьба противъ буржуазіи начинается со дня его появленія на свѣтъ. Сначала борьба ведется поодиночкѣ каждымъ отдѣльнымъ рабочимъ, затѣмъ рабочими одной и той же фабрики, наконецъ рабочими одной и той же профессіи въ данной мѣстности противъ того буржуа, который непосредственно ихъ эксплуатируетъ. Они не довольствуются борьбой противъ одного только буржуазнаго способа производства, но и направляютъ свою борьбу противъ орудій производства: они уничтожаютъ заграничные товары, съ которыми имъ приходится конкурировать, разбиваютъ машины, поджигаютъ фабрики и стараются отвоевать назадъ потерянную позицію средневѣковаго ремесленника. На этой ступени развитія пролетаріатъ представляетъ собой несвязную массу, разсѣянную по всей странѣ и разъединенную конкурренціей. Если рабочіе иногда объединяются, чтобы дѣйствовать сплоченной массой, то это является результатомъ не ихъ самостоятельнаго объединенія, но объединенія буржуазіи, которая для достиженія своихъ политическихъ цѣлей должна приводить въ движеніе весь пролетаріатъ, и которой въ данный моментъ это можетъ еще удаваться. На этой ступени развитія рабочіе сражаются еще не со своими собственными врагами, но съ врагами своихъ враговъ, т. е. съ остатками абсолютной монархіи, поземельными собственниками, непромышленными буржуа, мелкими буржуа. Между тѣмъ, съ развитіемъ промышленности пролетаріатъ не только численно растетъ, но и концентрируется въ болѣе значи-

тельныхъ массахъ; растетъ сила пролетаріевъ, и они начинаютъ сознавать эту силу. Интересы и условія существованія пролетаріевъ все болѣе и болѣе выравниваются, по мѣрѣ того, какъ машина сглаживаетъ всякія различія разныхъ видовъ труда и приводитъ заработную плату почти повсюду къ одинаково низкому уровню. Вслѣдствіе все усиливающейся конкурренціи между самими буржуа и порождаемыхъ ею торговыхъ кризисовъ заработокъ становится все болѣе и болѣе невѣрнымъ; непрерывное совершенствованіе машинъ дѣлаетъ положеніе рабочаго все болѣе и болѣе шаткимъ; индивидуальныя столкновенія между рабочимъ и буржуа принимаютъ все въ большей и большей степени характеръ столкновеній между двумя класами. Рабочіе начинаютъ образовывать коаліціи для борьбы противъ буржуа съ цѣлью поддержанія даннаго уровня заработной платы. Они доходятъ даже до образованія постоянныхъ ассоціацій, предвидя эту случайную борьбу. Мѣстами борьба эта переходитъ въ открытыя возстанія. Иногда рабочимъ удается одержать побѣду, но эта побѣда бываетъ эфемерна. Дѣйствительнымъ результатомъ ихъ борьбы является не столько непосредственный успѣхъ, сколько ростъ солидарности рабочихъ. Укрѣпленію чувства солидарности способствуетъ усовершенствованіе путей сообщенія, позволяющее рабочимъ различныхъ областей завязывать сношенія другъ съ другомъ. А одного простого соприкосновенія бываетъ уже достаточно для того, чтобы превратить борьбу рабочихъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, повсюду имѣющихъ одинъ и тотъ же видъ, въ національную борьбу, въ борьбу классовую. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая. Съ этого времени непосредственною цѣлью всѣхъ фракцій пролетаріата становится—организація пролетаріевъ въ классовую партію, лишеніе буржуазіи господства, пріобрѣтеніе пролетаріатомъ политической власти.

Послѣдній актъ будущаго соціальнаго переворота, крушенія капиталистическаго строя и наступленія соціалистическаго государства, Марксъ яркими красками рисуетъ въ *Капиталѣ*, какъ историческую тенденцію капиталистическаго накопленія.

Историческій генезисъ капитала означаетъ только экспро-

пріацію непосредственнаго производителя, разложеніе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ.

Частная собственность, какъ противоположность общественной, коллективной собственности, существуетъ только тамъ, гдѣ орудіе труда и внѣшнія условія труда принадлежатъ частнымъ лицамъ. Но сообразно тому, являются ли эти частныя лица рабочими или нерабочими, и частная собственность носитъ различный характеръ. Безконечно многообразные оттѣнки, которые она представляетъ на первый взглядъ, суть только отраженія переходныхъ состояній, лежащихъ между этими двумя крайностями.

Частная собственность рабочаго на средства его производства составляетъ основаніе мелкаго производства, мелкое же производство является необходимымъ условіемъ развитія общественнаго производства и свободной индивидуальности самого рабочаго. Правда, этотъ способъ производства существуетъ также и въ рамкахъ рабства, крѣпостного строя и другихъ отношеній зависимости. Но онъ процвѣтаетъ, развиваетъ всю свою энергію, пріобрѣтаетъ вполнѣ классическую форму только тамъ, гдѣ рабочій является свободнымъ частнымъ собственникомъ своихъ условій труда, которыя онъ самъ пускаетъ въ ходъ, крестьянинъ—собственникомъ земли, которую онъ обрабатываетъ, ремесленникъ—собственникомъ орудій, съ которыми онъ справляется, какъ виртуозъ съ инструментомъ.

Этотъ способъ производства предполагаетъ раздробленіе земли и другихъ средствъ производства. Онъ исключаетъ какъ концентрацію послѣднихъ, такъ и кооперацію, т. е. онъ не допускаетъ раздѣленія труда внутри одного и того же процесса производства, общественнаго господства надъ природой и управленія ея силами, свободнаго развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ совмѣстимъ только съ очень узкими, стихійными рамками производства и общества. Увѣковѣчить его значило бы „декретировать всеобщую посредственность“. На извѣстной ступени своего развитія онъ самъ порождаетъ матеріальныя средства своего уничтоженія. Съ этого момента внутри общества пробуждаются силы и страсти, которыя онъ сковываетъ. Онъ долженъ быть уничтоженъ, и онъ уничтожается. Его уничтоженіе, превращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ

производства въ концентрированныя и общественныя, т. е. мелкой собственности многихъ въ крупную собственность немногихъ, отнятіе средствъ существованія и орудій труда у народныхъ массъ, эта ужасная и трудная экспропріація народной массы составляетъ доисторическій періодъ въ жизни капитала. Она объемлетъ собою цѣлый рядъ насильственныхъ способовъ. Экспропріація непосредственныхъ производителей совершается съ самымъ безпощаднымъ вандализмомъ, подъ дѣйствіемъ самыхъ низкихъ побужденій, самыхъ грязныхъ, самыхъ мелочнозлобныхъ страстей. Частная собственность, добытая собственнымъ трудомъ и знаменующая собой, такъ сказать, срощеніе индивидуальнаго независимаго производителя съ условіями его труда, вытѣсняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатаціи чужого, но формально свободнаго труда.

Послѣ того, какъ этотъ процессъ преобразованія уже достаточно въ глубь и въ ширь разложилъ старое общество, и рабочіе оказались превращенными въ пролетаріевъ, а условія ихъ труда—въ капиталъ, послѣ того, какъ капиталистическій способъ производства сталъ уже на собственныя ноги,—дальнѣйшее обобществленіе (Vergesellschaftung, socialisation) труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ средства производства, общественно эксплуатируемыя, т. е. сообща примѣняемыя, иными словами, дальнѣйшая экспропріація частныхъ собственниковъ облекается въ новую форму. Теперь подлежитъ экспропріаціи уже не рабочій, ведущій самостоятельное хозяйство, но капиталистъ, эксплуатирующій многихъ рабочихъ.

Эта экспропріація совершается въ силу дѣйствія имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства, посредствомъ сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ постоянно побиваетъ многихъ другихъ. Рука объ руку съ этой централизаціей, или экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ развивается кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое приложеніе науки, планомѣрная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ быть прилагаемы только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства благодаря употребленію ихъ, какъ средствъ комбинированнаго, общественнаго труда; нако-

нецъ, совершается вовлеченіе всѣхъ народовъ въ сѣть мірового рынка и, такимъ образомъ, устанавливается международный характеръ капиталистическаго режима. Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплуатаціи, но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства. Монополія капитала превращается въ путы для дальнѣйшаго развитія того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея господствомъ. Централизація средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой точки, на которой они становятся несовмѣстимыми со своей капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріаторы экспропріируются.

Капиталистическій способъ присвоенія, вытекающій изъ капиталистическаго способа производства, и, стало быть, капиталистическая частная собственность есть первое отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ. Но капиталистическое производство создаетъ съ необходимостью естественнаго процесса свое собственное отрицаніе. Это — отрицаніе отрицанія. Оно возстановляетъ не частную собственность, но индивидуальную собственность на основѣ всѣхъ пріобрѣтеній капиталистической эры, т. е. кооперации свободныхъ работниковъ и владѣнія ими сообща средствами производства, въ томъ числѣ и землею.

Превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ производителей, въ капиталистическую есть, конечно, процессъ несравненно болѣе медленный, тяжелый и трудный, чѣмъ превращеніе капиталистической собственности, фактически основывающейся уже на общественной эксплуатаціи средствъ производства,—въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народомъ.

Критика фактическая. Экономическое ученіе Маркса можно разсматривать съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, со стороны фактической, во-вторыхъ, со стороны принципіальной. Въ первомъ отношеніи ставится вопросъ о томъ, соотвѣтствуютъ-ли экономическія теоріи Маркса фактамъ экономической жизни; во-второмъ отношеніи спрашивается, доказана ли экономическимъ ученіемъ Маркса неизбѣжность наступленія соціалистическаго строя. Для нашей спеціальной, философской, задачи важно лишь принципіальное разсмотрѣніе экономическаго ученія Маркса, но въ интересахъ общаго сужденія о соціалистической доктринѣ мы прежде остановимся на фактической критикѣ его экономическихъ теорій.

По критикѣ экономическихъ теорій Маркса существуетъ обширнѣйшая литература. Далѣе я изложу результаты критической литературы, сдѣлаю *извлеченія* изъ лучшихъ критическихъ трудовъ [1]).

---

[1]) Лучшія сочиненія по критикѣ экономическихъ теорій Маркса:

Бэмъ-Баверкъ *Zum Abschluss des Marx'schen Systems=Теорія Маркса и ея критика.*

Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorie=Капиталъ и прибыль. Исторія и критика теорій процента на капиталъ.

Э. Бернштейнъ *Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgabe der Socialdemokratie=Соціальныя проблемы=Историческій матеріализмъ.*

Zur Geschichte und Theorie des Socialismus=Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма.

Die heutige Socialdemocratie in Theorie und Praxis=Теорія и практика современной соціалдемократіи.

Bortkiewicz *Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System* (Brauns *Archiv*).

Булгаковъ *Капитализмъ и земледѣліе.* (Также статьи въ разныхъ журналахъ и сборникахъ: *О нѣкоторыхъ основныхъ понятіяхъ политической экономіи, Что такое трудовая цѣнность, Третій томъ Капитала К. Маркса*).

Вейзенгрюнъ *Das Ende des Marxismus.*

Венкштернъ *Marx.*

Гатти *Соціализмъ и сельское хозяйство.*

Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus.*

Давидъ *Socialismus und Landwirtschaft=Соціализмъ и сельское хозяйство.*

Диль *Ueber das Verhältniss von Wert und Preis im ökonomischen System von K. Marx.*

Зомбартъ *Zur Kritik des ökonomischen Systems von K. Marx* (Brauns *Archiv*)=*Къ критикѣ экономической системы Карла Маркса* (*Научное Обозрѣніе*).

Критика трудовой теоріи цѣнности. Марксъ держался трудовой теоріи цѣнности и, именно, абсолютной трудовой теоріи цѣнности. Въ построеніи этой теоріи онъ имѣлъ не мало предшественниковъ, но превзошелъ всѣхъ ихъ талантливымъ развитіемъ и изложеніемъ теоріи. Такое значеніе сохраняется за его экономическимъ ученіемъ до настоящаго времени: доселѣ оно остается наиболѣе совершеннымъ изложеніемъ трудовой теоріи цѣнности. Хотя со времени выхода перваго тома *Капитала* протекло почти пятьдесятъ лѣтъ, но по трудовой теоріи цѣнности за все это время не написано ничего значительнаго, что могло бы равняться съ трудомъ Маркса. Такое значеніе труда Маркса объясняется тѣмъ, что послѣ него трудовая теорія цѣнности, имѣющая многочисленныхъ сторонниковъ, оставлена лучшими представителями политической экономіи. На смѣну ей появилась теорія предѣльной полезности, обработанная австрійской школой [1]). Во всякомъ случаѣ критика теоріи Маркса оказывается приговоромъ надъ трудовой теоріей цѣнности.

Sozialismus und soziale Bewegung=Соціализмъ и соціальное движеніе.
Кроче *Materialismo storico ed economia marxista=Экономическій матеріализмъ и марксистская экономія.*
Коморжинскій *Der 3 Band von K. Marx „Das Kapital“.*
Масарикъ *Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus=Философскія и соціологическія основанія марксизма.*
Прокоповичъ *Къ критикѣ Маркса.*
Рикесъ *Wert und Tauschwert. Zur Kritik der Marxschen Wertlehre.*
Струве *Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung* (Brauns *Archiv*) и другія статьи въ разныхъ журналахъ, особ. въ ж. *Жизнь* (*Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи; Основная антиномія теоріи трудовой цѣнности*).
Слонимскій *Экономическая теорія К. Маркса.*
Туганъ-Барановскій *Теоретическія основы марксизма.*
Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи.
Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма.
Трофимовъ *Противъ Капитала Маркса.*
Франкъ *Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе.*
Харазовъ *Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik.*
Шоръ *Основныя проблемы теоріи политической экономіи.*
Altera pars сказала свое слово въ отвѣтѣ Каутскаго Бернштейну, въ книгѣ Плеханова *Критика нашихъ критиковъ*, Оленова *Такъ называемый „кризисъ марксизма“* и др.

[1]) Основателемъ австрійской школы политической экономіи считается Карлъ Менгеръ; его ученики—Визеръ, Бэмъ-Баверкъ, Заксъ, Фи-

Трудовая теорія цѣнности, которой держался Маркъ, должна быть признана несостоятельной.

липповичъ. Эта школа рѣшительно стала на защиту теоретической, или чистой, абстрактной политической экономіи (Менгеръ *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere=Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности*, Заксъ *Wesen und Aufgabe der Politischen Oekonomie*, Филипповичъ *Ueber Aufgabe und Methode der Politischen Oekonomie*). Она не отказывается отъ всѣхъ пріобрѣтеній исторической школы, но отвергаетъ ея односторонность: историческое объясненіе соціально-экономическихъ явленій есть лишь одно изъ возможныхъ объясненій. По утвержденію Менгера, явленія могутъ быть изслѣдуемы съ двоякой точки зрѣнія: *индивидуальной* (исторической, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова) и *родовой* (теоретической). Задача перваго направленія изслѣдованія состоитъ въ познаніи конкретныхъ явленій въ ихъ индивидуальной сущности и ихъ индивидуальной связи; задача второго—въ познаніи формъ явленій (типовъ) и типическихъ соотношеній (законовъ явленій). Историческое выясненіе конкретныхъ соціальныхъ явленій никоимъ образомъ не есть единственное, къ которому мы можемъ стремиться на пути научнаго изслѣдованія; на ряду съ нимъ должна стоять теоретическая наука. Какова бы ни была степень точности законовъ, присущихъ области соціальныхъ явленій, это не можетъ касаться характера національной экономіи, какъ науки *теоретической*. Какова бы ни была строгость типовъ и типическихъ соотношеній въ народномъ хозяйствѣ и вообще какова бы ни была ихъ природа,—сущность теоретической національной экономіи во всякомъ случаѣ можетъ состоять лишь въ изъясненіи именно этихъ типовъ и типическихъ соотношеній, или, другими словами, общей сущности и общей связи законовъ народно-хозяйственныхъ явленій, но отнюдь не сущности и связи индивидуальныхъ явленій народнаго хозяйства, т. е. не въ историческихъ выясненіяхъ, или практическихъ правилахъ для хозяйственной дѣятельности людей. Теоретическое изслѣдованіе, какъ вообще, такъ и въ области народнаго хозяйства въ частности, можетъ идти двумя путями: или реалистически-эмпирическимъ путемъ, который не можетъ привести къ установленію точныхъ, такъ называемыхъ „естественныхъ законовъ“, или же путемъ абстрактнаго изслѣдованія, точнаго направленія. На послѣднемъ пути человѣческія, или этическія, явленія приводятся къ ихъ первѣйшимъ и простѣйшимъ конститутивнымъ факторамъ, и наука, прилагая къ этимъ послѣднимъ соотвѣтствующую ихъ природѣ мѣру, стремится раскрыть законы, по которымъ образуются изъ этихъ простѣйшихъ элементовъ болѣе сложныя человѣческія явленія. Первѣйшими факторами человѣческаго хозяйства Менгеръ признаетъ—потребности, полезности, предоставленныя людямъ непосредственно природою, и стремленіе къ возможно полному удовлетворенію потребностей, или эгоизмъ. Конечно, этотъ эгоизмъ есть абстракція, ибо мотивы чело-

Маркъ, какъ мы видѣли, принимаетъ, что двумъ обмѣниваемымъ вещамъ присуще въ одинаковомъ количествѣ нѣч-

---

вѣческихъ поступковъ очень сложны, но несомнѣнно, что люди въ своихъ хозяйственныхъ стремленіяхъ руководятся, если и не исключительно, то преимущественно, своими личными интересами.

Главнѣйшимъ плодомъ этого метода политической экономіи и является прославившая австрійскую школу субъективная теорія цѣнности, теорія предѣльной полезности, изложенная у К. Менгера *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre=Основанія политической экономіи*, Визера *Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Werthes* и *Der natürliche Werth*, Бэмъ-Баверка *Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerthes=Основы теоріи цѣнности хозяйственныхъ благъ*, Закса *Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft*. Филипповича *Grundriss der politischen Oekonomie* I: *Allgemeine Volkswirtschaftslehre=Основанія политической экономіи*. (Независимо отъ австрійской школы теорія была развита Джевонсомъ *Theory of political economy=Политическая экономія*, Вальрасомъ и много ранѣе Госсеномъ). Въ послѣднее время сторонники теоріи многочисленны. Я изложу эту теорію по книгѣ Бэмъ-Баверка.

Пригодность вещей съ точки зрѣнія человѣческаго благополучія бываетъ или *полезностью*, когда данная вещь вообще способна служить для человѣческаго благополучія (напр. стаканъ воды, которую въ любомъ количествѣ можно почерпнуть изъ источника), или *цѣнностью*, когда данная вещь является не только причиною, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимымъ условіемъ человѣческаго благополучія (напр. единственный стаканъ воды въ рукахъ человѣка, путешествующаго по пустынѣ). Для образованія цѣнности необходимо, чтобы съ полезностью соединялась *рѣдкость*,—рѣдкость не абсолютная, а лишь относительная, т. е. по сравненію съ размѣрами существующей потребности въ вещахъ даннаго рода. Величина пользы, приносимой человѣку матеріальными благами, является вмѣстѣ съ тѣмъ и *мѣрою цѣнности* матеріальныхъ благъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, требуется только одно—безпристрастно и съ казуистическою строгостью изслѣдовать, какая выгода, въ смыслѣ человѣческаго благополучія, зависитъ при данныхъ условіяхъ отъ данной вещи. Съ точки зрѣнія нашего благополучія, выгода, которую представляетъ для насъ обладаніе матеріальными благами, заключается по большей части въ удовлетвореніи нашихъ потребностей Потребности наши чрезвычайно различны по своей важности. Степень ихъ важности мы измѣряемъ обыкновенно тягостью вредныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою для нашего благополучія ихъ неудовлетвореніе. Сообразно этому, наивысшую важность мы признаемъ за тѣми потребностями, неудовлетвореніе которыхъ ведетъ къ смерти, второе по важности мѣсто мы отводимъ тѣмъ потребностямъ, неудовлетвореніе которыхъ очень вредно отражается на нашемъ здоровьѣ, на нашей чести, на нашемъ счастьѣ; третье мѣсто занимаютъ тѣ потребности, неудовлетвореніе которыхъ причиняетъ намъ кратковременныя страданія, огорченія или лишенія;

то общее имъ обѣимъ, что оба предмета равны третьему, который самъ по себѣ не есть ни тотъ, ни другой. Чтобы

наконецъ, самое послѣднее мѣсто принадлежитъ тѣмъ потребностямъ, неудовлетвореніе которыхъ сопровождается для насъ лишь легкими непріятностями или лишаетъ насъ самыхъ незначительныхъ удовольствій. На основаніи этихъ признаковъ всѣ человѣческія потребности можно распредѣлить по разрядамъ соотвѣтственно ихъ важности. Однако, одно дѣло—скáла различныхъ видовъ потребностей, другое дѣло—скáла отдѣльныхъ конкретныхъ потребностей. При опредѣленіи цѣнности матеріальныхъ благъ должно брать за основу отнюдь не скáлу видовъ потребностей, а только скáлу конкретныхъ потребностей. Большинство нашихъ потребностей можетъ удовлетворяться по частямъ. Въ этомъ смыслѣ ихъ можно назвать потребностями дѣлимыми. Когда я голоденъ, то мнѣ не приходится непремѣнно выбирать одно изъ двухъ: или наѣсться досыта, или же оставаться совершенно голоднымъ,—нѣтъ, я могу и просто лишь смягчить голодъ, принявъ умѣренное количество пищи; быть можетъ впослѣдствіи я совсѣмъ утолю свой голодъ, съѣвъ вторую и третью порцію пищи, но, быть можетъ, я такъ и ограничусь первымъ частичнымъ утоленіемъ голода. Этимъ и объясняется возможность того, что въ предѣлахъ даннаго вида потребностей существуютъ конкретныя потребности (или части потребностей), имѣющія различное значеніе. Къ этому присоединяется еще одно, очень важное, обстоятельство. Одного и того же рода ощущеніе, повторяясь безпрерывно, съ извѣстнаго момента начинаетъ доставлять намъ все меньше и меньше удовольствія, и, наконецъ, удовольствіе это превращается даже въ свою противоположность—въ непріятность и отвращеніе. Слѣдовательно, конкретныя частичныя потребности, на которыя можно разложить наши ощущенія неудовлетворенности, и послѣдовательныя частичныя удовлетворенія, которыя можно получить при помощи одинаковыхъ количествъ матеріальныхъ благъ, обладаютъ въ большинствѣ случаевъ *неодинаковымъ и притомъ постепенно уменьшающимся до нуля значеніемъ*. Поэтому, во-первыхъ, въ предѣлахъ одного и того же вида потребностей могутъ встрѣчаться конкретныя потребности (или части потребностей) неодинаковой важности. Далѣе, въ наиболѣе важныхъ видахъ потребностей существуютъ болѣе низкія и самыя низкія ступени важности. Болѣе важный видъ потребностей отличается отъ менѣе важнаго собственно тѣмъ только, что у первыхъ, такъ сказать, вершина выдается больше вверхъ, тогда какъ основаніе у всѣхъ лежитъ на одинаковомъ уровнѣ. Наконецъ,—что конкретная потребность болѣе важнаго, въ общемъ, вида оказывается стоящею ниже отдѣльныхъ конкретныхъ потребностей менѣе важнаго, въ общемъ, вида, это не только возможность, но регулярное и органическое явленіе. Все это можно изобразить въ слѣдующей схемѣ (по книгѣ Менгера безъ осложняющихъ пропусковъ Бэмъ-Баверка):

открыть это общее, онъ разсматриваетъ послѣдовательно всѣ свойства товаровъ. Искомымъ общимъ не можетъ быть ка-

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	.	.	.	.	.	.	.	.	.
9	9	.	.	.	.	.	.	.	.
8	8	8	.	.	.	.	.	.	.
7	7	7	7	.	.	.	.	.	.
6	6	6	6	6	.	.	.	.	.
5	5	5	5	5	5	.	.	.	.
4	4	4	4	4	4	4	.	.	.
3	3	3	3	3	3	3	3	.	.
2	2	2	2	2	2	2	2	2	.
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Въ этой схемѣ римскія цифры отъ I до X обозначаютъ различные виды потребностей и ихъ значеніе въ нисходящемъ порядкѣ, начиная, напр., съ потребности въ пищѣ. Арабскими цифрами 10—1 обозначены принадлежащія къ различнымъ видамъ конкретныя потребности и ихъ значеніе. Изъ схемы видно, что чѣмъ важнѣе видъ потребностей, тѣмъ выше выдается самая важная конкретная потребность, принадлежащая къ нему, но въ самомъ важномъ видѣ потребностей встрѣчаются конкретныя потребности наименьшей важности 1, тогда какъ во всѣхъ другихъ видахъ, менѣе важныхъ, встрѣчаются отдѣльныя конкретныя потребности, важность которыхъ выражается болѣе высокими цифрами.

У насъ была рѣчь о сравнительной важности потребностей, но экономическая оцѣнка вещи зависитъ еще отъ другого вопроса: удовлетвореніе которой изъ нѣсколькихъ или многихъ потребностей дѣйствительно зависитъ отъ даннаго матеріальнаго блага? Вопросъ возникаетъ вслѣдствіе того, что, во-первыхъ, одна и та же вещь можетъ обыкновенно служить для удовлетворенія нѣсколькихъ различныхъ конкретныхъ потребностей, и притомъ потребностей неодинаковой важности; а во-вторыхъ, очень часто въ распоряженіи нашемъ бываетъ нѣсколько экземпляровъ одного и того же рода матеріальныхъ благъ, при чемъ зависитъ уже отъ нашего усмотрѣнія, какой именно экземпляръ употребить для удовлетворенія важной, какой—для удовлетворенія не важной потребности. Отправляясь на охоту, я имѣю два совершенно одинаковыхъ хлѣба. Одинъ изъ этихъ хлѣбовъ нуженъ для того, чтобы наѣсться мнѣ самому, а другой для того, чтобы накормить мою собаку. Ясно, что для меня гораздо важнѣе удовлетворить мою собственную потребность въ пищѣ, чѣмъ потребность моей собаки. Также ясно, что отъ моей воли зависитъ, который хлѣбъ съѣсть мнѣ самому, который отдать собакѣ. Итакъ спрашивается, удовлетвореніе какой изъ двухъ существующихъ потребностей зависитъ въ данномъ случаѣ отъ моего хлѣба? Всякій благоразумный хозяинъ позаботится прежде всего удовлетворить свои важнѣйшія потребности, потомъ потребности менѣе важныя, затѣмъ еще менѣе важныя и такъ далѣе. Тѣми же про-

кое-нибудь естественное свойство товаровъ, геометрическое, физическое, химическое, служащее основаніемъ потреби-

---

стыми правилами руководствуются люди и въ томъ случаѣ, когда наличный запасъ матеріальныхъ благъ сокращается благодаря уничтоженію одного экземпляра. Если охотникъ потеряетъ одинъ хлѣбъ, именно предназначенный для утоленія его собственнаго голода, то онъ не захочетъ обречь себя на голодную смерть, чтобы накормить вторымъ хлѣбомъ свою собаку: напротивъ, быстро измѣнивъ первоначальный планъ удовлетворенія потребностей, онъ замѣнитъ потерянный хлѣбъ оставшимся, чтобы наѣсться самому, и оставить безъ удовлетворенія менѣе важную для него потребность, т. е. заставить голодать собаку.

Итакъ, дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: на всѣхъ потребностяхъ, стоящихъ выше самой маловажной, самой „послѣдней", т. е. занимающей самую низшую ступень въ лѣстницѣ потребностей, которыя должны быть удовлетворены при помощи наличныхъ средствъ,— утрата вещи не отзывается совершенно, такъ какъ для ихъ удовлетворенія берется, взамѣнъ утраченнаго, экземпляръ, предназначавшійся первоначально для удовлетворенія этой „послѣдней" потребности. Точно также не затрагиваются утратою данной вещи и тѣ потребности, которыя стоятъ ниже „послѣдней", ибо онѣ все равно не получаютъ себѣ удовлетворенія даже и въ томъ случаѣ, когда вещь сохраняется въ цѣлости. Напротивъ, утрата вещи всецѣло и исключительно падаетъ на „послѣднюю" изъ потребностей, которыя предполагается удовлетворить; эта „послѣдняя" потребность еще удовлетворяется, когда соотвѣтствующая вещь имѣется налицо, и не получаетъ себѣ удовлетворенія, когда такой вещи не имѣется. Это и есть искомая потребность, удовлетвореніе которой зависитъ отъ наличности данной вещи.

Итакъ, величина цѣнности матеріальнаго блага опредѣляется важностью той конкретной потребности (или частичной потребности), которая занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду потребностей, удовлетворяемыхъ всѣмъ наличнымъ запасомъ матеріальныхъ благъ даннаго рода. Если эту наименьшую пользу, стоящую на самой границѣ возможнаго и допустимаго съ экономической точки зрѣнія, назвать хозяйственной *предѣльной пользой* (Grenznutzen), то законъ величины цѣнности матеріальныхъ благъ выразится въ слѣдующей формулѣ: *цѣнность вещи измѣряется величиною предѣльной пользы этой вещи.*

Таковъ центральный пунктъ теоріи предѣльной пользы, которая, по выраженію Туганъ-Барановскаго, имѣетъ всѣ шансы стать общепринятой въ наукѣ. Впрочемъ, и въ этой теоріи критиками указывается не мало недочетовъ, и извѣстно уже много опытовъ объединенія (теоріи компромисса) трудовой теоріи цѣнности и теоріи предѣльной пользы.

Я назову еще нѣкоторые труды по вопросу объ экономической цѣнности, въ дополненіе къ названнымъ выше—въ этомъ подстрочномъ

тельной цѣнности ихъ, такъ какъ при обмѣнѣ каждая потребительная цѣнность имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ и любая другая, если только она имѣется въ надлежащей пропорціи. Если же оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, то у нихъ, по мысли Маркса, сохраняется только одно свойство, то, что они—продуктъ труда.

Но въ методѣ Маркса заключаются грубыя погрѣшности, остроумно вскрытыя Бэмъ-Баверкомъ. Просѣивая всякія свойства товара, такъ что въ результатѣ остается одно ихъ свойство, онъ съ самаго начала кладетъ въ сито изъ имѣющихъ мѣновую цѣнность лишь вещи, обладающія тѣмъ свойствомъ, которое онъ въ концѣ концовъ желаетъ видѣть „общимъ“, а всѣ другія оставляетъ внѣ сита. Онъ поступаетъ подобно человѣку, который сильно желаетъ, чтобы изъ урны вынелъ бѣлый шаръ, и предусмотрительно содѣйствуетъ этому результату тѣмъ, что кладетъ въ урну только бѣлые шары. Въ самомъ дѣлѣ, онъ съ самаго начала ограничиваетъ объемъ своего изслѣдованія субстанціи мѣновой цѣнности „товарами“, при чемъ онъ не даетъ точнаго опредѣленія этого термина. Во всякомъ случаѣ, онъ понимаетъ его уже, чѣмъ „благо“, и сводитъ его къ продуктамъ труда, въ противоположность дарамъ природы. А вѣдь ясно, какъ на ладони, что, разъ обмѣнъ дѣйствительно обозначаетъ уравненіе, которымъ предполагается существованіе „общаго одинаковой величины“, то необходимо, чтобы это общее могло быть отыскиваемо и находимо во всѣхъ видахъ благъ, которыя поступаютъ въ обмѣнъ, не только въ продуктахъ труда, но и въ дарахъ природы, какъ напр. въ землѣ, деревѣ, си-

---

экскурсѣ, а также въ предшествующемъ сноскѣ: Зиберъ *Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ*, Мануйловъ *Понятіе о цѣнности по ученію экономистовъ классической школы*, Орженцкій *Ученіе объ экономическомъ явленіи. Введеніе въ теорію цѣнности* и др., Богровъ *Критико-историческій очеркъ теоріи цѣнности*, Gerlach *Ueber die Bedingungen der wirtschaftlichen Thätigkeit. Erörterungen zur Wertlehre*, Wicksell *Ueber Wert, Kapital und Rente*, L. v. Buch *Intensität der Arbeit, Wert und Preis der Ware*, Neumann въ Schönberg's *Handbuch der Politischen Oekonomie* I, также *Grundlagen der Volkswirthschaftslehre*, Kaulla *Die geschichtliche Entwicklung der modernen Werttheorien*, Rost *Die Wert—und Preistheorie mit Berücksichtigung ihrer dogmengeschichtlichen Entwicklung*.

лахъ воды, пластахъ каменнаго угля, каменоломняхъ, залежахъ нефти, минеральныхъ водахъ, золотыхъ рудникахъ и т. п. То обстоятельство, что блага, имѣющія цѣнность, но не являющіяся продуктомъ труда, при отысканіи общаго свойства, служащаго основой мѣновой цѣнности, исключаются, является, при такихъ условіяхъ, методическимъ смертельнымъ грѣхомъ. Это ничѣмъ не отличается отъ того, какъ если бы физикъ, желая отыскать причину общаго всѣмъ тѣламъ свойства, напр., тяжести, на основаніи процѣживанія сквозь сито одной группы тѣлъ, напр., тѣлъ прозрачныхъ, производилъ генеральный смотръ всѣмъ свойствамъ прозрачныхъ тѣлъ, а о всѣхъ другихъ свойствахъ утверждалъ, что они не могутъ быть причиной тяжести, и, на основаніи этого дѣлалъ заключеніе, что прозрачность должна быть причиной тяжести. Если бы Марксъ не ограничилъ области своего изслѣдованія продуктами труда, а искалъ общее свойство и въ имѣющихъ мѣновую цѣнность дарахъ природы, то было бы очевиднымъ, что трудъ не можетъ быть этимъ общимъ свойствомъ. Если бы онъ высказалъ это ограниченіе ясно и отчетливо, то онъ самъ и его читатели наткнулись бы несомнѣнно на грубую методическую ошибку,—они посмѣялись бы надъ наивной уловкой, благодаря которой свойство быть продуктомъ труда благополучно оказалось общимъ свойствомъ круга вещей, послѣ того какъ изъ него были предварительно исключены всѣ по своей природѣ сюда же относящіяся вещи, имѣющія мѣновую цѣнность, но не являющіяся продуктами труда. Правда ли, что у товаровъ, за исключеніемъ потребительной цѣнности, останется лишь то свойство, что они—продуктъ труда? Неужели только это *одно* свойство? Не останется ли у благъ, имѣющихъ мѣновую цѣнность, напр., еще то общее свойство, что они рѣдки по отношенію къ потребности? Или то, что они являются предметами спроса и предложенія? Или то, что они аппропріированы? Или то, что они „продукты природы“? Не обще-ли мѣновымъ цѣнностямъ и то свойство, что они причиняютъ издержки своимъ производителямъ—свойство, о которомъ Марксъ такъ ясно вспоминаетъ въ своемъ третьемъ томѣ? Почему же основаніе цѣнности не можетъ такъ же хорошо заключаться въ какомъ-нибудь изъ этихъ общихъ свойствъ, вмѣсто свойства—быть продуктомъ труда? Вѣдь

въ пользу послѣдняго Марксъ ни разу не далъ намъ даже намека на положительное основаніе; его единственное основаніе носитъ отрицательный характеръ, что счастливо отвлеченная потребительная цѣнность не есть основаніе мѣновой цѣнности. Но развѣ не годится это отрицательное основаніе въ той же самой мѣрѣ и для всѣхъ другихъ не замѣченныхъ Марксомъ общихъ свойствъ? Да, и даже болѣе!

Марксъ исключаетъ потребительную цѣнность, какъ основаніе мѣновой цѣнности, на томъ основаніи, что при обмѣнѣ каждая потребительная цѣнность имѣетъ совершенно такое же значеніе, какъ и любая другая,—товары, какъ потребительныя цѣнности, прежде всего различны по качеству, а какъ мѣновыя цѣнности они могутъ быть различны только по количеству, не содержатъ, стало быть, ни атома потребительной цѣнности. Въ то же время Марксъ и въ отношеніи къ труду дѣлаетъ различіе между его качествомъ, соотвѣтствующимъ разнымъ родамъ труда, и его количествомъ,— для него всѣ товары, какъ цѣнности, суть только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени. Но отсюда слѣдуетъ, что въ мѣновомъ отношеніи не только одна потребительная цѣнность имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякая другая, но и одинъ родъ труда и продуктовъ труда „имѣетъ какъ разъ такое же значеніе, какъ и всякій другой, если они имѣются только въ надлежащей пропорціи". Другими словами, тѣ же условія, на основаніи которыхъ Марксъ только-что исключилъ потребительную цѣнность, существуютъ и по отношенію къ труду. Трудъ и потребительная цѣнность имѣютъ качественную и количественную стороны. Поскольку качественно различна потребительная цѣнность, какъ, напр., столъ, домъ, пряжа, постольку качественно различенъ также трудъ столяра, плотника и прядильщика. И поскольку можно сравнивать трудъ различнаго рода по количеству, постольку можно также сравнивать потребительныя цѣнности различнаго рода по величинѣ потребительной цѣнности. Если бы Марксъ измѣнилъ порядокъ изслѣдованія, то онъ могъ бы при посредствѣ того же умозаключительнаго аппарата, съ помощью котораго онъ устранилъ потребительную цѣнность, устранить трудъ и тѣмъ же путемъ, на которомъ онъ увѣнчалъ премiей трудъ, превознести потребительную цѣнность, какъ единственно

оставшееся, а слѣдовательно, искомое общее свойство, цѣнность же объявить застывшей потребительной цѣнностью (Gebrauchs-Werth-Gallerte). Можно совершенно серьезно утверждать, что въ обоихъ абзацахъ *Капитала*, гдѣ (въ первомъ) отвлекается вліяніе потребительной цѣнности и (во второмъ) доказывается, что трудъ является искомымъ общимъ свойствомъ, подлежащія могутъ быть переставлены безъ всякаго ущерба для внѣшней логической правильности разсужденія. Измѣнивъ строй предложеній, можно вполнѣ подставить всюду въ первомъ абзацѣ вмѣсто потребительной цѣнности — трудъ и произведенія труда, а во второмъ вмѣсто труда—потребительную цѣнность [1]).

Такіе же логическіе промахи Марксъ допускаетъ и въ вопросѣ о сложномъ трудѣ, который онъ приводитъ къ простому труду, оправдываясь при этомъ *наблюденіемъ*. Допу-

[1]) Бэмъ-Баверкъ отказывается допустить мысль, что такіе діалектическіе фокусы для самого Маркса являлись основаніемъ и источникомъ его убѣжденія: такой крупный мыслитель, какъ Марксъ, не избралъ бы столь извилистаго и неестественнаго пути, если бы онъ дѣйствительно заботился главнѣе всего о выработкѣ собственнаго убѣжденія и о свободномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи дѣйствительнаго положенія вещей. По мнѣнію Бэмъ-Баверка, убѣжденность Маркса покоилась не на тѣхъ основахъ, которыя онъ выставилъ въ своей системѣ. Тутъ, прежде всего, оказалъ свое дѣйствіе престижъ такихъ авторитетовъ, какъ Смитъ и Рикардо. Хотя они не обосновывали, а выставляли свою идиллію трудовой цѣнности, какъ естественное состояніе, Марксъ выступилъ въ качествѣ наслѣдника ихъ воззрѣній. Будучи ярымъ соціалистомъ, онъ охотно послѣдовалъ ихъ авторитету. Можно ли удивляться, что къ мысли, подтверждающей въ такой мѣрѣ его экономическое міровоззрѣніе, онъ не отнесся съ бо́льшимъ скептицизмомъ, чѣмъ Рикардо, которому однако же приходилось идти въ разрѣзъ съ ней? Можно ли удивляться, что, пользуясь тѣмъ же матеріаломъ, который заставилъ классиковъ высказать полу-смутныя, полупротиворѣчивыя, отнюдь не обоснованныя сужденія, Марксъ лично увѣровалъ въ ихъ достовѣрность, твердо, безусловно, съ пылкой убѣжденностью? Самъ онъ не нуждался въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, для его системы было необходимо только формальное обоснованіе. И онъ обратился къ логико-діалектическому умозрѣнію, чтобы доказать то, чего онъ желалъ. Такимъ образомъ и могло случиться, что такой могучій умъ, какимъ былъ Марксъ, или не замѣчая чудовищныхъ логическихъ несообразностей, или оправдывая ихъ, какъ средство для обоснованія того, въ чемъ былъ убѣжденъ, далъ образчикъ столь тяжеловѣсной, столь постоянно и столь очевидно фальшивой логики.

стимъ пока, что это вѣрно, и присмотримся внимательно, какимъ образомъ и какими факторами должна быть устанавливаема единица мѣры для этого, соотвѣтствующаго наблюденію, приведенія, на которое ссылается Марксъ. Тутъ мы наталкиваемся на явленіе, весьма естественное, но въ то же время весьма неблагопріятное для теоріи Маркса, а именно, что единица мѣры для приведенія устанавливается не чѣмъ инымъ, какъ фактическими мѣновыми отношеніями. Аргументація Маркса представляетъ собою circulus vitiosus. Требуется вѣдь объяснить мѣновыя отношенія различныхъ товаровъ: почему, напр., статуэтка, на выдѣлку которой скульпторъ употребилъ одинъ день своего труда, обмѣнивается на возъ щебня, который стоилъ пять дней работы камнедробильщиковъ, а не на большее или меньшее количество щебня? Какъ же объясняетъ это Марксъ? Онъ говоритъ, что мѣновое отношеніе таково, а не иное, потому, что одинъ день труда скульптора долженъ быть приведенъ къ пяти днямъ простого труда. А почему его слѣдуетъ приводить именно къ пяти днямъ? Потому что-де такое именно приведеніе совершается, какъ указываетъ наблюденіе, общественнымъ процессомъ. А какой же это общественный процессъ? Тотъ именно, который требуется объяснить.

Факты говорятъ, что мѣновая цѣнность находится въ зависимости отъ количества труда, котораго стоило ихъ производство, только у одной части благъ и притомъ не непосредственно. Мнимому „закону“, что цѣнность благъ опредѣляется количествомъ овеществленнаго въ нихъ труда, значительная часть благъ *совершенно не* подчиняется, остальныя же подчиняются *не всегда*, а если и подчиняются, то *никогда въ точности*—это данныя опыта, съ которыми приходится считаться теоретику цѣнности. Безъ сомнѣнія, затрата труда является обстоятельствомъ, оказывающимъ сильное вліяніе на мѣновую цѣнность многихъ благъ, но не въ качествѣ окончательной причины, ибо она въ такомъ случаѣ должна была бы быть общей для всѣхъ явленій цѣнности, а въ качествѣ частичной, промежуточной. Вліяніе труда на цѣнность благъ можетъ выразиться лишь въ *частичныхъ* законахъ цѣнности. Законы, формулирующіе вліяніе труда на мѣновую цѣнность благъ, будутъ относиться къ общему закону цѣнности приблизительно такъ же, какъ

законъ: „западный вѣтеръ приноситъ дождь“ относится къ общей теоріи дождя. Западный вѣтеръ является весьма распространенной промежуточной причиной дождя совершенно такъ же, какъ и затрата труда является весьма распространенной промежуточной причиной цѣнности благъ; но сущность дождя такъ же мало покоится на западномъ вѣтрѣ, какъ сущность цѣнности на затраченномъ трудѣ [1]).

Самымъ важнымъ свидѣтельствомъ недостатковъ въ ученіи Маркса о цѣнности служитъ непреодолимое затрудненіе рѣшить съ точки зрѣнія трудовой цѣнности вопросъ о конкретныхъ, рыночныхъ цѣнахъ, что̀ послужило причиной рѣзкаго противорѣчія между первымъ и третьимъ томами *Капитала*. Въ самомъ дѣлѣ, Марксъ различаетъ въ капиталѣ, который служитъ капиталисту для присвоенія прибавочной цѣнности, двѣ составныхъ части: одна часть предназначена для оплаты труда — „перемѣнный капиталъ“, другая расходуется на вещественныя средства производства,

[1]) Цѣнность, безъ сомнѣнія, находится въ зависимости отъ труда, только эта зависимость—не точная количественная зависимость. Если бы мы могли произвести точное количественное наблюденіе надъ тѣми разнообразными дѣйствіями людей, которыми созданы опредѣленныя блага, и затѣмъ сопоставить полученныя величины труда, соотвѣтствующаго благамъ, съ величинами цѣнности благъ, между тѣми и другими величинами обнаружилось бы несоотвѣтствіе. Это несоотвѣтствіе между цѣнностью и трудомъ выражается настолько крупной величиной, что ею нельзя пренебречь при хозяйственныхъ расчетахъ. Отсутствіе соотвѣтствія между трудомъ и цѣнностью благъ не даетъ возможности опредѣлить, насколько въ производствѣ даннаго блага участвовалъ активный факторъ, человѣческая сила, и насколько остальные. Данное лицо или группа, доставляющія обществу опредѣленное количество продукта, могли получить эти продукты частью вслѣдствіе умѣлаго пользованія пассивными факторами производства, межъ тѣмъ какъ другія лица или группы при тѣхъ же средствахъ и томъ же количествѣ труда получили бы менѣе значительное количество продукта, чѣмъ данныя. Точно такимъ же образомъ нѣсколько индивидуумовъ или мелкихъ группъ могутъ производить нѣкоторый избытокъ, соединяя свои силы для общей цѣли. Этого избытка не оказалось бы, если бы данные хозяйствующіе субъекты дѣйствовали въ одиночку. И въ томъ и въ другомъ случаѣ отношеніе между индивидуумами и группами, съ одной стороны, и обществомъ, съ другой, можетъ принимать самыя разнообразныя формы въ зависимости отъ положенія, которое займутъ отдѣльныя части по отношенію къ совокупности частей—обществу (Шоръ).

сырой матеріалъ, орудія, машины и т. п.—„постоянный капиталъ“. Такъ какъ только живой трудъ можетъ въ дѣйствительности создать новую прибавочную цѣнность, то только превращенная въ рабочую силу часть капитала можетъ измѣнять, увеличивать въ процессѣ производства свою цѣнность, почему Марксъ и назвалъ ее „перемѣннымъ“ капиталомъ. Только она воспроизводитъ свою собственную цѣнность и сверхъ того создаетъ еще нѣкоторый излишекъ, прибавочную цѣнность. Цѣнность же сношенныхъ средствъ производства просто сохраняется, возстановляясь въ измѣненномъ видѣ, но неизмѣнной величинѣ—откуда и названіе „постоянный капиталъ“—въ цѣнности продукта; она не въ состояніи „создать прибавочную цѣнность“. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, и Марксъ не упустилъ возможности подчеркнуть это, что масса прибавочной цѣнности, которая можетъ быть произведена какимъ-либо капиталомъ, находится въ прямомъ отношеніи *не ко всей величинѣ* капитала, а только къ *перемѣнной* его *части*. Изъ этого слѣдуетъ дальше, что капиталы одинаковой величины должны производить неодинаковое количество прибавочной цѣнности, если въ нихъ сочетаніе постоянныхъ и перемѣнныхъ составныхъ частей—Марксъ называетъ это ихъ „органическимъ строеніемъ“—различно. Если мы затѣмъ вмѣстѣ съ Марксомъ назовемъ отношеніе прибавочной цѣнности къ перемѣнной части капитала, обращенной на заработныя платы, „нормой прибавочной цѣнности“, а ея отношеніе ко всему затраченному капиталистомъ капиталу, сообразно съ которымъ онъ на практикѣ обыкновенно вычисляетъ присвояемую прибавочную цѣнность, „нормой прибыли“, то окажется, что, при равной степени эксплуатаціи, или равной нормѣ прибавочной цѣнности, капиталы неодинаковаго органическаго строенія должны приносить неодинаковыя нормы прибыли. Капиталы, въ составѣ которыхъ преобладаетъ перемѣнная часть, должны приносить болѣе высокія нормы прибыли, чѣмъ тѣ капиталы, въ составѣ которыхъ преобладаетъ постоянная часть. Опытъ, однако, показываетъ, что, по закону уравненія прибыли, капиталы, независимо отъ различія ихъ строенія, приносятъ вообще одинаковыя нормы прибыли. Такимъ образомъ, обнаруживается явное противорѣчіе того, что есть, съ тѣмъ, что, по ученію Маркса, должно было бы быть. На

существованіе этого противорѣчія обратилъ вниманіе уже самъ Марксъ. Онъ упомянулъ о немъ лаконически уже въ первомъ томѣ, но назвалъ его только „кажущимся“ и за разрѣшеніемъ его отослалъ къ послѣдующимъ частямъ своей системы. Позднѣе появившійся третій томъ *Капитала* и пытается рѣшить эту проблему. Въ дѣйствительности онъ содержитъ подробное выясненіе проблемы, но не разрѣшеніе таковой, а подтвержденіе непримиримаго противорѣчія и молчаливое, не признанное, пріукрашенное, но въ сущности все-же отреченіе отъ ученія перваго тома.

Марксъ развиваетъ теперь слѣдующее ученіе. Онъ категорически признаетъ, что въ дѣйствительности, вслѣдствіе дѣйствія конкурренціи, нормы прибыли капиталовъ, каково бы ни было ихъ органическое строеніе, приравниваются и должны быть приравниваемы одной средней нормѣ прибыли. Далѣе, онъ категорически признаетъ, что разныя нормы прибыли при неравномъ органическомъ строеніи капиталовъ возможны только тогда, если отдѣльные товары обмѣниваются другъ на друга не пропорціонально опредѣляемой трудомъ цѣнности, а нѣсколько иначе: товары, въ производствѣ которыхъ принималъ участіе капиталъ съ большей въ процентномъ отношеніи постоянной частью (капиталы „высшаго строенія“), обмѣниваются выше своей цѣнности, а товары, въ производствѣ которыхъ принималъ участіе капиталъ съ меньшей въ процентномъ отношеніи постоянной частью, а большей перемѣнной (капиталы „низшаго строенія“), обмѣниваются ниже своей цѣнности. Наконецъ, Марксъ категорически признаетъ, что образованіе цѣнъ въ практической жизни дѣйствительно происходитъ такимъ образомъ. Въ дѣйствительной жизни товары не обмѣниваются уже пропорціонально ихъ цѣнностямъ, а обмѣниваются пропорціонально цѣнѣ производства, т. е. цѣнѣ товара, которая, сверхъ возмѣщенія уплаченныхъ заработныхъ платъ и сношенныхъ средствъ производства, содержитъ также и среднюю прибыль на затраченный въ производствѣ капиталъ... Эти допущенія и утвержденія третьяго тома находятся въ вопіющемъ противорѣчіи съ основными ученіями перваго тома. Въ первомъ томѣ читателямъ сказано, что два въ обмѣнѣ приравненные другъ другу товара должны содержать въ себѣ нѣчто общее одинаковой величины, и что этимъ

общимъ одинаковой величины является трудъ. Изъ третьяго тома мы узнаемъ, что два въ обмѣнѣ приравненные другъ другу товара въ дѣйствительности постоянно содержатъ и по необходимости должны содержать неодинаковое количество труда... Никогда еще—заканчиваетъ Бэмъ-Баверкъ—начало какой-либо системы не было рѣшительнѣе и рѣзче изобличено во лжи ея концомъ.

Изъ сказаннаго безспорно слѣдуетъ, что трудовое обоснованіе цѣнности не можетъ быть признано объясненіемъ того, что есть въ дѣйствительности. Что же оно изъ себя представляетъ, если не называть его чистымъ заблужденіемъ? Оно не есть объясненіе настоящаго, но оно есть идея должнаго, осуществленія котораго нужно ожидать лишь въ будущемъ,—оно не есть плодъ наблюдающаго ума, но оно есть голосъ сердца, жаждущаго правды. Такимъ образомъ въ самой сердцевинѣ марксизма, претендующаго на званіе чистой научной теоріи, пріютилось нравственное чувство,—и какъ бы это чувство ни было почтенно, какъ бы оно ни было умѣстно въ вопросахъ этого рода, марксизму его наличность не служитъ на пользу: экономическая теорія Маркса разрывается отъ внутренняго противорѣчія.

Что трудовая теорія цѣнности возникаетъ изъ нравственнаго источника, это открыто признавали другіе теоретики трудовой цѣнности. Таково было ученіе Ѳомы Аквинскаго о justum pretium, т. е. о цѣнѣ, соотвѣтствующей требованіямъ справедливости. Справедливымъ Ѳома Аквинскій называлъ такой обмѣнъ продуктовъ, который соотвѣтствовалъ бы величинѣ труда, затраченнаго на ихъ производство. Эта теорія была христіанскимъ соціальнымъ идеаломъ, нравственнымъ требованіемъ христіанства, обращеннымъ къ общественной жизни. Затѣмъ Прудонъ въ *Système des contradictions économiques* разрѣшаетъ задачу конституированія цѣнности, т. е. установленія такой цѣнности, при которой не имѣла бы мѣста эксплуатація труда господствующими классами; трудовая цѣнность и является въ его системѣ путемъ къ осуществленію этого идеальнаго строя, „конституированной цѣнностью“. Марксъ, оспаривая Прудона въ этомъ, какъ и въ другихъ пунктахъ его системы, и называя трудовую теорію цѣнности не теоріей „новаго соціальнаго міра“, не „революціонной теоріей эмансипаціи пролетаріата“, какъ это дѣлалъ

Прудонъ, а научнымъ истолкованіемъ современной экономической жизни, формулой современнаго угнетенія рабочаго, подписываетъ смертный приговоръ надъ своей экономической системой. Даже Родбертусъ, которому, наравнѣ съ Марксомъ, приписываютъ абсолютную трудовую теорію цѣнности, не забываетъ, въ ущербъ послѣдовательности своей системы, объ этическомъ характерѣ этой теоріи. Вотъ что онъ пишетъ во второмъ письмѣ къ Кирхману: „хотя рыночная цѣнность въ предоставленномъ самому себѣ оборотѣ и находится подъ измѣнчивымъ вліяніемъ всеобщаго спроса и предложенія, все-же она *тяготѣетъ* къ затраченной на созданіе продукта производительной силѣ, къ издержкамъ производительной силы; она неизмѣнно стремится обезпечить справедливое вознагражденіе. Ибо эгоизмъ при наличности конкурренціи поведетъ къ тому, что никто не будетъ долго получать за меньшее количество затраченной производительной силы большее ея количество въ обмѣненномъ продуктѣ, такъ какъ каждый сталъ бы стремиться къ такому выгодному производству, пока опять не возстановилось бы равновѣсіе и пока въ обмѣниваемыхъ продуктахъ опять не стали бы обмѣниваться равныя затраты производительной силы, равныя издержки, равный трудъ. Однако движеніе дѣйствительнаго рынка, подобно движенію маятника, всегда будетъ отклоняться въ обѣ стороны отъ этой точки покоя, хотя школа Рикардо, которая болѣе всего пошла по стопамъ Адама Смита, приняла это простое стремленіе уже за достиженіе и обосновала всѣ свои дальнѣйшія дедукціи на такомъ предположеніи, котораго въ дѣйствительности *не* существуетъ. То, что Рикардо предполагаетъ осуществившимся еще только *должно* имѣть мѣсто и составляетъ одну изъ величайшихъ и важнѣйшихъ въ практическомъ отношеніи національно-экономическихъ *идей*. Въ естественномъ государственномъ правѣ соціальный договоръ разсматривался первоначально, какъ историческій фактъ, лежащій позади, пока болѣе правильное пониманіе не признало въ немъ только *идею*, согласно которой должны регулироваться индивидуальныя права и обязанности, т. е. нѣчто, реализуемое по своему существу въ будущемъ; подобно этому совпаденіе мѣновой цѣнности продуктовъ съ количествами труда, которыхъ они стоили, не есть фактъ, но одна изъ грандіознѣйшихъ эко-

номическихъ идей, которыя когда-либо стремились осуществить“ [1]).

Итакъ, идея трудовой цѣнности есть идея должнаго, проникшая въ экономическую теорію Маркса помимо его сознанія [2]). И, разумѣется, нѣтъ основаній суживать эту идею

[1]) Ср. *Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände* гл. IV. Изъ позднѣйшихъ авторовъ см. Штаммлера *Die Lehre von dem richtigen Rechte* и *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung= Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи.*

[2]) Однако, критикуя Аристотеля, Марксъ пишетъ: „что въ формѣ цѣнности товаровъ всякіе виды труда выражаются, какъ одинаковый и потому равноцѣнный человѣческій трудъ, этого Аристотель не могъ усмотрѣть изъ самой формы цѣнности такъ какъ греческое общество покоилось на рабскомъ трудѣ, а потому естественнымъ основаніемъ его было неравенство людей и ихъ рабочей силы. Тайна выраженія цѣнности, равенство и равноцѣнность всѣхъ видовъ труда, потому что и поскольку они всѣ представляютъ человѣческій трудъ вообще,— эта тайна могла быть разгадана лишь тогда, когда идея человѣческаго равенства получила уже прочность народнаго предразсудка“. Ср также указаніе на историческій и моральный элементы въ опредѣленіи цѣнности рабочей силы.

На нравственный характеръ трудовой теоріи цѣнности указываютъ многіе критики марксизма. Такъ Венкштернъ *Marx:* Wenn Marx den *sittlichen* Begriff der *Gleichheit und gleichen Gültigkeit* aller Arbeit, seiner materialistischen Auffassung gemäss, aus den Verhältnissen der Wirtschaft hervorgehen lässt, so bildet doch dieser sittliche Begriff die Grundlage seiner ganzen Theorie. Auf ihm, der Gleichheit und gleichen Gültigkeit aller Arbeit, ist der Wert und Mehrwert, die Accumulation, die industrielle Reservearmee und der schliessliche Zusammenbruch des Kapitalismus aufgebaut. Die rein ökonomischen Entwicklungen, welche mit dem Wert beginnen, sind dennoch alle *dieses* einen sittlichen Elements—der *Gründung auf die Idee der Gleichheit*—teilhaftig und dadurch zugleich zu sittlichen Begriffen gestempelt. — Бен. Кроче: „Развѣ интересъ, побуждающій насъ конструировать понятіе *прибавочной цѣнности,* не есть въ значительной степени интересъ моральный или, скажемъ, соціальный? Развѣ можно говорить въ чистой экономикѣ о прибавочной цѣнности? Развѣ пролетарій не продаетъ свою рабочую силу за то, что она стоитъ при существующемъ положеніи его въ современномъ обществѣ?“— Ш. Жидъ въ *Основахъ политической экономіи:* „Мы не должны колебаться въ выборѣ между двумя объясненіями цѣнности (теоріей предѣльной пользы и трудовой теоріей). Первое есть выраженіе *того, что есть:* въ дѣйствительности цѣнность вещей пропорціональна желаніямъ людей. Второе объясненіе есть только выраженіе *того, что должно бы быть:* было бы желательно, чтобы цѣнность вещей была пропорціональна труду людей“. П. Струве *О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ моти-*

отношеніями труда; напротивъ, нравственное чувство вскрываетъ эксплуатацію во всѣхъ областяхъ соціально-экономиче-

вахъ въ развитіи экономическаго мышленія. Реализмъ и номинализмъ въ политической экономіи въ *Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института* т. X в. 1 приписываетъ Марксу универсализмъ, или соціологическій реализмъ. „Отъ нормативнаго этическаго пониманія цѣнности вовсе не такъ далеко, какъ это можетъ казаться, до пониманія цѣнности, какъ внутренней „основы" или „закона" цѣны. И на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что bonitas intrinseca, valor, pretium naturale канонистовъ превращается въ intrinsic или natural value, или natural price, т. е. въ объективную цѣнность позднѣйшихъ экономистовъ. „Законъ цѣнности" становится idée fixe политической экономіи. И реалистическій мотивъ мышленія выступаетъ въ этой области всего ярче у того писателя, у котораго онъ сочетается съ наибольшей широтой общей философской концепціи экономической науки, у Маркса... Трудовая цѣнность превращается не только въ законъ, но и въ „субстанцію цѣны"... Не въ діалектикѣ, которую Марксъ усвоилъ себѣ чисто внѣшнимъ образомъ и которая представлялась ему и до сихъ поръ представляется его вѣрнымъ послѣдователямъ какой-то логикой эволюціоннаго принципа, связующее звено между матеріалистомъ Марксомъ и идеалистомъ Гегелемъ, а именно въ той власти, которую надъ умами обоихъ этихъ мыслителей имѣлъ реалистическій мотивъ".

Визеръ въ *Der natürliche Werth*, также отмѣчая нравственныя цѣли усвоенной Марксомъ трудовой теоріи цѣнности (эти цѣли Визеръ, какъ и вся австрійская школа, не включаетъ въ содержаніе политической экономіи), разсматриваетъ эту теорію, какъ соціалистическую программу оцѣнки благъ въ будущемъ обществѣ, и указываетъ на ея полную непригодность: Nicht einen Tag würde der zukünftige Wirthschaftsstaat mit jener Werthconstruction verwaltet werden können, ja bei den ersten vorbereitenden Anstalten seiner Einrichtung müsste deren gänzliche Unbrauchbarkeit erkannt werden. Но Визеръ забываетъ, что Марксъ умѣетъ отличать die persönliche Ordnung (Визеръ: Die moralische Zurechnung—признаніе *заслуги* единственно за рабочими—mag für die persönliche Ordnung des Einkommens bedeutungsvoll sein, für die sachliche Auftheilung des Ertrages ist sie belanglos) отъ общественныхъ интересовъ хозяйства. Дѣло въ томъ, что Марксъ и для будущаго считаетъ необходимымъ прибавочный трудъ, хотя онъ не будетъ уже имѣть антагонистической формы. Свою мысль Марксъ ясно высказываетъ въ III томѣ *Капитала*. „Прибавочный трудъ вообще, какъ трудъ, превышающій количество данныхъ потребностей, долженъ быть всегда. Но въ капиталистическомъ или рабовладѣльческомъ и т. п. хозяйствахъ онъ имѣетъ антагонистическую форму и дополняется бездѣятельностью, праздностью нѣкоторой части общества. Опредѣленное количество прибавочнаго труда требуется въ видѣ страхованія противъ случайностей, необходимымъ поступательнымъ расширеніемъ процесса воспроизводства, соотвѣтствующимъ развитію потребностей

ской жизни, при чемъ всякій видъ эксплуатаціи имѣетъ такое же значеніе, какъ и другой. Вѣрныя сужденія высказываетъ Франкъ. Обычное положеніе, вытекающее изъ трудовой теоріи мѣновой цѣнности и соотвѣтствующей ей схемы распредѣленія, гласящее: рабочій классъ находится въ зависимомъ положеніи и эксплуатируется, какъ производитель, а не какъ потребитель,—неправильно. Это положеніе можно считать вѣрнымъ, только понимая его въ самомъ широкомъ смыслѣ, въ которомъ оно обыкновенно не понимается. Такъ какъ прибавочная цѣнность есть часть общественнаго дохода, и такъ какъ послѣдній долженъ быть произведенъ, прежде чѣмъ быть распредѣленнымъ, то очевидно, что прибавочная цѣнность также создается не потребленіемъ, а производствомъ, и что, поэтому, она можетъ быть „извлечена“ изъ членовъ общества только постольку, поскольку они заняты производствомъ. Это, однако, нисколько не предрѣшаетъ, какими путями произойдетъ это „извлеченіе“, т. е. будетъ ли эксплуатація связана съ тѣми отношеніями между членами общества, въ которыхъ они выступаютъ въ качествѣ производителей, именно, съ отношеніями найма труда, или же съ тѣми, въ которыхъ они выступаютъ, какъ потребители. То и другое одинаково возможно и одинаково существуетъ на самомъ дѣлѣ. Мы можемъ съ тѣмъ же правомъ считать источникомъ эксплуатаціи, выражаясь конкретно, низкую заработную плату, какъ и высокую цѣну продуктовъ, покупаемыхъ рабочимъ. Если мы представимъ себѣ, что всѣ продавцы товаровъ отказались при продажѣ отъ прибыли, продавая продукты по цѣнамъ издержекъ производства, то легко видѣть, что для рабочаго это было бы равносильно пріобрѣтенію въ его заработной платѣ полнаго продукта труда. Такъ какъ классъ продавцовъ совпадаетъ съ классомъ капиталистовъ (въ предполагаемой схемѣ общества, состоящаго изъ однихъ капиталистовъ и рабочихъ),

---

и прогрессу населенія, что съ капиталистической точки зрѣнія называется накопленіемъ“ и т. д. Такимъ образомъ, и въ терминахъ экономической теоріи Маркса мы можемъ подтвердить „легковѣрность и неосновательность надежды рабочихъ на то, что соціализмъ превратитъ ихъ въ кооперативныхъ собственниковъ или хозяевъ производства“ (стр. 65).

то отказъ класса продавцовъ отъ прибыли есть вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ класса капиталистовъ отъ прибавочной цѣнности и, слѣдовательно, прекращеніе „эксплуатаціи“. Потребительныя общества рабочихъ, отнимающія въ пользу рабочаго класса часть прибыли торговцевъ и капиталистовъ тѣхъ отраслей производства, которыя изготовляютъ предметы потребленія рабочаго класса, даютъ практическое подтвержденіе этого теоретическаго расчета. Вообще мы не можемъ отожествлять процесса извлеченія прибавочной цѣнности съ какимъ-либо опредѣленнымъ хозяйственнымъ дѣйствіемъ, потому что этотъ процессъ можетъ обнаружиться только въ результатѣ всего процесса распредѣленія всего общественнаго дохода и есть не что иное, какъ особое выраженіе для современнаго порядка распредѣленія. Такимъ образомъ, рабочій эксплуатируется въ этомъ смыслѣ не какъ производитель и не какъ потребитель, а какъ членъ хозяйственнаго общества вообще, какъ участникъ всей суммы хозяйственныхъ дѣйствій общества.

Установивъ этическій характеръ трудовой теоріи цѣнности, которымъ окончательно подрывается ея научное значеніе, мы должны ясно представлять себѣ, что отсюда слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ.

Крушеніе трудовой теоріи цѣнности никакъ не означаетъ гибели дѣла рабочихъ и, вообще, обездоленныхъ: это дѣло достаточно утверждается на нравственномъ чувствѣ, на ихъ субъективномъ чувствѣ справедливости. Мы можемъ согласиться съ мнѣніемъ Бернштейна: „прибавочный трудъ— *эмпирическій*, доказанный *опытомъ фактъ*, который совершенно не нуждается въ дедуктивномъ доказательствѣ. Справедлива ли теорія цѣнности Маркса или нѣтъ,—не имѣетъ рѣшительно никакого значенія для доказательства существованія прибавочнаго труда“. Въ эти слова нужно было бы внести небольшое измѣненіе,—нужно было бы сказать: прибавочный трудъ — доказанный *нравственнымъ* опытомъ фактъ, доказанный съ несомнѣнностью для самихъ угнетенныхъ. Лучше выражаетъ эту мысль Туганъ Барановскій. „Для обнаруженія соціальнаго содержанія дохода, не основаннаго на трудѣ, не требуется исходить изъ какой бы то ни было теоріи цѣнности. Весьма распространенное мнѣніе, что соціалистическая критика существующаго хозяйствен-

наго строя должна неизбѣжно опираться на абсолютную трудовую цѣнность, основано на грубомъ недоразумѣніи. Утопическій соціализмъ былъ въ этомъ отношеніи гораздо научнѣе, такъ какъ онъ не стремился къ невозможному объективному обоснованію своихъ соціально-этическихъ требованій. Для доказательства того, что доходъ, не основанный на трудѣ, основывается на насиліи, соціальномъ гнетѣ, достаточно сослаться на очевидный фактъ, что рабочіе работаютъ въ пользу капиталистовъ не изъ любви къ нимъ и не изъ любви къ дѣлу, а изъ необходимости, по нуждѣ. Но кромѣ объективной научной своей части ученіе объ эксплуатаціи труда содержитъ въ себѣ субъективные, этическіе моменты. Послѣдніе неизбѣжно должны входить въ его составъ уже по одному тому, что самое понятіе эксплуатаціи труда имѣетъ этическій характеръ. Подъ эксплуатаціей человѣка человѣкомъ мы понимаемъ использованіе личности человѣка въ опредѣленныхъ внѣшнихъ для нея цѣляхъ въ ущербъ ея интересамъ. Такое использованіе осуждается нашимъ моральнымъ сознаніемъ. Почему же? Очевидно потому, что мы признаемъ личность человѣка священной и верховной цѣлью въ себѣ, потому что человѣкъ никогда не долженъ служить въ чьихъ-либо рукахъ средствомъ для чего-либо для себя посторонняго. Идея равенства, равноцѣнности человѣческой личности лежитъ въ основѣ понятія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Идея равноцѣнности человѣческой личности составляетъ, такимъ образомъ, неустранимый этическій элементъ теоріи эксплуатаціи труда. Отнимите отъ теоріи эксплуатаціи труда этическую идею равноцѣнности личности, и вся теорія утратитъ свое практическое значеніе“.[1] Дѣло угнетенныхъ утверждается на ихъ нравственномъ чувствѣ. Это Марксъ безсознательно выразилъ своей теоріей трудовой цѣнности. Другіе соціалисты открыто признаютъ необходимость нравственной опоры для соціалистическаго движенія. Таковъ французскій соціалистъ Малонъ [1]). Эффертцъ [2]) вполнѣ безуспѣшно пытается доказать центральное положеніе личности въ человѣческомъ хозяйствѣ на томъ основаніи, что это — человѣческое хозяйство, а не

[1]) *Le socialisme integral.*

[2]) *Arbeit und Boden.*

хозяйство пчелъ и не хозяйство быковъ: въ человѣческомъ хозяйствѣ активная роль принадлежитъ человѣку, какъ въ хозяйствѣ пчелъ и быковъ она принадлежала бы пчеламъ и быкамъ,—человѣкъ есть личность для изучающаго человѣческое хозяйство такъ же, какъ для изучающаго хозяйство пчелъ и быковъ личностями были бы пчелы и быки. Это мнѣніе было бы справедливо, если бы рѣчь шла объ отношеніи человѣка къ животнымъ, но этого основанія недостаточно, когда рѣчь идетъ объ отношеніи въ хозяйственной области человѣка къ человѣку, класса къ классу. Хозяйственная область есть объективная область, поскольку въ ней установляются отношенія между людьми не непосредственно, а чрезъ посредство хозяйственныхъ продуктовъ; но и съ объективной точки зрѣнія для признанія человѣка личностью нужно не меньше, какъ наличность нравственнаго сознанія въ немъ,—угнетаемые будутъ признаны въ классовыхъ отношеніяхъ личностями лишь подъ тѣмъ условіемъ, если въ нихъ пробудилось нравственное сознаніе. И безспорно, самъ Марксъ не мало содѣйствовалъ укрѣпленію нравственнаго сознанія въ рабочихъ своимъ ученіемъ о трудовой цѣнности.

Сведеніе трудовой теоріи цѣнности къ нравственному сознанію, къ субъективному чувству справедливости не означаетъ крушенія дѣла рабочихъ и вообще угнетенныхъ, но оно означаетъ, что это дѣло не можетъ быть основано научно-объективно. Нравственное требованіе равномѣрности въ распредѣленіи благъ нельзя формулировать теоретически, а научная теорія, ограничивающаяся собственными предѣлами, не приводитъ ни къ какимъ нравственнымъ выводамъ. Нравственное требованіе нельзя выразить теоретически, ибо „существованіе, основанное на личномъ трудѣ, нельзя считать болѣе *естественнымъ*, чѣмъ праздное существованіе: природа терпитъ и то и другое. Вопросъ о порядкѣ, съ которымъ связаны вопросы о цѣнности и прибавочной цѣнности—второстепенный вопросъ: эксплуатація—лишь частный случай вторженія одного человѣка въ сферу проявленія силъ другого, а сферы проявленія силъ и стремленій отдѣльныхъ людей могутъ сталкиваться при идеальномъ порядкѣ“ (Шоръ). Съ другой стороны, теорія не можетъ обосновать никакого долженствованія. „Прибавочная

цѣнность Маркса или рента Родбертуса есть не что иное, какъ часть общественнаго дохода, отдаваемаго обществомъ тѣмъ классамъ или лицамъ, которые сами не вернули обществу соотвѣтствующей доли общественнаго труда. Какова бы ни была мѣновая цѣнность этой части общественнаго дохода, на какомъ бы основаніи ни присвоивали ее эти классы или лица, обществу, какъ цѣлому, эта часть дохода, какъ и всякая другая, стоила затраты извѣстной суммы общественнаго труда, и потому оно оцѣниваетъ ее пропорціонально этому количеству общественнаго труда. Этимъ еще нисколько не разрѣшается вопросъ, правомѣрно и полезно ли такое присвоеніе части общественнаго дохода лицами, не участвовавшими въ его производствѣ, устранимо ли оно или нѣтъ — все это соціально-политическіе или этическіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ лежитъ совсѣмъ въ другой области и вполнѣ независимо отъ простого констатированія этого присвоенія" (Франкъ) [1]).

---

[1]) Иначе сказать, субъективное нравственное сознаніе получаетъ общественно-историческое значеніе никакъ не вслѣдствіе связи съ абсолютнымъ нравственнымъ принципомъ, который имѣлъ бы объективное значеніе, ибо объективнымъ принципомъ можетъ быть лишь условно-соціальный, выражающій установившееся равновѣсіе общественныхъ силъ, такъ что апеллировать къ нему въ пользу возрождающагося класса было бы circulus vitiosus, а абсолютный нравственный принципъ можетъ быть только личнымъ. Субъективное нравственное сознаніе получаетъ общественное значеніе единственно вслѣдствіе той силы групповой или классовой, въ которую оно вырастаетъ. И обратно—нѣтъ лучшаго пути создать классовую силу, какъ возрождая нравственное сознаніе, особенно если оно подкрѣпляется религіозной вѣрой. Напротивъ, то же нравственное сознаніе можетъ ослаблять силу господствующихъ классовъ, хотя бываетъ и обратное. Внѣ этого вліянія на соотношеніе общественныхъ силъ, въ соціальныхъ наукахъ не можетъ быть и рѣчи о нравственномъ сознаніи, но рѣчь эта остается вполнѣ въ предѣлахъ точной науки, если нравственное сознаніе разсматривается въ рамкахъ соціальнаго вліянія на соотношеніе силъ. Герценъ говоритъ (*Съ того берега*) по этому вопросу черезчуръ рѣзко и рѣшительно. „Аристократія", пишетъ онъ, „вообще болѣе или менѣе образованная антропофагія; канибалъ, который ѣстъ своего невольника, помѣщикъ, который беретъ страшный процентъ съ земли, фабрикантъ, который богатѣетъ на счетъ своего работника—составляютъ только видоизмѣненія одного и того же людоѣдства. Я впрочемъ готовъ защищать и самую грубую антропофагію, если одинъ человѣкъ себя разсматриваетъ какъ блюдо, а другой хочетъ его съѣсть—пусть

Критика теоріи накопленія и сосредоточенія капитала. По изслѣдованію критиковъ, особенно Бернштейна и Вейзен-

ѣстъ: они стоятъ того, одинъ, чтобъ быть людоѣдомъ, другой, чтобъ быть кушаньемъ.—Пока развитое меньшинство, поглощая жизнь поколѣній, едва догадывалось, отчего ему такъ ловко жить; пока большинство, работая день и ночь, не совсѣмъ догадывалось, что вся выгода работы для другихъ, и тѣ и другіе считали это естественнымъ порядкомъ, міръ антропофагіи могъ держаться. Люди часто принимаютъ предразсудокъ, привычку за истину—и тогда она ихъ не тѣснитъ: но когда они однажды поняли, что ихъ истина вздоръ, дѣло кончено, тогда только силою можно заставить дѣлать то, что человѣкъ считаетъ нелѣпымъ.—Работникъ не хочетъ больше работать для другого—вотъ вамъ и конецъ антропофагіи, вотъ предѣлъ аристократіи. Все дѣло остановилось теперь за тѣмъ, что работники не сосчитали своихъ силъ, что крестьяне отстали въ образованіи; когда они протянутъ другъ другу руку,—тогда вы распроститесь съ вашимъ досугомъ, съ вашей роскошью, съ вашей цивилизаціей, тогда окончится поглощеніе большинства на вырабатываніе свѣтлой и роскошной жизни меньшинству... Въ идеѣ теперь уже кончена эксплуатація человѣка человѣкомъ. Кончена потому, что никто не считаетъ это отношеніе справедливымъ". Говорить такъ—значитъ цѣнить, но не переоцѣнивать нравственнаго сознанія въ соціальномъ отношеніи.

Напротивъ, мы признаемъ совершенно не обоснованнымъ мнѣніе Туганъ-Барановскаго, который ставитъ нравственное сознаніе, какъ основу соціализма, въ неразрывную связь съ отвлеченнымъ этическимъ принципомъ философіи Канта. „Отбросьте ученіе объ абсолютной цѣности человѣческой личности—и всѣ демократическія требованія нашего времени окажутся пустымъ разглагольствованіемъ. Поэтому необходимо признать идею равноцѣнности человѣческой личности основной этической идеей современнаго соціализма". Къ этому вопросу мы возвратимся ниже. Однако, философская непродуманность тезиса Туганъ-Барановскаго достаточно видна уже изъ того, что онъ, признавъ „идею равноцѣнности человѣческой личности, нашедшей свое самое систематическое выраженіе въ философіи Канта, единственнымъ теоретическимъ обоснованіемъ соціалистическаго міровоззрѣнія, поскольку таковое опирается на этическіе принципы", изобличаетъ себя добавленіемъ: „Соціализмъ есть стремленіе осуществить въ дѣйствительной жизни всѣ тѣ права, которыя нынѣ теоретически признаются всѣми неотъемлемымъ достояніемъ человѣка". Если сила соціальнаго движенія зависитъ отъ количества („всѣ") признающихъ нравственную истину, значитъ—дѣло не въ теоретическомъ принципѣ. До трансцендентальной философіи отсюда какъ отъ земли до неба.—И снова. Какъ соціальныя движенія опираются не на теоретическій принципъ, такъ и отвлеченный принципъ, въ свою очередь, не ведетъ съ неизбѣжностью къ одному конкретному осуществленію. И это долженъ

грюна, теорія накопленія и сосредоточенія капитала блестяще оправдалась. За послѣднее время произошло такое скопленіе капиталовъ и такая концентрація производствъ, въ видѣ картелей и трестовъ, какія едва-ли грезились Марксу. Въ Соединенныхъ Штатахъ развитіе такихъ гигантскихъ предпріятій особенно типично. Эту теорію Вейзенгрюнъ признаетъ построенной наиболѣе удачно и не считаетъ преувеличеніемъ сказать, что она обладаетъ своеобразнымъ очарованіемъ, которому трудно противостоять.

Однако другая половина теоріи, ученіе о централизаціи капитала, на чемъ Марксъ основываетъ тенденцію къ экспропріаціи экспропріаторовъ, не выдерживаетъ критики. Данныя противъ этой теоріи тщательно подобраны Бернштейномъ. Концентрація промышленныхъ предпріятій, говоритъ онъ, не протекаетъ параллельно централизаціи капиталовъ, вопреки ошибочному убѣжденію соціалдемократіи. Ничего подобнаго нѣтъ. Форма акціонернаго общества въ значительной степени противодѣйствуетъ централизаціи капиталовъ посредствомъ концентраціи производствъ. Она даетъ возможность значительнаго дробленія уже сконцентрированныхъ капиталовъ, но дѣлаетъ излишнимъ присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами съ цѣлью концентраціи производствъ. Мнѣніе, что при образованіи трестовъ и фузій, будто бы, происходитъ накопленіе капитала въ относительно уменьшающемся числѣ рукъ, Бернштейнъ находитъ не соотвѣтствующимъ фактамъ дѣйствительности. Число акціонеровъ большого Американскаго „стальнаго" треста доходитъ до 50 тысячъ человѣкъ. При объединеніи 34 крупныхъ англійскихъ прядиленъ въ трестъ, изъ общей суммы израсходованнаго капитала въ 80 милліоновъ марокъ 26,7 милліоновъ оставались на рукахъ у продавцовъ, а остальные 53,3 милліона распредѣлялись между 3934 акціонерами. При объединеніи 22 красилень Бродфорда въ трестъ, весь израсходованный капиталъ составлялъ 60 милліоновъ марокъ, изъ коихъ продавцы получили 20 милліоновъ, а акціонеры (въ количествѣ 10.731 человѣкъ!) 40 милліоновъ марокъ.

признать г. Туганъ-Барановскій, заявляющій, что „Кантъ, давшій незыблемое теоретическое обоснованіе соціализму, отнюдь не былъ соціалистомъ".

Капиталъ акцій и дивидендовъ, принадлежащій пяти крупнѣйшимъ англійскимъ пивоварнямъ и доходящій до 194 милліоновъ марокъ, распредѣляется между 16 тысячами акціонеровъ, а капиталъ облигацій, доходящій до 122 милліоновъ, распредѣляется, повидимому, такимъ же образомъ.

Если безпрерывный прогрессъ техники и концентрація производствъ въ возрастающемъ числѣ отраслей промышленности есть фактъ, значенія котораго не скрываютъ въ настоящее время даже завзятые реакціонеры, то не менѣе несомнѣнна и та истина, что въ цѣломъ рядѣ отраслей промышленности мелкія и среднія производства обнаруживаютъ полную жизнеспособность наряду съ крупными [1]). Къ какой бы области хозяйственной жизни мы ни обратились, нигдѣ мы не встрѣчаемъ существеннаго измѣненія или сокращенія числа *среднихъ предпріятій*. Какъ бы ни было стѣснено положеніе отдѣльныхъ владѣльцевъ среднихъ предпріятій, какъ бы ни было велико въ каждый данный моментъ въ рядахъ различныхъ хозяйственныхъ классовъ число такихъ предпріятій, которыя возникаютъ лишь для того, чтобы на слѣдующій день погибнуть, это не имѣетъ значенія для цѣлаго: общая картина отъ этого не измѣняется. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что прогрессивный ростъ крупныхъ и колоссально-крупныхъ предпріятій является простой выдумкой. Чего статистическія таблицы не доказываютъ, такъ это—того, что *ростъ крупнаго производства означаетъ сокращеніе средняго*; изъ нихъ скорѣе слѣдуетъ, что происходитъ не борьба за существованіе этихъ двухъ категорій производства, но ихъ *параллельное развитіе* [2]).

Не только прежніе средніе классы (т. е. мелкіе капиталисты) не исчезли и не исчезаютъ, но—по наблюденію Масарика—и самъ капитализмъ постоянно создаетъ новые средніе классы. То, что мы видимъ на каждой изъ большихъ фабрикъ, составляетъ общее явленіе: между предпринимателемъ и руководителемъ, съ одной стороны, и рабочимъ, съ другой, стоитъ цѣлый рядъ посредниковъ, исполняющихъ очень важныя работы, отправляющихъ важныя

[1]) Возрастаніе среднихъ производствъ особенно тщательно доказываетъ Ю. Вольфъ *System der Socialpolitik* и др.

[2]) Выводы Бернштейна подтверждаются статистическими данными самыхъ послѣднихъ дней.

функціи, безъ которыхъ не могли бы существовать ни капиталистъ, ни рабочіе. Это—инженеры, писцы, экспедиторы, купцы и т. д.

Что происходитъ въ промышленности, то же наблюдается и въ торговлѣ. Несмотря на быстрый ростъ крупныхъ торговыхъ домовъ, продолжаютъ держаться и среднія, и мелкія торговыя предпріятія. Было бы несбыточной иллюзіей ожидать, что крупная промышленность въ ближайшемъ будущемъ поглотитъ мелкую и среднюю, такая же утопія—ждать поглощенія среднихъ и мелкихъ лавокъ капиталистическими торговыми дѣлами.

Наконецъ, Бернштейнъ показываетъ, что ученіе объ уменьшеніи числа магнатовъ капитала тоже нельзя признать вѣрнымъ,—скорѣе справедливо діаметрально противоположное утвержденіе. Гдѣ ни проведемъ мы границу—при 10.000, 20.000, 50.000, 100.000 марокъ дохода, въ результатѣ все получается, что число лицъ съ такими доходами увеличивается быстрѣе, чѣмъ какая-либо другая категорія лицъ, получающихъ доходъ. И ихъ число увеличивается прямо пропорціонально возрастанію ихъ общаго дохода, такъ что каждый изъ нихъ въ среднемъ остается всегда одинаково богатымъ. Для примѣра возьмемъ цифры берлинскихъ милліонеровъ: въ 1854 г. во всемъ Берлинѣ было только 6 обладателей милліона талеровъ, въ 1900 г. уже 639; владѣльцевъ 1½ милліона марокъ было тогда 23, теперь 1323. Такимъ образомъ, приходится разъ навсегда покончить съ убѣжденіемъ въ постоянномъ уменьшеніи числа магнатовъ капитала. Чѣмъ ближе подходитъ моментъ „крушенія“ капиталистической системы хозяйства, тѣмъ больше экспропріаторовъ кишитъ кругомъ насъ. Дѣло „экспропріаціи“ становится все больше труднымъ.

Всѣ предшествующія разсужденія о теоріи Маркса имѣютъ въ виду разныя отрасли механическаго производства и не относятся къ земледѣлію. Между тѣмъ земледѣліе болѣе, чѣмъ какая-либо другая область народнаго хозяйства, обнаруживаетъ слабость теоріи Маркса. Особенно примѣчательно то, что на земледѣліи не оправдывается не только теорія централизаціи, сосредоточенія капитала, но даже теорія накопленія капитала и концентраціи производства. Вотъ что объ этомъ пишетъ Эд. Давидъ.

Крестьянинъ нисколько не безпокоится о смертномъ приговорѣ, который изрекаетъ теорія Маркса. Исторія не знаетъ ни одного примѣра, когда крестьяне разорились бы вслѣдствіе техническаго превосходства крупныхъ хозяевъ. Много крестьянскихъ жизней разбито силой оружія и разбойничьимъ сеньоральнымъ правомъ, покровительствомъ со стороны феодаловъ и клерикаловъ. Страшная нищета бывала результатомъ такого хищничества. Но въ соперничествѣ при работѣ крестьянинъ до сихъ поръ вездѣ оставался непобѣдимымъ. Крупному же земледѣлію, якобы призванному уничтожить крестьянское, съ каждымъ десятилѣтіемъ становится все хуже; и ему было бы еще хуже, если бы на помощь ему не поспѣшило законодательство. Съ трудомъ, опираясь на костыли таможенной охраны—авторъ говоритъ о своей Германіи—и правительственныхъ подачекъ, держится еще крупное земледѣліе.—Рѣдкая теорія такъ принималась на вѣру практикой, какъ аграрная теорія Маркса. Она возникла путемъ распространенія на органическое производство законовъ механическаго производства, и, подъ вліяніемъ специфически англійскихъ отношеній, легко нашла доступъ въ міръ соціалистическихъ идей. Но должно констатировать глубокое *различіе по существу* между сельско-хозяйственнымъ и индустріальнымъ производствомъ. Основу сельско-хозяйственнаго производства составляетъ *процессъ органическій*, основу индустріальнаго производства—*процессъ механическій*. Это основное глубокое различіе производственныхъ процессовъ обусловливаетъ примѣненіе для сельскаго хозяйства и индустріальнаго производства совершенно различныхъ методовъ работы. Человѣческому труду отводится совершенно различная роль въ каждой отрасли производства, и по этому одному уже можно заранѣе признать ложными представленія объ аналогичности производственной эволюціи въ индустріи и сельскомъ хозяйствѣ. *Кооперація, раздѣленіе труда, примѣненіе машинъ*—вотъ главные факторы большей продуктивности крупнаго хозяйства въ механическомъ производствѣ. *Въ земледѣліи эти факторы не имѣютъ рѣшающаго значенія.* Выгоды кооперація въ большомъ масштабѣ ничтожны, и даже въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ кооперація имѣетъ значеніе для сельскаго хозяйства, отдѣльные хозяева могутъ легко использовать ея

выгоды путемъ товарищескихъ организацій. Съ другой стороны, съ размѣрами обрабатываемаго поля чрезвычайно увеличиваются и неудобства широкой кооперации и трудность контроля. Раздѣленіе труда, какое существуетъ въ мануфактурахъ, совершенно немыслимо въ сельскомъ хозяйствѣ. Сама природа біологическаго производственнаго процесса протестуетъ противъ замѣны послѣдовательности во времени сосѣдствомъ въ пространствѣ, которое существуетъ въ механическомъ производствѣ. Не можетъ сельское хозяйство слѣдовать за механическимъ производствомъ и въ спеціализаціи труда. Сельско-хозяйственныя машины весьма значительно уступаютъ машинамъ большой фабрики. Вмѣсто большой, прочно установленной динамо-машины, земледѣлецъ вынужденъ довольствоваться небольшими подвижными двигателями, между которыми до сихъ поръ первенствующее мѣсто занимаетъ рабочій скотъ. Какъ ни дивны нѣкоторыя сельско-хозяйственныя машины, но что могутъ значить изолированныя, перемѣщаемыя съ мѣста на мѣсто, цѣлыми недѣлями и мѣсяцами обреченныя на бездѣйствіе единичныя машины въ сравненіи съ безпрерывно дѣйствующимъ автоматомъ какой-нибудь фабрики, который распоряжается даже работой людей, прикованныхъ къ нему, какъ будто составляющихъ его части! Къ тому же и то незначительное пользованіе машинами, которое возможно въ земледѣліи, нисколько не составляетъ неоспоримой привилегіи крупнаго хозяйства. Большая часть земледѣльческихъ машинъ—небольшихъ размѣровъ, построены для замѣны рабочаго скота и доступны также и мелкому хозяину. Далѣе, благодаря тому, что сельско-хозяйственныя машины работаютъ только временами, возможно для сельскихъ хозяевъ коллективное пользованіе большими машинами, въ особенности, паровой молотилкой и вѣялкой, играющими такую важную роль въ хозяйствѣ.— Въ механическомъ обрабатывающемъ производствѣ совершенствованіе машинъ играетъ первенствующую роль: оно составляетъ сущность прогресса въ самомъ производствѣ. Въ области органическаго добывающаго производства улучшеніе машинъ представляетъ существенный, но далеко не важнѣйшій факторъ прогресса. *Механико-технический принципъ* здѣсь не является принципомъ доминирующимъ, обусловливающимъ прогрессъ. Сельское хозяйство

революціонизировали не техническія изобрѣтенія, а научныя открытія. Новѣйшая эра въ земледѣліи начинается не съ примѣненія паровой машины, а съ открытія дѣйствительной связи между почвой, растительнымъ и животнымъ организмомъ. Физическое и химическое улучшеніе почвы, регулированіе условій влажности, раціональное общее и спеціальное увеличеніе питательныхъ веществъ путемъ удобренія естественнаго, искусственнаго и растительнаго, размноженіе полезныхъ растеній и животныхъ, разведеніе облагороженныхъ разновидностей, соотвѣтствующихъ даннымъ естественнымъ условіямъ и спеціальнымъ цѣлямъ, индивидуализированный уходъ за культивируемыми организмами и охраненіе ихъ отъ безчисленныхъ враговъ и опасностей—вотъ почва, на которой сельско-хозяйственный прогрессъ отпраздновалъ свои величайшіе тріумфы. Болѣе быстрое выполненіе вспомогательной механической работы представляетъ немаловажный, но и не главный элементъ производственнаго прогресса. Сущность послѣдняго заключается въ *повышеніи интенсивности жизни* путемъ раціональнаго измѣненія внѣшнихъ условій развитія организмовъ и ихъ внутренняго склада.—Если техническій прогрессъ доступенъ мелкому хозяйству въ большинствѣ случаевъ, то научный прогрессъ всегда—безъ исключенія. Въ этомъ отношеніи крупному хозяйству приходится даже бороться противъ препятствій, которыхъ мелкое хозяйство совершенно не знаетъ. Примѣненіе всѣхъ усовершенствованій въ области питанія растеній, ухода за ними, и ихъ охраненія постоянно требуетъ массы квалифицированной ручной работы. Но откуда ее достанетъ крупное хозяйство? Оно вынуждено оперировать съ толпой незаинтересованныхъ наемныхъ работниковъ, очень мало поддающихся контролю. Крестьянинъ же самъ является своимъ собственникомъ, безъ устали работающимъ, заинтересованнымъ и заботливымъ работникомъ.—Сущность, методъ и средства органическаго производства обусловливаютъ то громадное значеніе, которое должна имѣть личная заинтересованность работника, какъ въ размѣрахъ годового урожая, такъ и въ сохраненіи плодородности почвы. Значеніе этого психологическаго фактора увеличивается по мѣрѣ перехода хозяйства къ болѣе высокой интенсивности, такъ какъ съ интенсивностью возрастаетъ и рискъ потерь вслѣдствіе невни-

манія и небрежности. Внутренняго автоматическаго самоконтроля современнаго индустріальнаго производства сельское хозяйство совершенно не знаетъ. Отсюда понятно, почему въ земледѣліи съ повышеніемъ интенсивности шансы крупнаго хозяйства уменьшаются. Это не значитъ, что отдѣльные, выдающіеся по способностямъ спеціалисты не въ состояніи добиться замѣчательныхъ результатовъ и въ крупномъ хозяйствѣ: выдающіяся способности, понятно, и здѣсь одерживаютъ верхъ надъ особенно неблагопріятными условіями. Но можно утверждать, что, въ общемъ, при возрастаніи интенсивности мелкое хозяйство поставлено въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ крупное. Чѣмъ интенсивнѣе культура, земледѣльческая или скотоводческая, тѣмъ труднѣе вести хозяйство при помощи чужихъ работниковъ. Поэтому всемірно-экономическая тенденція группировки, при которой культуры съ наименьшей работопоглощаемостью удаляются отъ большихъ рынковъ, а съ наибольшею работопоглащаемостью приближаются къ нимъ, должна была проявиться въ то же время и какъ тенденція къ *раздробленію хозяйствъ въ промышленныхъ странахъ и областяхъ*.

Къ тѣмъ же выводамъ приходитъ и Булгаковъ. По его словамъ, если для обрабатывающей промышленности за діагнозомъ Маркса нельзя отрицать извѣстной относительной правоты, то его нужно признать совершенно неправымъ касательно земледѣлія. Въ земледѣліи не только никакой концентраціи не происходитъ, но съ чрезвычайной силой выступаютъ децентрализующія тенденціи. Тотъ, для кого лучшее будущее неразрывно связано съ представленіемъ о концентраціи, долженъ махнуть рукой на земледѣліе, какъ область совершенно безнадежную. Но разъ земледѣліе и промышленность (а также и торговля) характеризуются если не противоположнымъ, то, по крайней мѣрѣ, различнымъ ходомъ развитія, можно ли развитіе капиталистическаго хозяйства опредѣлить какой-нибудь одной господствующей тенденціей, какъ попытался сдѣлать это Марксъ? *Очевидно, нельзя.* Формула, по которой этотъ ходъ развитія опредѣлялся бы въ сторону концентраціи или наоборотъ, была бы невѣрна, потому что не учитывала бы всей фактической сложности развитія. Поэтому общее воззрѣніе Маркса о развитіи капи-

тализма, съ неотвратимой необходимостью ведущемъ къ коллективизму, также невѣрно.

Что земледѣліе образуетъ часть народнаго хозяйства, не подводимую подъ соціалистическую теорію, это получаетъ особенную важность въ виду того, что въ будущемъ, какъ можно предполагать, земледѣліе, стоящее въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ на заднемъ планѣ, затѣняемое индустріей, займетъ первенствующее положеніе. Предполагать это можно, основываясь на законѣ убывающаго плодородія почвы [1]). Въ силу этого закона—по словамъ Булгакова—„хотя производительныя способности странъ, вывозящихъ продукты земледѣлія, еще не исчерпаны, но все-таки этому направленію развитія приходитъ конецъ, до котораго еще доживетъ, можетъ быть, наше поколѣніе. Начиная съ опредѣленнаго момента, вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не можетъ не начать сокращаться, а цѣны на нихъ расти, что сдѣлаетъ привозъ этихъ продуктовъ изъ отдаленныхъ странъ невыгоднымъ. Страны принуждены будутъ обратиться къ своему собственному земледѣлію,—наступитъ новая стадія въ развитіи мірового населенія... Прошлое оставляетъ въ наслѣдіе будущему хлѣбный вопросъ, болѣе страшный и болѣе трудный, чѣмъ вопросъ соціальный,—вопросъ производства, а не распредѣленія“. Интересна по этому вопросу недавно вышедшая книга Герг. Гильдебранда [2]). Разсматривая современное хозяйство, какъ господство индустріи надъ земледѣліемъ, иначе сказать—господство города надъ деревней и странъ промышленныхъ надъ земледѣльческими, Гильдебрандъ предполагаетъ, что недалеко до того времени, когда индустрія и земледѣліе помѣняются своими ролями. Аристократическій городъ представляетъ со-

[1]) Милль: „Всѣ предметы и силы природы, находящіяся въ ограниченномъ количествѣ, ограничены относительно крайняго предѣла своей производительной силы и задолго до достиженія этого крайняго предѣла начинаютъ удовлетворять увеличенію запроса съ прогрессивнымъ обремененіемъ условій своей производительности“. Но Милль ошибочно полагалъ, что уже нынѣ „скупость природы, а не общественная справедливость, служитъ причиною страданій, постигающихъ націю при излишествѣ населенія“. Изъ новѣйшихъ сочиненій см. П. Маслова *Теорія развитія народнаго хозяйства.*

[2]) *Die Erschütterung der Industrieherrschaft und des Industriesozialismus.*

бою надстройку надъ сельской основой, питается деревней и аристократическія промышленныя страны живутъ и будутъ жить на счетъ странъ земледѣльческихъ, пока послѣднія не обзаведутся собственной индустріей въ достаточно широкихъ размѣрахъ. Промышленная демократія уступитъ господство сельской демократіи; промышленныя государства сдѣлаются бѣднѣе странъ земледѣльческихъ. Промышленному пролетаріату уже станетъ безполезнымъ осуществленіе соціалистическаго плана [1]); предъ цѣлыми странами встанетъ грозный вопросъ о борьбѣ съ крайней нуждой въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ...

Критика теоріи кризисовъ. По словамъ Бернштейна, *эластичность* современнаго *кредита* при *колоссальномъ накопленіи капиталовъ*, усовершенствованіе средствъ сообщенія—почты, телеграфовъ, личнаго и товарнаго передвиженія, торговой статистики и сообщеній, развитіе организаціи предпринимателей—все это *факты*, и просто немыслимо, чтобы они не оказывали значительнаго вліянія на отношеніе между производительной дѣятельностью и положеніемъ рынка. Такимъ образомъ, очень вѣроятно, что въ будущемъ, съ прогрессомъ хозяйственнаго развитія, намъ не придется имѣть дѣла съ промышленными кризисами извѣстнаго уже намъ характера, и что, поэтому, нужно будетъ оставить всякіе расчеты на подобный кризисъ, какъ на прелюдію къ великому соціальному перевороту.

Вейзенгрюнъ спрашиваетъ: гдѣ факты, которые свидѣтельствовали бы объ одностороннемъ соціальномъ развитіи въ смыслѣ экспропріаціи экспропріаторовъ? Напротивъ, повсюду мы видимъ явные симптомы упроченія капитализма на всѣхъ позиціяхъ, обезпеченіе его на будущее, насколько можно предвидѣть, время, хотя концентрація въ индустріи далеко

[1]) Die Lebenshaltung der proletarischen Schichten innerhalb der Industriestaaten ist beim Uebergang zum Sozialismus um nichts gebessert, wenn gleichzeitig die ausländische Bauerngrundlage entschwindet, so hoher Steigerung auch die heimische Agrarproduktion noch fähig ist... Was wird in diesem Falle des Versagens das Schicksal des Industriestaatlichen Proletariats sein? Sehr einfach: Es erfährt in Hunger und Blösse, dass es überflüssig geworden ist, sobald ihm die feste Bauerngrundlage unter den Füssen fehlt. Ueberflüssig und zugleich hilflos. Es nützt ihm nichts mehr, die Kapitalisten enteignen zu wollen, denn die industriellen Produktionsmittel sind nicht mehr verwertbar.

еще не завершилась, а въ земледѣліи наблюдается лишь въ незначительной степени. Оглянитесь кругомъ: повсюду открываются перспективы новыхъ обширныхъ рынковъ для сбыта товаровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ новыя препятствія къ тому обостренному состоянію народнаго хозяйства, къ продолжительному кризису, о которомъ грезитъ марксизмъ. Въ концѣ XIX столѣтія колоніальная политика приняла такіе размѣры, такое колоссальное значеніе, какого и приблизительно никто не предчувствовалъ въ серединѣ вѣка. При этомъ новая колоніальная политика, хотя большею частью безсознательно, руководится соціальными мотивами, которыхъ не имѣло старое колоніальное хозяйство, руководившееся исключительно мотивомъ захвата. Въ англосаксонскомъ мірѣ крупная промышленность процвѣтаетъ больше, чѣмъ гдѣлибо. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь впервые противодѣйствіе класса капиталистовъ продолжительному кризису принимаетъ твердыя формы. Имперіализмъ, т. е. тенденція прочно связать громадныя пространства общими хозяйственными интересами, приковать обширныя колоніи желѣзными цѣпями экономическаго расчета къ метрополіи, все сильнѣе сказывающееся стремленіе создать экономически объединенную и этимъ великую Англію знаменуетъ первый шагъ позднѣйшаго капитализма къ самосохраненію. Второй моментъ образуется упомянутой новой колоніальной политикой великихъ континентальныхъ державъ и особенно имѣющими основаніе надеждами хозяйственной Европы и Америки на расширеніе сферы вліянія въ Китаѣ. Третій моментъ—проведеніе великой сибирской желѣзной дороги, открывающее новый экономическій міръ, который будетъ служить на многія десятилѣтія не для одной русской индустріи громаднымъ рынкомъ сбыта. Четвертый моментъ—развитіе самой русской промышленности и культурно-экономическое пробужденіе этого великаго, но стоящаго еще на относительно низкой ступени развитія народа. Каждое въ отдѣльности изъ этихъ обстоятельствъ знаменуетъ оплотъ противъ угрожающаго длительнаго кризиса, помимо котораго, при крайне сконцентрированномъ производствѣ, нельзя ожидать перемѣнъ въ положеніи капитализма,—и тѣмъ сильнѣе должно препятствовать тенденціи къ экспропріаціи экспропріаторовъ совмѣстное дѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ. Сюда присоединяется иное,

весьма важное, обстоятельство. Картелями и трестами, которымъ предстоитъ будущность, капитализмъ охраняется какъ совнѣ, такъ и извнутри. Въ нихъ сказывается забота представителей новѣйшей хозяйственной системы о себѣ самихъ. Конечно, картели могли бы открыть легкій путь къ экспропріаціи экспропріаторовъ, но это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы не было другихъ задерживающихъ обстоятельствъ... Какъ же, въ виду такихъ фактовъ, можно говорить о явной, абсолютной, неотвратимой, съ механической необходимостью дѣйствующей тенденціи къ экспропріаціи экспропріаторовъ? Въ противоположность этому скорѣе можно говорить о тенденціи къ увѣковѣченію капитализма, который при иныхъ историческихъ условіяхъ могъ бы принять иной видъ, но на ближайшее будущее былъ бы достаточно силенъ, чтобы задержать тенденцію къ экспропріаціи экспропріаторовъ.

Откуда возникаютъ кризисы и вслѣдствіе чего они столь усиленно учащаются? По мнѣнію марксизма—оттого, что слѣпая и бѣшенная конкурренція заставляетъ выбрасывать на міровой рынокъ все больше и больше продуктовъ, которые не находятъ себѣ сбыта. Постоянно уменьшается сбытъ товаровъ, хозяйственное обращеніе приходитъ въ замѣшательство, и кризисъ готовъ. Сюда присоединяется еще одно. Капитализмъ, давно потерявшій способность обуздывать революціонныя производительныя силы, долженъ терпѣть ихъ чрезмѣрный ростъ. Итакъ, съ одной стороны, перепроизводство товаровъ, съ другой стороны, неспособность капитализма къ организаціи ведутъ сначала къ спорадическому, затѣмъ къ хроническому кризису. Но мы видимъ, что даже при этихъ условіяхъ собственно о перепроизводствѣ товаровъ рѣчи быть не можетъ: открывающіеся новые рынки меньше всего допускаютъ возможность хроническаго кризиса. Что же сказать о второмъ факторѣ—о неспособности капитализма къ организаціи? Здѣсь-то и обнаруживается значеніе картелей. Онѣ суть — не единственный, но главнѣйшій симптомъ того, что, начиная съ извѣстной ступени развитія, классъ капиталистовъ получаетъ способность создавать организаціи, вмѣшиваться сознательно и плодотворно въ процессъ производства. Здѣсь рѣчь идетъ не о соціально-политической сторонѣ картелей, но лишь объ

ихъ значеніи въ исторіи экономической эволюціи. Какъ бы картели ни были вредны для рабочихъ, для капиталистовъ онѣ во всякомъ случаѣ приносятъ пользу. Но онѣ полезны не только для отдѣльныхъ капиталистовъ, но и для капиталистовъ, какъ класса, какъ соціальной группы. Крупный капиталистъ - магнатъ не такъ нуждается въ картели, какъ средній. Тресты и всякаго рода союзы предпринимателей суть прежде всего предохранительное средство для класса среднихъ капиталистовъ. Это столь же подходящая форма для среднихъ капиталистовъ, какъ рабочіе союзы для организованныхъ пролетаріевъ и сельскія общества для крестьянъ. Картели могутъ распадаться, какъ и рабочіе союзы гибнутъ отъ разныхъ причинъ. Въ общемъ это ничего не доказываетъ ни противъ картелей, ни противъ рабочихъ союзовъ. Разсматриваемыя съ точки зрѣнія исторіи соціальной эволюціи, картели имѣютъ двоякое соціальное значеніе. Во-первыхъ, онѣ суть защита для класса среднихъ капиталистовъ, во-вторыхъ, онѣ содѣйствуютъ сокращенію и замедленію хроническихъ кризисовъ. Въ тѣхъ отрасляхъ индустріи, въ которыхъ начинаютъ примѣняться картели, устраняется возможность конкурренціи, а безъ конкурренціи и безъ затрудненій въ сбытѣ не можетъ быть мѣста для продолжительныхъ кризисовъ [1]).

Критика теоріи обнищанія рабочихъ. Когда складывалась эта теорія Маркса, тогда она была простымъ констатированіемъ факта [2]),—и она была общепринятою теоріею. Но обнищаніе рабочихъ было лишь временнымъ явленіемъ. По словамъ Туганъ-Барановскаго, первые шаги капитализма повели къ значительному ухудшенію положенія рабочаго класса, но дальнѣйшіе успѣхи капиталистической промышленности пошли, въ нѣкоторой своей части, на пользу рабочимъ. Причины этой перемѣны были весьма сложны. Капиталистическій способъ производства повышаетъ производительность труда, и

---

[1]) Гаммахеръ вѣрно замѣчаетъ: Von einem bevorstehenden Zusammenbruche des Kapitalismus im Marxistischen Sinne kann nicht die Rede sein, da er ja selbst jene Formen der Organisation gefunden hat, die nach dem ursprünglichen Programm des Marxismus nur durch die assoziierten Arbeiter, die Diktatur des Proletariats möglich werden sollten.

[2]) Струве: Die „Verelendungstheorie“ war in der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts eine einfache Konstatierung des wirklichen Verlaufs der Dinge.

это является, само по себѣ, обстоятельствомъ, благопріятствующимъ повышенію заработной платы. Но пока фабричное производство не играетъ въ странѣ господствующей роли, до тѣхъ поръ высокая производительность труда на фабрикѣ создаетъ тенденцію не къ повышенію, а къ пониженію заработковъ трудящихся классовъ населенія. Дѣло въ томъ, что фабрики конкурируютъ въ этомъ случаѣ съ различными формами мелкаго производства — ремесломъ, кустарнымъ производствомъ, домашней капиталистической промышленностью. Всякій успѣхъ машинной техники вызываетъ паденіе цѣны фабричнаго продукта, а благодаря этому падаетъ и цѣна конкурирующихъ продуктовъ ручного труда, слѣдствіемъ чего является сокращеніе заработковъ соотвѣтствующихъ группъ мелкихъ производителей. Пока эти конкурирующіе съ фабрикой мелкіе производители численно преобладаютъ, до тѣхъ поръ ростъ производительности труда въ сферѣ крупнаго машиннаго производства оказываетъ угнетающее вліяніе на экономическое положеніе массы населенія, остающагося при прежнихъ способахъ производства. Но и въ средѣ самихъ фабричныхъ работниковъ заработная плата въ этомъ періодѣ капиталистическаго развитія не можетъ существенно повышаться, такъ какъ разореніе мелкихъ производителей вызываетъ наплывъ рабочихъ на фабрики и этимъ сбиваетъ цѣну на рабочія руки. Все это и наблюдалось въ руководящихъ капиталистическихъ странахъ Европы въ первую половину закончившагося вѣка. Въ концѣ концовъ фабрика рѣшительно побѣдила; въ самыхъ важныхъ отрасляхъ промышленности она стала господствующей формой производства. Тогда положеніе перемѣнилось. Дальнѣйшее повышеніе производительности труда создало тенденцію къ повышенію заработной платы, такъ какъ общая сумма продукта, вырабатывавшагося рабочимъ и подлежащаго раздѣлу между нимъ и капиталистомъ, увеличилась (*Современный соціализмъ*).

Повышеніе экономическаго положенія рабочихъ констатировано многими наблюдателями. Особенную извѣстность получила книжка Сиднея Вебба *Положеніе труда въ Англіи за послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ, 1837—1897 (Labor in the Longest Reign, 1837—1897. Issued under the auspices of the Fabian Society)*. Какъ бы ни были мы склонны—читаемъ здѣсь—по

временамъ дурно думать о современномъ положеніи народа, однако ясно, что въ общемъ послѣ 1837 года былъ сдѣланъ существенный шагъ впередъ. Въ очень большомъ числѣ рабочихъ профессій и почти во всѣхъ мѣстностяхъ заработокъ мужчинъ значительно увеличился, что̀ даетъ имъ возможность пользоваться нѣкоторымъ комфортомъ, о чемъ не имѣли представленія шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Во многихъ случаяхъ рабочій день сталъ менѣе продолжительнымъ, условія труда улучшились и общій уровень жизненныхъ потребностей значительно повысился. Домашняя жизнь какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, сдѣлалась болѣе удобной; санитарныя условія во многихъ отношеніяхъ совершенно измѣнились; образованіе стало интенсивнѣе и экстенсивнѣе; въ то же время такія пособія умственной жизни, какъ библіотеки, музеи, художественныя галлереи, музыка и полезныя развлеченія, стали гораздо доступнѣе для рабочаго. Словомъ, большая часть населенія сдѣлалась культурнѣе, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Какой бы жестокой ни была наша промышленная система, жизнь въ Англіи почти во всѣхъ отношеніяхъ стала человѣчнѣе. Существующіе до сихъ поръ недостатки не должны заслонять отъ нашихъ глазъ сдѣланныхъ успѣховъ. Панегирики статистиковъ-оптимистовъ нашего времени оправдываются въ этомъ отношеніи [1]).

---

[1]) Отмѣченные факты достаточно доказываютъ несостоятельность марксистской теоріи, но чтобы, независимо отъ этого, не составить себѣ преувеличенныхъ представленій объ улучшеніи въ положеніи рабочихъ по мнѣнію Сиднея Вебба, мы сдѣлаемъ еще выдержку изъ той же его книжки. „Тогда какъ положеніе большинства живущихъ на заработную плату улучшилось съ 1837 года, другая часть получила изъ общей доли увеличившагося богатства и плодовъ цивилизаціи немного или ничего. Если мы возьмемъ отдѣльныя стороны жизни и проведемъ опредѣленную черту, ниже которой, по нашему, рабочій не можетъ прилично существовать, то найдемъ, что по отношенію къ заработку, къ количеству рабочихъ часовъ, къ помѣщеніямъ и къ общему прогрессу цивилизаціи *проценть* тѣхъ, которые находятся подъ линіей, меньше, чѣмъ онъ былъ въ 1837 г. Но мы нашли бы такъ же, что теперешній уровень почти столь же низокъ, какъ и тогда, и что *общее число* лицъ, находящихся подъ начерченной нами линіей, въ настоящее время, вѣроятно, больше, чѣмъ въ 1837 г. Едва-ли когда существовала такая бѣдность, а распространенность ея та же или еще болѣе обширна. Грязь 1837 года не смыта съ нашихъ рукъ и сознанія.

Среди путей, которые въ послѣднее время усиленно ведутъ къ повышенію экономическаго положенія рабочаго класса, первое мѣсто занимаютъ рабочіе союзы и кооперативныя организаціи, а также фабричное законодательство.

Гаммахеръ остроумно обнаруживаетъ, что экономическая теорія Маркса и не доказываетъ неизбѣжности обнищанія рабочихъ. По экономическому ученію Маркса, прямая цѣль капиталиста и опредѣленный мотивъ производства есть производство прибавочной цѣнности. Прибавочная цѣнность создается рабочимъ и получается капиталистомъ чрезъ эксплуатацію рабочаго, заработокъ котораго опредѣляется количествомъ средствъ существованія его и его семьи, его необходимыми потребностями. Повышеніе производительности труда идетъ въ пользу только капиталисту, но не рабочему. Капиталистъ, устремляющійся единственно къ производству прибавочной цѣнности и заинтересованный исключительно въ мѣновой цѣнности, долженъ постоянно понижать цѣну товаровъ. „Такъ какъ относительная прибавочная цѣнность [1]) возрастаетъ въ прямомъ отношеніи къ развитію производительной силы труда, между тѣмъ какъ цѣнность товаровъ понижается въ обратномъ отношеніи къ тому же самому развитію, и такъ какъ вслѣдствіе этого одинъ и тотъ же совершенно тождественный процессъ удешевляетъ товары и увеличиваетъ содержащуюся въ нихъ прибавочную цѣнность, то это обстоятельство разрѣшаетъ загадку, заключаю-

Тотъ фактъ, что наиболѣе благоденствующая часть, умножась сама и умноживъ свое богатство, оставила въ коснѣніи значительную часть общества, увеличиваетъ нашу отвѣтственность. Мораль всего этого обзора та, что нужны, повидимому, еще очень большія усилія для поднятія уровня этой опустившейся массы“.

Для германской промышленности см. Конрада *Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie* 4 Th. *Statistik;* въ частности, объ улучшеніи положенія земледѣльческаго рабочаго населенія въ Германіи съ 1882 по 1895 Гольца *Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik.* Изъ русскихъ авторовъ по вопросу объ улучшеніи положенія рабочихъ см. проф. Исаева *Вопросы соціологіи.*

[1]) Марксъ называетъ абсолютной прибавочной цѣнностью прибавочную цѣнность, производимую посредствомъ удлиненія рабочаго дня, а относительной прибавочной цѣнностью—ту прибавочную цѣнность, которая возникаетъ изъ сокращенія необходимаго рабочаго времени и изъ соотвѣтственнаго измѣненія во взаимномъ отношеніи обѣихъ составныхъ частей рабочаго дня.

щуюся въ томъ, что капиталистъ, котораго интересуетъ только производство мѣновой цѣнности, постоянно въ то же время стремится къ пониженію мѣновой цѣнности товаровъ". Съ другой стороны, рабочая сила оцѣнивается по общественно-необходимому времени для ея поддержанія, по стоимости ея воспроизводства, но средній уровень такъ называемыхъ необходимыхъ потребностей, или необходимыхъ средствъ существованія, долженъ быть для опредѣленной страны и въ опредѣленный періодъ времени величиной постоянной. Если же норма прибавочной цѣнности [1]) постоянно возрастаетъ, доля рабочаго дня, которая приходится на прибавочную работу, все удлиняется, а необходимая работа сокращается, то—при предположеніяхъ самого Маркса—должно ли и даже можетъ ли ухудшаться положеніе рабочаго? Конечно, если его заработокъ постоянно опредѣляется издержками воспроизводства, то онъ долженъ понижаться по мѣрѣ того, какъ сокращается это необходимое время,—въ этомъ Марксъ правъ. Но онъ проглядываетъ, при какой предпосылкѣ это пониженіе возможно. Очевидно, въ той же мѣрѣ, въ какой понижается заработная плата, понижаются въ дѣйствительности издержки производства рабочей силы. Вѣдь уровень потребностей содержитъ въ себѣ „элементы историческій и моральный". Слѣдовательно, заработная плата можетъ падать лишь въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе повысившагося неоплаченнаго прибавочнаго труда, соотвѣтственно понижается цѣнность товаровъ и покупательная сила заработной платы въ дѣйствительности повышается. Вообще, представляется естественнымъ постоянство реальной заработной платы: кто стоитъ уже на уровнѣ необходимыхъ потребностей и получаетъ лишь столько, сколько необходимо для его воспроизводства, у того уровень жизненныхъ потребностей не можетъ быть понижентъ никакою наличностью резервной арміи, ибо иначе онъ опустился бы, чего и Марксъ не допускаетъ, ниже „моральной" границы и погибъ бы отъ голодной смерти. Согласно съ своей теоріей прибавочной цѣнности Марксъ долженъ былъ бы придти

[1]) Нормой прибавочной цѣнности Марксъ называетъ относительную величину ея, т. е. то отношеніе, въ которомъ возрасла цѣнность перемѣннаго капитала, отношеніе прибавочной цѣнности къ перемѣнному капиталу, иначе сказать—степень эксплуатаціи рабочей силы.

къ тому выводу, что положеніе рабочаго остается абсолютно равнымъ, хотя бы одни капиталисты узурпировали выгоды необычайно поднявшейся производительности труда. Но существуетъ ли въ дѣйствительности тотъ суровый законъ, что съ возрастаніемъ матеріальнаго богатства, съ увеличеніемъ капитала, вычетъ изъ продуктовъ труда въ пользу капиталиста становится все больше? Движется ли наемный трудъ обратно пропорціонально производительности народнаго хозяйства? Гаммахеръ соглашается съ Дитцелемъ, что заработная плата поднимается и падаетъ вмѣстѣ съ производительностью народнаго хозяйства. Равнымъ образомъ, и общая покупательная сила поднимается съ поднимающеюся производительностью народнаго хозяйства и падаетъ съ падающею производительностью. Этимъ принципіально преодолѣвается пессимизмъ въ обсужденіи рабочаго вопроса, полагается конецъ желѣзному закону заработной платы. Тенденція къ физическому обнищанію рабочихъ вообще не существуетъ.

Теорія обнищанія, нѣкогда общепринятая, нынѣ всѣми оставлена [1]), даже соціалистами [2]), которые уже позволяютъ себѣ говорить самое большее—о соціальной нищетѣ, а не о физической. Энгельсъ въ проэктѣ Эрфуртской программы не одобрилъ фразы: „все больше становится число и возрастаетъ бѣдность пролетаріевъ". Онъ говорилъ: „въ такой абсолютной формѣ, это—не вѣрно. Организація рабочихъ и ихъ постоянно возрастающее сопротивленіе полагаютъ, по возможности, извѣстную границу росту нищеты. Но что несомнѣнно возрастаетъ, это—необезпеченность существованія. Это я внесъ бы" [3]). Каутскій въ отвѣтѣ Бернштейну настаиваетъ на обнищаніи рабочихъ не какъ на законѣ, а лишь какъ на тенденціи капиталистическаго общества. Еще на-

[1]) Ср. также Ностица *Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England. Ein Beitrag zur socialen Geschichte der Gegenwart*, Ю. Вольфа разныя сочиненія.

[2]) И французскими: Гэдъ *Quatre ans de lutte* и Сорель *Avenir socialiste des syndicats*.

[3]) Въ послѣдней редакціи этотъ пунктъ Эрфуртской программы имѣетъ такой видъ: „Для пролетаріата и для опускающихся среднихъ слоевъ—мѣщанства, крестьянъ—оно (возобладаніе крупнаго производства) означаетъ все большую необезпеченность существованія, ростъ нужды, гнета, порабощенія, униженія, эксплуатаціи". Странная смѣсь новаго пониманія со старымъ.

стойчивѣе предлагаетъ онъ другое пониманіе нищеты. „Слово *нищета* можетъ имѣть значеніе *физической нищеты*, но также и *нищеты соціальной*. Нищета въ первомъ смыслѣ измѣряется *физіологическими* потребностями человѣка, которыя, правда, не вездѣ и не во всѣ времена оставались неизмѣнными, но которыя все-жъ таки не такъ быстро развивались, какъ *соціальныя потребности*, неудовлетвореніе которыхъ порождаетъ соціальную нищету. Если понять это слово въ физіологическомъ его смыслѣ, то тогда, конечно, выраженіе Маркса было бы несостоятельнымъ. Какъ разъ въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ нельзя уже констатировать общаго увеличенія физической нищеты: всѣ факты, напротивъ, указываютъ на то, что въ этихъ странахъ физическая нищета уменьшается, хотя крайне медленно и далеко не повсюду. Жизненный уровень рабочаго класса въ настоящее время болѣе высокій, чѣмъ какимъ онъ былъ 50 лѣтъ тому назадъ. Конечно, ошибочно было бы измѣрять его повышеніе повышеніемъ денежной платы. Не слѣдуетъ забывать, какъ сильно съ тѣхъ поръ вздорожали средства къ жизни... Успѣхъ—далеко не такой большой, какимъ онъ кажется при взглядѣ на денежную плату... Но если поднятіе рабочаго класса изъ физической нищеты является столь медленнымъ процессомъ, то уже отсюда можно заключить о постоянномъ возрастаніи его *соціальной нищеты*, такъ какъ производительность труда необычайно быстро растетъ. Это значитъ не что иное, какъ то, что рабочій классъ все въ большей мѣрѣ лишается участія въ прогрессѣ культуры, имъ же производимомъ, что жизненный уровень буржуазіи повышается быстрѣе уровня пролетаріата, что соціальный антагонизмъ между этими классами растетъ... О ростѣ нищеты въ соціальномъ смыслѣ говорятъ и сами буржуа, они только дали ему иное наименованіе; они называютъ его требовательностью (Begehrlichkeit). Но вѣдь не въ словѣ дѣло. Главное это фактъ, что антагонизмъ между потребностями рабочихъ и возможностью удовлетворить ихъ изъ получаемой ими платы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и антагонизмъ между наемнымъ трудомъ и капиталомъ все болѣе растетъ. Въ этой растущей нищетѣ крѣпкаго физически и духовно рабочаго класса, а не въ растущемъ отчаяніи полуозвѣрѣвшихъ, покрытыхъ язвами ордъ, авторъ *Капитала* видѣлъ

мотучій рычагъ перехода къ соціализму. Дѣйствіе этой нищеты не уничтожается указаніемъ на повышающійся жизненный уровень рабочаго класса".

Каутскій „безусловно неправъ въ своемъ утвержденіи, будто развитая имъ теорія соціальнаго обнищанія есть не что иное, какъ истинная теорія Маркса". Нѣтъ, Марксъ говорилъ не о требовательности рабочихъ, но о „накопленіи нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія" рабочихъ. Ни о чемъ другомъ онъ не могъ говорить, ибо лишь указаніемъ на возрастающую физическую нищету рабочихъ и ихъ вырожденіе, физическое и нравственное, могъ онъ надѣяться обосновать теорію соціальной катастрофы, какъ стихійнаго процесса. Пониманіе Каутскаго есть явный отказъ отъ теоріи Маркса.

Но безотносительно къ этому, отмѣчаемый Каутскимъ фактъ возростающаго недовольства рабочихъ можетъ быть вполнѣ принятъ. Критика не имѣетъ ни возможности, ни нужды оспаривать этотъ фактъ [1]). Но этотъ фактъ относится къ области нравственно-психологической и выступаетъ изъ границъ натуралистической теоріи, претендующей на установленіе естественнаго закона. Мы снова можемъ указать на ту роковую неизбѣжность, съ какою марксизмъ упирается въ нравственно-психологическую почву. И также снова скажемъ, что этотъ нравственно-психологическій элементъ своею наличною силою укрѣпляетъ соціальное движеніе [2]), но, воспринимая его, система марксизма перестаетъ

[1]) Гаммахеръ: Nicht obwohl, sondern gerade weil es den Arbeitern besser geht, nimmt der Groll des Klassenkampfes zu. Der Gegensatz zwischen Bourgeoisie und Proletariat ist objectiv geringer geworden, aber subjectiv grösser, weil er stärker empfunden wird.

[2]) Ср. Гаммахера: In letzter Linie kommt es gar nicht darauf an, ob nach objectiven Merkmalen ein sozialer Antagonismus vorhanden ist, sondern als historische Tatsache ist es nur—eben nach Marx' Unterscheidung zweier Etappen der Genesis der Klasse—psychologisch wirksam. Weil die beginnende Emanzipation dem Arbeiter das Bewusstsein seiner Lage gebracht hat, die ihn bei allen Anlagen doch von den hehrsten Kulturgütern der Nation ausschliesst, weil er aufgehört hat, die Knechtschaft als eine notwendige, selbstverständliche Institution anzusehen, deswegen hat ihn eine Unruhe ergriffen, die die politische Opposition in dem Masse verstärkte, als man ihr entgegenkam... Wenn der Philister klagt, wie Kautsky sagt, „die Begehrlichkeit" der Massen steige fortwährend an, so liegt doch gerade hierin die Grösse der Arbeiterbewegung.

быть научною доктриною и теряетъ опору для каузальнаго обоснованія грядущаго соціалистическаго общежитія [1]).

Критика теоріи соціальной революціи. Бернштейнъ пишетъ, что идея о крушеніи капиталистическаго строя противорѣчитъ, какъ дѣйствительному экономическому развитію, такъ и общему культурному прогрессу. Исторія не даетъ ни одного примѣра подобной (насильственной) экспропріаціи. Даже уничтоженіе феодализма произошло совершенно инымъ образомъ, чѣмъ мы обыкновенно предполагаемъ и чѣмъ предполагали еще Марксъ и Энгельсъ въ эпоху выработки своей теоріи. Когда феодализмъ палъ, буржуазная собственность была уже вполнѣ развита. По всѣмъ признакамъ, паденіе капиталистической собственности совершится тѣмъ же путемъ. Коллективная собственность разовьется не вслѣдствіе насильственнаго уничтоженія капиталистической собствен-

das Symptom intellektueller und moralischer Reife, auf das auch der politische Gegner Ursache hat, stolz zu sein.

[1]) Гаммахеръ: So tritt an Stelle der Marxistischen eine psychologische Verelendungstheorie. Die Sensibilität wächst, während der erreichte Fortschritt nicht mehr in die seelische Disposition eingeht und als selbstverständlich geworden nicht mehr veranschlagt wird. Hierdurch wird der Emanzipationskampf des Proletariats weiter getrieben werden, ohne dass man freilich deshalb von einer kausalen Notwendigkeit des sozialistischen Zukunftsstaates sprechen könnte.

Отмѣтимъ, въ дополненіе къ сказанному, еще одно внутреннее противорѣчіе въ теоріи марксизма. По взгляду Маркса соціалистическій строй будетъ результатомъ широкаго развитія производительныхъ силъ (ср. ниже слова Энгельса), плодомъ высокаго культурнаго подъема, дѣломъ обширнаго кругозора. Но развѣ обнищавшій и одичавшій пролетаріатъ могъ бы вынести на своихъ плечахъ тяжесть этого дѣла? На это внутреннее противорѣчіе въ теоріяхъ Маркса указалъ Струве въ ст. *Die Marxsche Theorie der socialen Entwicklung.* Здѣсь читаемъ: Es darf nicht vergessen werden, dass der Sozialismus für Marx uneingeschränkt die Blüte der Kultur bedeutete. Er nahm für seinen Sozialismus alle kulturellen Errungenschaften der Bourgeoisie in Anspruch. Solange die fortschreitende Verelendung der Volksmassen eine über jeden Streit erhabene Thatsache war und als unabänderliche immanente Tendenz der herschenden Wirtschaftsordnung aufgefasst wurde, war das Eintreten des alle Kulturfortschritte der bürgerlichen Gesellschaft übernehmenden und sie weiterführenden Sozialismus platterdings unmöglich. Eine Verelendung und sozialpolitische Reifwerdung der Arbeiterklasse, welche dieselbe befähigen sollte, die denkbar grossartigste soziale Umwälzung ins Werk zu setzen, schlossen einander für eine realistische Betrachtung einfach aus.

ности, но, обратно, послѣдняя исчезнетъ, когда коллективная собственность достигнетъ высокой степени развитія.

Особенно основательныя критическія сужденія объ этой гипотезѣ высказалъ П. Струве въ ст. Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung. Представленіе, что весь правовой строй не соотвѣтствуетъ всему соціальному хозяйству,—нереалистично: правовой строй и соціальное хозяйство суть абстрактныя понятія, а не реальныя существа или отношенія. Столь же мало эмпирически обосновано и то представленіе, что развитіе общества во всѣхъ пунктахъ соціальной жизни одновременно ускоряетъ невыносимыя противорѣчія, которыя какимъ-то образомъ во всемъ объемѣ устраняются,—представленіе о совершенно единообразномъ и однозначномъ развитіи всѣхъ соціальныхъ феноменовъ. Весь ходъ соціальнаго развитія, по марксистской теоріи, распадается—столь рѣзко, какъ только возможно—на „критическія“ и „органическія“ эпохи: для критическихъ эпохъ признается характернымъ противорѣчіе, а для органическихъ гармонія между хозяйствомъ и правомъ. Вопреки этому нужно всегда имѣть въ виду, что 1) реальными и, значитъ, фактически дѣйствующими оказываются лишь отдѣльные хозяйственные и правовые феномены, какъ массовыя явленія, что, слѣдовательно, право и хозяйство имѣютъ реальное существованіе лишь въ видѣ этихъ отдѣльныхъ фактовъ, и что 2) видимость, будто отдѣльные феномены могутъ протекать всѣ одновременно по однозначной формулѣ, создается лишь вызывающимъ это предвзятое мнѣніе обобщеніемъ соціальныхъ феноменовъ въ понятія „хозяйства“ и „права“. Въ реальной общественной жизни не бываетъ ни абсолютнаго противорѣчія между правомъ и хозяйствомъ, ни абсолютной гармоніи между ними, но бываютъ непрестанныя частичныя коллизіи и примиренія областей хозяйственной и правовой. Въ формѣ ихъ и чрезъ ихъ посредство совершается преобразованіе общества. Приспособленіе права къ соціальному хозяйству не прекращается ни одно мгновеніе, и развитіе экономическихъ феноменовъ не только совершается въ рамкѣ общественнаго строя даннаго времени, но это оно именно преобразуетъ эту рамку и расширяетъ ее. Понятіе соціальной революціи, какъ теоретическое понятіе, не только не имѣетъ цѣнности и цѣли, но и прямо вводитъ въ заблужденіе. Если

„соціальная революція“ должна означать всецѣлый переворотъ соціальнаго строя, то она для современнаго мышленія представляется не иначе, какъ продолжительнымъ непрерывнымъ процессомъ соціальныхъ преобразованій. Пусть политическая революція представляетъ собою угловой камень этого развитія, производящая переворотъ сила этого процесса ни въ малѣйшей степени не зависитъ отъ такого событія и вполнѣ можетъ быть мыслима безъ него. Для марксистской теоріи возрастающаго противорѣчія между *правомъ* и *хозяйствомъ* революція, уничтожающая это противорѣчіе, была во всякомъ случаѣ логически необходима. Для того же, кто не принимаетъ этой формулы противорѣчій въ такомъ всеобщемъ значеніи, соціальная революція не есть новое понятіе,—она есть лишь другое имя для соціальной эволюціи и ея результатовъ.

„Діалектическое“ пониманіе необходимо приводитъ къ представленію соціальнаго преобразованія подъ значительно упрощеннымъ образомъ политической революціи. Такое представленіе дѣла рѣшительно нужно назвать грубымъ и неосновательнымъ: соціальное преобразованіе логически есть весьма сложный процессъ развитія, и чѣмъ больше вкладываемъ мы содержанія въ этотъ процессъ, тѣмъ труднѣе представлять его въ видѣ „революціи“. Иначе — чѣмъ крупнѣе переворотъ, тѣмъ менѣе можетъ онъ исчерпываться отдѣльными революціонными актами. Дѣйствительный соціальный переворотъ предполагаетъ и содержитъ гораздо болѣе, чѣмъ отдѣльные революціонные или реформаторскіе законодательные акты обладающихъ въ данное время „политической силой“ факторовъ. Если мы подъ соціальной революціей мыслимъ всецѣлый переворотъ общественнаго строя, то мы можемъ отношеніе такой революціи къ политической, къ „революціи“, формулировать слѣдующимъ образомъ: чѣмъ революціоннѣе соціальное преобразованіе, тѣмъ менѣе оно можетъ быть „революціоннымъ“. Сложность и богатство содержанія исключаютъ простоту метода.

Марксъ и марксисты наивно смѣшиваютъ эволюціонизмъ и революціонизмъ. Это смѣшеніе кристаллизуется въ извѣстной фразѣ, что простое количественное измѣненіе превращается въ новое качество,—фразѣ, которой придаютъ значеніе реальнаго объясненія событія соціальной революціи.

Между тѣмъ эта фраза есть не что иное, какъ описаніе событія посредствомъ логическихъ категорій. Истинный смыслъ этого описанія, которому некритическіе умы придаютъ мистически-діалектическое значеніе, установляется теоріей познанія. Струве принимаетъ установленный Кантомъ „законъ непрерывности всякаго измѣненія“, которымъ открывается теоретико-познавательное значеніе эволюціонизма. Постоянство всякаго, даже наиболѣе глубокаго, измѣненія является необходимымъ познавательно-теоретическимъ и психологическимъ постулатомъ постижимости этого измѣненія. Эволюціонный принципъ подобенъ закону причинности: онъ служитъ общеобязательной формой, въ которой мы должны представлять себѣ глубокое измѣненіе вещей, чтобы понять его. Старое изреченіе: natura non facit saltus нужно, соотвѣтственно этому, измѣнить въ новую формулу: intellectus non patitur saltus. Отсюда слѣдуетъ, что понятіе революціи не можетъ быть самостоятельнымъ теоретическимъ понятіемъ, не можетъ выражать особаго вида соціальнаго преобразованія. Понятіе революціи, такимъ образомъ, перемѣщается въ ту же область, къ которой философія Канта относитъ свободу воли (въ смыслѣ безпричиннаго дѣйствія), субстанціональность души и пр.: это суть практически весьма важныя, теоретически же необязательныя понятія. „Превращеніе количества въ качество“—эта формула есть лишь иное логическое выраженіе, которымъ обозначается глубокое измѣненіе „той же самой вещи“, какъ постоянное и измѣримое. Посредствомъ этого представленія для насъ становится понятнымъ *данное* качественное измѣненіе. И если нужно доказать необходимость перехода отъ капитализма къ соціализму, то слѣдуетъ представить этотъ переходъ, какъ общепонятный процессъ, т. е. какъ непрерывное и причинно-обоснованное измѣненіе общества. Съ познавательно-теоретической точки зрѣнія совершенно ложно—при генетическомъ объясненіи соціализма—непримиримо противопоставлять его капитализму, вслѣдствіе чего теоретическое доказательство его неизбѣжности становится прямо невозможнымъ. При обоснованіи соціализма, какъ необходимой формаціи общества, дѣло идетъ—такъ какъ капитализмъ есть въ дѣйствительности данное, а соціализмъ имѣющее произойти—не о томъ, чтобы отыскать то, что раздѣляетъ обѣ формаціи, а о томъ, что—наоборотъ—ихъ свя-

зываетъ [1]). Съ теоретической, т. е. эволюціонно-исторической точки зрѣнія излюбленное въ марксистской литературѣ указаніе на полное существенное различіе соціализма и капитализма и на невозможность осуществленія соціализма въ рамкахъ капиталистическаго общества и его средствами есть инстанція противъ исторической необходимости и даже противъ возможности соціализма. Чтобы доказать необходимость этого страстно желаемаго невозможнаго, призывается на помощь соціальное чудо—соціальная революція, которая присущею ей творческою силою реализуетъ переходъ количества въ качество. Во всей этой конценціи заключается странное противорѣчіе: существенное различіе капитализма и соціализма необходимо требуетъ соціальной революціи, а послѣднею (превращеніе количества въ качество) отвлеченно предполагается непрерывный переходъ отъ капитализма къ соціализму, который исключается ихъ существеннымъ различіемъ.

Теорію крушенія, или теорію соціальной революціи, нужно, по обоснованному заключенію Струве, признать логически-отвлеченно несостоятельнымъ ученіемъ. Она оказывается отреченіемъ отъ реалистическаго воззрѣнія марксизма [2]).

Критика принципіальная. Принципіальная критика экономическаго ученія Маркса ставитъ вопросъ: обосновывается ли этимъ ученіемъ неизбѣжность наступленія соціалистическаго строя? И чтобы не поставить отрицательный отвѣтъ на этотъ

---

[1]) Эта же мысль внимательно развивается Гаммахеромъ. Онъ указываетъ не только на методологическую ошибку марксизма, но и на фактическую связь соціализма съ капитализмомъ, отнимающую всякое оправданіе у теоріи крушенія. Онъ пишетъ: Ironie der Geschichte hat gewollt, dass das Heilmittel der Organisation, das nach Marx nur die revolutionäre Tat des Proletariats verwirklichen konnte, von den Unternehmern selbst annektiert ist. Damit ist aber einer Verbindung von Kapitalismus und Sozialismus von selbst die Bahn eröffnet. Indem langsam der liberale Individualismus zurückweicht, beginnen die Gegensätze zwischen beiden als Wirtschaftsformen überhaupt zu verblassen und zu verschmelzen.

Ср. также названнаго у него Науманна *Neudeutsche Wirtschaftspolitik* и *Das Schicksal des Marxismus* въ *Neue Rundschau* 1908.

[2]) Die sogenannte „Zusammenbruchstheorie“ oder die Theorie von der sozialen „Revolution“ hat sich somit für uns als eine logisch-begrifflich unhaltbare Lehre erwiesen. Sie bedeutet konsequent durchdacht eine Absage von der realistischen Grundansicht des Marxismus.

вопросъ въ зависимость отъ какихъ-либо случайныхъ промаховъ въ обоснованіи, мы придаемъ вопросу болѣе рѣшительную форму: можно ли научно доказать историческую необходимость наступленія тѣхъ или другихъ соціальныхъ порядковъ? Въ этомъ конкретномъ вопросѣ скрываются два имѣющихъ философскій интересъ, общихъ вопроса: во-первыхъ, можно ли построить цѣль и планъ соціальной дѣятельности на основаніи познанныхъ фактовъ и законовъ соціальной дѣйствительности? во-вторыхъ, возможно ли научное предвидѣніе соціальнаго будущаго? Философскій смыслъ этихъ двухъ вопросовъ выражается такъ: можно ли раціонализировать соціальную жизнь этими двумя путями—путемъ познанія законовъ дѣйствительности и путемъ предвидѣнія будущаго? Этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ ближайшемъ отношеніи его къ теоріямъ марксизма,—отправляясь отъ нихъ и возвращаясь къ ихъ критикѣ.

Отправной пунктъ для насъ въ томъ обстоятельствѣ, что вѣнчающая всѣ экономическія теоріи Маркса теорія крушенія имѣетъ двѣ стороны, состоитъ изъ двухъ идей: во-первыхъ, идея крушенія капиталистическаго строя, какъ естественнаго процесса, совершающагося по неумолимымъ законамъ, независимо отъ человѣческой воли, и, во-вторыхъ, идея соціальной революціи, совершаемой пролетаріатомъ. Эти стороны теоріи нужно было бы разсматривать раздѣльно. Можно было бы сказать: мы разсмотрѣли первую сторону теоріи, теперь намъ нужно обсудить вторую сторону. Но дѣло въ томъ, что первая сторона теоріи марксизма не отдѣлима отъ второй, что первая идея, хотя ее можно обсуждать абстрактно, вся сводится, въ цѣломъ, ко второй идеѣ. Мы утверждаемъ, что теорія крушенія помимо того, что она не соотвѣтствуетъ реалистическому воззрѣнію марксизма, не обосновываетъ исторической необходимости соціалистическаго будущаго потому, что она въ послѣднемъ итогѣ весь процессъ поставляетъ въ зависимость отъ сознанія, отъ психики, отъ воли пролетаріата.

Уже при механическомъ расчлененіи теоріи крушенія видно, что крушеніе капиталистическаго строя, экспропріація экспропріаторовъ, представляетъ собою, по второй сторонѣ теоріи, планъ, который нужно выполнить пролетаріату для реализаціи соціалистическаго общежитія. Нельзя сказать, что „эта

экспропріація совершается въ силу дѣйствія имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства"; нѣтъ, совершается эта экспропріація пролетаріатомъ, а „дѣйствіемъ имманентныхъ законовъ капиталистическаго производства" она лишь подготовляется, обусловливается. Если продумать составъ этой теоріи, если логически опредѣлить взаимное отношеніе факторовъ соціальной революціи, то будетъ очевидно, что единственный субъектъ изъ числа этихъ факторовъ есть пролетаріатъ, а другой факторъ—„имманентные законы капиталистическаго производства"—по отношенію къ нему есть лишь путь его дѣйствій. Объединительная формула теоріи должна быть такова: экспропріація экспропріаторовъ совершится пролетаріатомъ по имманентнымъ законамъ капиталистическаго производства. „Необходимость естественнаго процесса", съ которою „отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ", въ послѣднемъ моментѣ процесса, во всякомъ случаѣ, смѣняется активнымъ участіемъ пролетаріата. „Когда—по словамъ Каутскаго—говорятъ о непреодолимости и стихійной необходимости процесса общественнаго развитія, то само собою предполагается, что люди суть люди, а не бездушные автоматы,—люди съ опредѣленными потребностями, съ опредѣленными физическими и духовными силами, которыя они стараются примѣнить для собственнаго блага. Пассивно подчиняясь тому, что кажется неизбѣжнымъ, мы вовсе не предоставили бы общественному развитію идти своимъ путемъ, но привели бы его къ застою. Никогда еще соціальная революція не совершалась незамѣтно и безъ дѣятельнаго вмѣшательства наиболѣе угнетенныхъ господствующимъ строемъ". Поэтому-то *Коммунистическій манифестъ* „непосредственною *цѣлью* коллективистовъ" ставитъ—„организацію пролетаріевъ въ классовую партію, лишеніе буржуазіи господства, пріобрѣтеніе пролетаріатомъ политической власти". Пролетаріатъ—могильщики буржуазіи, если онъ захочетъ выкопать ей могилу, если онъ захочетъ „побѣдить", если онъ захочетъ, по крайней мѣрѣ, толкнуть падающаго.

Если мы отъ механическаго расчлененія и объединенія теоріи крушенія перейдемъ къ болѣе глубокому, психологическому опредѣленію взаимнаго отношенія факторовъ соціальной революціи, то мы встрѣтимся съ дилеммой: или цѣль и

планъ субъекта этого соціальнаго процесса представляютъ собою всецѣло результатъ познанія данныхъ матеріальныхъ основъ соціальной жизни, познанія законовъ общественнаго развитія, или же они опредѣляются личными интересами, ихъ столкновеніемъ и ихъ комбинаціями. Идеѣ научнаго соціализма соотвѣтствуетъ первое предположеніе. Самая научность соціализма состоитъ въ признаніи возможности опредѣлять общественныя цѣли на основаніи познанія законовъ соціальнаго развитія. Эта мысль раскрывается во всемъ экономическомъ ученіи Маркса; она высказывается Марксомъ и въ отдѣльныхъ тезисахъ. Такъ въ Die heilige Familie онъ пишетъ: „Частная собственность въ своемъ экономическомъ движеніи сама толкаетъ себя къ собственной гибели, но только путемъ независимаго отъ нея, безсознательнаго, противъ ея воли происходящаго и природой самого дѣла обусловленнаго развитія, только путемъ порожденія на свѣтъ пролетаріата, *какъ* пролетаріата,—этой сознающей свою духовную и физическую нищету нищеты, этой сознающей свою отверженность и тѣмъ самымъ себя самое упраздняющей самоотверженности... Дѣло не въ томъ, въ чемъ въ данный моментъ *видитъ* свою цѣль отдѣльный пролетарій или даже весь пролетаріатъ. Дѣло въ томъ, *что такое* пролетаріатъ на самомъ дѣлѣ, и что онъ, согласно этой своей *сущности*, исторически вынужденъ будетъ дѣлать. Его цѣль и его историческая миссія самымъ яснымъ и неоспоримымъ образомъ предуказываются его собственнымъ жизненнымъ положеніемъ, равно какъ и всей организаціей современнаго буржуазнаго общества“. Эту же мысль съ полною ясностью высказываетъ Каутскій. Мы уже видѣли, что онъ въ *Эрфуртской программѣ* называетъ данное имъ изображеніе будущаго соціалистическаго общежитія „не изобрѣтеніемъ рецептовъ для кухни будущаго, а научной переработкой данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ опредѣленныхъ фактовъ“. Еще рѣшительнѣе онъ пишетъ въ разсужденіи объ *этикѣ и матеріалистическомъ пониманіи исторіи*. Здѣсь онъ говоритъ, что наши общественныя цѣли должно сознательно, систематически и послѣдовательно опредѣлять соціальнымъ познаніемъ. „Направленіе общественнаго развитія въ дѣйствительности зависитъ не отъ нашего нравственнаго идеала, а отъ опредѣленныхъ данныхъ матеріальныхъ условій. Эти матеріальныя

условія до извѣстной степени опредѣляли еще въ ранніе періоды нравственное хотѣніе, общественныя цѣли классовъ, стремящихся къ улучшенію своего положенія, но, по большей части, это происходило безсознательно. Но если даже сознательное, направляющее соціальное познаніе и было налицо, какъ, напр., въ восемнадцатомъ столѣтіи, все-же оно дѣйствовало на созданіе общественныхъ цѣлей несистематично и непослѣдовательно". Предложенное марксизмомъ истолкованіе соціальнаго развитія „впервые научило насъ устанавливать наши общественныя цѣли исключительно, опираясь на познаніе данныхъ матеріальныхъ основъ". Никакому нравственному идеалу „нѣтъ мѣста въ *научномъ* соціализмѣ, научномъ изслѣдованіи законовъ движенія развитія общественнаго организма въ цѣляхъ познанія *необходимыхъ* тенденцій и цѣлей пролетарской классовой борьбы". По словамъ Бернштейна [1]), „германская соціалдемократія признаетъ въ настоящее время теоретическимъ обоснованіемъ своей дѣятельности выработанное Марксомъ и Энгельсомъ ученіе, названное ими научнымъ соціализмомъ. Это должно означать, что въ то время, какъ соціалдемократія, въ качествѣ боевой партіи, представляетъ извѣстные интересы и тенденціи и борется за поставленныя себѣ цѣли, она при опредѣленіи этихъ цѣлей признаетъ въ послѣднемъ, конечномъ счетѣ только данныя, могущія быть доказанными объективно и основанныя только на опытѣ, на логикѣ и подобныхъ имъ доказательствахъ".

Такъ научный соціализмъ подводитъ насъ къ первому изъ поставленныхъ вопросовъ: можно ли построить цѣль и планъ соціальной дѣятельности на основаніи познанныхъ фактовъ и законовъ соціальной дѣйствительности? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Экономическая цѣль непосредственно опредѣляется нашими желаніями, нашими интересами, нашими нравственными чувствами, или, какъ говорятъ, нашими идеалами, а внѣшнія условія и соціальные законы, составляющіе объектъ соціально-историческаго познанія, служатъ лишь средствомъ, которымъ мы пользуемся для достиженія своихъ цѣлей. Такъ и понимаетъ соотношеніе соціально-историческихъ факторовъ историкъ Ключев-

[1]) *Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgabe der Socialdemokratie.*

скій. „Люди иногда чувствуютъ неловкость своего положенія, тяжесть общественнаго порядка, въ которомъ живутъ, но не умѣютъ ни опредѣлить, ни объяснить отчетливо этой тяжести и неловкости. Историческое изученіе вскрываетъ неправильности въ складѣ общества, больно и смутно чувствуемыя людьми, указываетъ ненормальное соотношеніе какихъ-либо общественныхъ элементовъ и его происхожденіе и даетъ возможность сообразить средства возстановленія нарушеннаго равновѣсія“ [1]). Для опредѣленія цѣли историческое познаніе имѣетъ лишь то значеніе, что оно ограничиваетъ область возможнаго, что оно изъ ряда цѣлей или идеаловъ, не имъ созданныхъ, заставляетъ выбирать какую-либо одну цѣль, какъ единственно осуществимую при данныхъ условіяхъ. „Наши идеалы“, говоритъ тотъ же историкъ, „пригодны не для всѣхъ, не всегда и не вездѣ. Чтобы знать, какіе изъ нихъ и въ какой мѣрѣ могутъ быть осуществлены въ извѣстномъ обществѣ и въ извѣстное время, надобно хорошо изучить наличный запасъ силъ и средствъ, какой накопило себѣ это общество“. Цѣль должна быть возможною, чтобы быть разумною; она должна сообразоваться съ законами соціальнаго развитія, но активность создается не познаніемъ этихъ законовъ, а интересами и идеалами. Отношеніе нашей практики къ соціальнымъ законамъ то же самое, что и ея отношеніе къ природнымъ законамъ [2]). Мы хотимъ построить мостъ черезъ рѣку въ извѣстномъ мѣстѣ: возможно ли это, покажетъ изученіе законовъ механики въ примѣненіи къ данному строительному матеріалу и данной мѣстности. Но какъ бы ни были несомнѣнны эти законы, изученіе ихъ не породитъ само по себѣ желанія построить мостъ въ этомъ мѣстѣ: желаніе привходитъ къ познанію изъ сердца. То же и въ отношеніи къ соціальнымъ законамъ: и соціальное познаніе не можетъ служить единственнымъ

[1]) *Курсъ русской исторіи.*

[2]) Вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ можно говорить о соціально-историческомъ законѣ, у насъ изслѣдуется ниже. Теперь мы употребляемъ этотъ терминъ съ такимъ значеніемъ, которое не противорѣчило бы ни одной изъ извѣстныхъ теорій соціально-историческаго процесса, которое не предполагаетъ спеціальной научной теоріи. Тѣмъ менѣе, конечно, мы обязаны считаться съ теоріей контингентности законовъ природы, о которой см. и проф. Введенскаго *Очеркъ современной французской философіи.*

источникомъ, единственнымъ объясненіемъ соціальной практики. Основательное сужденіе по этому вопросу мы читаемъ въ книгѣ Штаммлера [1]). „Если бы соціальное развитіе состояло *исключительно* въ единомъ цѣлостномъ естественномъ процессѣ соотвѣтственно каузальной необходимости, то всякое сознательное рѣшеніе слѣдовать *ему* было бы просто-напросто безсмыслицей. Совершенно то же, что сознательное рѣшеніе вертѣться вмѣстѣ съ землею вокругъ солнца. Здѣсь какъ разъ неясно выражены и смѣшаны воедино два различныхъ и другъ друга исключающихъ, противоположныхъ класса въ возможномъ содержаніи нашихъ представленій. Одно изъ двухъ: *или я познаю* явленіе и движеніе въ его естественной необходимости и на особыхъ основаніяхъ предвижу каузально неизбѣжный результатъ,—тогда вообще по отношенію къ этому естественному процессу нѣтъ болѣе мѣста ни волѣ, ни рѣшенію. *Или* же я имѣю твердое *рѣшеніе и волю* достигнуть извѣстнаго результата,—тогда здѣсь, въ сущности, заключается такой моментъ, который свидѣтельствуетъ, что непреложная естественная необходимость даннаго событія еще не познана, какъ несомнѣнная и достовѣрная. Совершенно вѣрно: фактически мы имѣемъ волю и рѣшеніе,—это несомнѣнный фактъ, который доказывается всякимъ актомъ самоуглубленія,—фактъ, установленный въ содержаніи нашихъ представленій. И несомнѣнно, что соціальныя стремленія такого рода, благодаря возможности познать каузальную связь между феноменами общественныхъ движеній, ни въ какомъ случаѣ не кажутся противорѣчивыми или сами по себѣ безсмысленными. Ибо и здѣсь повторяется то же самое: *опытъ*, въ качествѣ научнаго познанія, есть не что иное, какъ объединеніе наличныхъ воспріятій подъ однимъ общимъ угломъ зрѣнія; но идея имѣющаго быть сдѣланнымъ *выбора* и имѣющей быть установленной цѣли по своему содержанію совершенно отлична отъ идеи такихъ представленій, которыя являются воспріятіями, и ея дальнѣйшее изслѣдованіе подчинено особому закону. Но поскольку это, дѣйствительно, признано—а гдѣ этого

---

[1]) *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung= Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи.*

нѣтъ въ человѣческой жизни! — поскольку вообще приходится допустить и признать соціальныя *стремленія* въ полномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ самымъ уже покинута почва исключительно каузальнаго изслѣдованія. Простое *познаніе* каузально познаннаго процесса не допускаетъ никакого *стремленія*. А гдѣ есть стремленіе и воля, тамъ представляемый ими себѣ результатъ не можетъ быть понятъ, какъ фактъ, объясненный по закону причинности". Вообще, говоря словами Мюнстерберга [1]), „никакое въ мірѣ знаніе фактовъ не можетъ сказать намъ, что̀ мы должны дѣлать, и никакая наука не можетъ показать намъ, каковы должны быть наши намѣренія и наши обязанности, наши цѣли и наши идеалы. Мы хотимъ довѣрять только фактамъ и въ своей слѣпотѣ не видимъ основного факта, что факты имѣютъ цѣнность лишь тогда, когда служатъ для достиженія какихъ-либо конечныхъ цѣлей, которыя воля должна создать и которыхъ никакое знаніе не даетъ". Струве [2]) для сознанія объективныхъ явленій хозяйства употребляетъ терминъ лимитаціи въ отличіе отъ мотиваціи: хозяйствующій субъектъ ими не *мотивируется*, а *лимитируется*. Также Туганъ-Барановскій [3]): „идеалъ даетъ намъ верховныя цѣли нашей дѣятельности, наука указываетъ средства для осуществленія этихъ цѣлей и снабжаетъ насъ вѣрнымъ критеріемъ для опредѣленія, что̀ въ нашихъ цѣляхъ и въ какой мѣрѣ осуществимо" [4]).

---

[1]) *Психологія и учитель.*

[2]) *Жизнь* 1900 г.

[3]) *Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма.*

[4]) Также Фулье *Le socialisme et la sociologie réformiste:* La vraie science sociale n'est á l'avance ni socialiste ni individualiste. Elle étudie d'abord le réel et s'efforce,—tâche déjà énorme—d'en saisir tous les principaux éléments, toutes les lois dominantes, ainsi que les grandes réactions des faits sociaux les uns sur les autres. Quand elle devient sociologie appliquée, elle cherche ce qui est *désirable* au point de vue juridique, moral, économique; puis elle se demande quelles modifications de la réalité sont actuellement *possibles* en vue de cet idéal.

С. Булгаковъ *Философія хозяйства*: „Соціальная политика, какъ видъ техники, въ силу дѣйственнаго своего характера направляется волей: она ставитъ идеалы политики, наука же лишь консультируется относительно средствъ, а не цѣлей.

Даже Плехановъ *Отъ обороны къ нападенію*: „Человѣкъ можетъ по-

Если мы приложимъ эти общія сужденія къ научному соціализму, то мы будемъ вынуждены различать въ немъ то, что онъ самъ въ себѣ „видитъ“, и то, что такое научный соціализмъ „на самомъ дѣлѣ“, что онъ представляетъ изъ себя „въ своей сущности“.

Научный соціализмъ отличаетъ себя отъ соціализма утопическаго въ томъ смыслѣ, что-де утописты создавали планъ будущаго общества всецѣло изъ своей головы, не сообразуясь съ дѣйствительностью, тогда какъ научный соціализмъ улавливаетъ планъ новаго общества въ чертахъ данной дѣйствительности. Такъ пишетъ Энгельсъ въ Антидюрингѣ. „Утописты были утопистами потому, что они не могли быть ничѣмъ инымъ въ ту эпоху, когда капиталистическое производство было еще такъ слабо развито. Они вынуждены были конструировать элементы новаго общества изъ своей головы, ибо эти элементы еще не выступали явно для всѣхъ въ самомъ старомъ обществѣ; при начертаніи плана новаго зданія они ограничивались обращеніемъ къ разуму, ибо они еще не могли апеллировать къ современной имъ исторіи“ [1]).

знать истину путемъ изученія законовъ природы и осуществить свои идеалы, опираясь на эти законы“.

Вспомнимъ, что затронутая здѣсь проблема издавна съ особымъ вниманіемъ обсуждается исторической школой политической экономіи. Такъ Кауцъ *Die National-Oekonomik als Wissenschaft*: Was wir thun können und thun dürfen, ist die Feststellung von concreten, geschichtlichen, progressiven, Idealen und Musterbildern, durch welche auf das gerade hier und gerade jetzt Leistbare, Mögliche und Erreichbare hingewiesen würde. Bei aller Beachtung der Schranken und Grenzen der Menschennatur im Allgemeinen, so wie auch aller Besonderheiten und Eigenthümlichkeiten der einzelnen Völker und Staatenkreise, werden wir hiedurch einerseits den Blick für das Historisch-Gegebene und das Ideal-Geforderte gleichmässig offen halten, andererseits dem freien ‚schöpferischen Elemente des Menschengeistes seine volle Berechtigung wahren, zugleich aber auch die fundamentale und bedeutsame Thatsache vor Augen halten, dass nur das jeweilig Mögliche, Realisirungsfähige und Erreichbare ins Auge gefasst werde und die Theorie der National-Oekonomik zur Erkenntniss jener besonderen Wege, Veranstaltungen und Mitteln leite, welche für die organisch sich entwickelnde Menschheit und die einzelnen Völker, nach den verschiedenen Lebensaltern und nationalen Eigenthümlichkeiten verschieden sind u. s. w.

[1]) Осторожнѣе говоритъ Марксъ въ *Нищетѣ философіи*: „Пока пролетаріатъ еще недостаточно развился, чтобы конституироваться въ классъ, пока, слѣдовательно, самая борьба пролетаріата съ буржуазіей

Такъ смотритъ на себя научный соціализмъ, но не то онъ въ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ невозможно опредѣлить соціальныя цѣли всецѣло изъ соціальнаго познанія безъ обращенія къ сферѣ желаній, интересовъ, идеаловъ,—и научный соціализмъ въ дѣйствительности не представляетъ *такого* опредѣленія соціальныхъ цѣлей. Научный соціализмъ не можетъ отличаться и не отличается отъ утопическаго отношеніемъ къ идеалу, къ оцѣнкѣ дѣйствительности,—въ этомъ отношеніи оба соціализма равны; научный соціализмъ можетъ претендовать на отличіе отъ утопическаго единственно по своему отношенію къ средствамъ и условіямъ реализаціи соціальнаго идеала. Утопическій соціализмъ набрасывалъ планы идеальнаго строя совершенно такъ же, какъ это дѣлаетъ нынѣ научный соціализмъ, т. е. исходя изъ желаній, идеаловъ; но утописты изъ множества роящихся въ головахъ людей плановъ, скажемъ, не дѣлали выбора возможнаго плана по вниманію къ законамъ, управляющимъ реальною жизнью общества, а новѣйшіе соціалисты, скажемъ, дѣлаютъ этотъ выборъ: въ этомъ все отличіе научнаго соціализма отъ утопическаго [1]). Иначе сказать, это отличіе возникаетъ только по вопросу о возможности, но

еще не носитъ политическаго характера, а производительныя силы еще недостаточно развились въ нѣдрахъ самой буржуазіи, чтобы позволить предусмотрѣть матеріальныя условія, необходимыя для эмансипаціи пролетаріата и для образованія новаго общества, до тѣхъ поръ теоретики (пролетаріата) являются только утопистами, которые, желая удовлетворить потребностямъ угнетенныхъ классовъ, выдумываютъ системы и ищутъ возрождающей науки"...

[1]) Утописты, какъ говоритъ хорошо Бернштейнъ *(Zur Geschichte und Theorie des Socialismus=Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма)*, „ошибались относительно данныхъ средствъ и существующихъ возможностей". Однако и утопическій соціализмъ, по вѣрному наблюденію Прокоповича (*Проблемы соціализма*), никогда не былъ всецѣло порожденіемъ головы,—всѣ утопическіе проэкты идеализировали какіе-нибудь дѣйствительные порядки, дѣйствительные опыты. „Государство" Платона представляетъ собою лишь развитіе и идеализацію существовавшихъ въ Спартѣ и на Критѣ общихъ трапезъ, коммунизмъ Т. Мора, Морелли и Бабёфа является идеализаціей дворовыхъ общинъ средневѣковыхъ крестьянъ, соціализмъ Фурье и Луи Блана—идеализаціей производительныхъ ассоціацій сыроваровъ и ремесленниковъ, государственный соціализмъ Базара, Пеккёра (и Маркса)—идеализаціей государственныхъ промышленныхъ предпріятій новѣйшаго времени.

никакъ не по вопросу о необходимости будущаго общества. Вѣрно говоритъ Струве [1]): „Идеалъ (утопическій) остался (въ научномъ соціализмѣ) неизмѣннымъ (сравнительно съ утопизмомъ); измѣнился лишь взглядъ на условія его реализаціи. Самъ же идеалъ стоитъ внѣ науки или, если хотите, выше ея, хотя и нуждается въ научной санкціи. Какъ душа нуждается въ тѣлѣ, такъ идеалъ нуждается въ томъ, чтобы на его сторонѣ стояла дѣйствительность, чтобы ему, въ силу необходимаго хода вещей, принадлежало будущее. Иначе можно выразиться такъ: идеальная цѣль всегда нуждается въ *реальной* связи съ *реальнымъ* средствомъ". Поэтому, научный соціализмъ „не претендуетъ давать отвѣтъ на вопросъ: что дѣлать? Этотъ вопросъ рѣшается въ другой инстанціи—интересовъ и идеаловъ. Онъ говоритъ лишь: какъ дѣлать" [2]).

Это сужденіе о соціализмѣ приложимъ, въ частности и конкретнѣе, къ двумъ пунктамъ научно-соціалистической теоріи: во-первыхъ, къ оцѣнкѣ въ этой теоріи активной роли пролетаріата и, во-вторыхъ, къ значенію идеальнаго элемента въ собственныхъ научно-экономическихъ взглядахъ марксизма.

Мы видѣли, что при исчисленіи факторовъ соціальной революціи марксизмъ къ дѣйствію имманентныхъ законовъ капиталистическаго производства присоединяетъ выступленіе въ послѣднемъ актѣ революціи пролетаріата. Мы далѣе видѣли, что *въ своихъ формулахъ* марксизмъ смотритъ на соціальную революцію какъ на естественный процессъ и, соотвѣтственно этому, признаетъ цѣли пролетаріата вытекающими съ естественною необходимостью изъ данной хозяйственной организаціи современнаго общества. Между тѣмъ *на дѣлѣ*, въ детальномъ раскрытіи своихъ взглядовъ, въ конкретномъ описаніи разныхъ фазисовъ соціальной революціи, марксизмъ отводитъ пролетаріату, и именно его со-

---

[1]) *На разныя темы* (ст. *Свобода и историческая необходимость*).

[2]) Хорошо сказано и у Прокоповича въ *Проблемахъ соціализма*: „И послѣ захвата политической власти пролетаріатъ можетъ воспользоваться наукою только какъ служебнымъ орудіемъ, а не руководящимъ принципомъ. Руководящимъ принципомъ останутся интересы, нужды людей".

знанію—его интересамъ, нравственнымъ чувствамъ, идеаламъ, болѣе активную и болѣе самобытную роль.

И, прежде всего, данная хозяйственная организація, которая описывается какъ будто объективно, объясняется какъ будто каузально,—въ дѣйствительности освѣщается въ этихъ описаніяхъ, въ марксистскихъ теоріяхъ, съ *субъективной* точки зрѣнія. Съ чисто объективной стороны соціальные законы всецѣло входятъ въ область каузальной *необходимости*, но съ точки зрѣнія субъекта соціальнаго дѣйствія, въ данномъ случаѣ пролетаріата, они составляютъ лишь средство соціальнаго дѣйствія, условіе реализаціи желаній, они дѣлаютъ *возможнымъ* соціальное дѣйствіе, достиженіе идеаловъ. Во всѣхъ экономическихъ теоріяхъ, которыя увѣнчиваются теоріей крушенія и составляютъ ея базисъ и ея содержаніе,—въ теоріи прибавочной цѣнности, въ теоріи накопленія и сосредоточенія капитала, концентраціи производства, организація капиталистическаго хозяйства оцѣнивается съ той стороны, что она дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе соціалистическихъ идеаловъ пролетаріата. Марксистская формула провозглашаетъ: „буржуазія производитъ своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея пораженіе и побѣда пролетаріата одинаково неизбѣжны". Эта неизбѣжность, оказывается, имѣетъ единственно тотъ *реальный* смыслъ, что организація труда, неизбѣжная для капиталистическаго производства, дѣлаетъ вполнѣ мыслимымъ, возможнымъ наступленіе соціалистическаго строя. Этотъ реальный смыслъ названныхъ теорій и раскрываетъ Энгельсъ въ *Антидюрингѣ*. „Переходъ всѣхъ средствъ производства въ руки общества нерѣдко, со времени выступленія въ исторіи капиталистическаго способа производства, предносился, болѣе или менѣе неясно, какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ фракціямъ въ качествѣ будущаго идеала. Но переходъ этотъ сталъ впервые возможнымъ (erst möglich), сдѣлался впервые историческою необходимостью, когда оказались налицо матеріальныя условія его осуществленія (die materiellen Bedingungen ihrer Durchführung). Какъ и всякій иной общественный прогрессъ, онъ становится выполнимымъ (wird ausführbar) не вслѣдствіе наступившаго пониманія того, что существованіе классовъ противорѣчитъ справедливости, равенству и т. д., не вслѣдствіе простого желанія уничтожить раздѣленіе на классы,

но вслѣдствіе извѣстныхъ новыхъ экономическихъ условій. Распаденіе общества на эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ, на господствующій и угнетенный классы было необходимымъ слѣдствіемъ прежняго незначительнаго развитія производства". Когда продукты общественнаго труда едва превышали удовлетвореніе насущныхъ потребностей, тогда на ряду съ членами общества, всецѣло погруженными въ работу, долженъ былъ, по мысли Энгельса, существовать незначительный классъ людей, свободныхъ отъ заботъ о насущномъ пропитаніи и имѣющихъ возможность посвятить себя руководству трудомъ, государственнымъ дѣламъ, юстиціи, наукѣ, искусствамъ и т. д. „Но если, такимъ образомъ, раздѣленіе на классы имѣетъ извѣстное историческое оправданіе, то оправданіе это имѣло силу лишь для даннаго времени, для данныхъ общественныхъ условій. Раздѣленіе на классы основывалось на незначительности производства, но оно будетъ отмѣнено вслѣдствіе полнаго развитія новѣйшихъ производительныхъ силъ". Существованіе господствующаго класса становится излишнимъ. „Этотъ моментъ теперь и наступилъ... Возможность обезпечить посредствомъ общественнаго производства всѣмъ членамъ общества такое существованіе, которое не только матеріально вполнѣ удовлетворительно и со дня на день становится богаче, но и гарантируетъ имъ также полное безпрепятственное раскрытіе и проявленіе ихъ тѣлесныхъ и духовныхъ задатковъ, эта возможность теперь впервые осуществилась, но уже осуществилась" [1]).

Тѣмъ болѣе другія экономическія теоріи марксизма— теорія кризисовъ и теорія обнищанія рабочихъ—какое имѣютъ онѣ значеніе безъ отношенія къ субъективной оцѣнкѣ? По данному выше изложенію этихъ теорій, кризисы и обнищаніе рабочихъ свидѣтельствуютъ и доказываютъ, что „общество не можетъ болѣе существовать подъ господствомъ буржуазіи", что „буржуазія неспособна выполнять роль пра-

[1]) Die Möglichkeit, vermittelst der gesellschaftlichen Produktion allen Gesellschaftsgliedern eine Existenz zu sichern, die nicht nur materiell vollkommen ausreichend ist und von Tag zu Tag reicher wird, sondern die ihnen auch die vollständige freie Ausbildung und Bethätigung ihrer körperlichen und geistigen Anlagen garantirt, diese Möglichkeit ist jetzt zum erstenmal da, aber sie ist da.

вящаго класса". По словамъ Энгельса въ *Антидюрингѣ*, „съ одной стороны, капиталистическій способъ производства приводится къ убѣжденію (wird überführt) въ своей собственной неспособности къ дальнѣйшему управленію производительными силами; съ другой стороны, эти производительныя силы сами требуютъ съ возрастающей энергіей освобожденія ихъ отъ ихъ свойства быть капиталомъ, *фактическаго признанія ихъ характера, какъ общественныхъ производительныхъ силъ*. Именно это противодѣйствіе, оказываемое могущественно развивающимися производительными силами ихъ капиталистическому характеру, это возрастающее принужденіе къ признанію (Zwang zur Anerkennung) ихъ общественной природы, все болѣе и болѣе заставляетъ (nöthigt) самый классъ капиталистовъ обращаться съ ними какъ съ общественными производительными силами, поскольку это вообще возможно внутри капиталистическихъ отношеній". Что все это значитъ? Да единственно то, что кризисы и обнищаніе рабочихъ служатъ мотивами къ измѣненію общественнаго строя. Какъ бы ни ударялъ Энгельсъ на моментѣ принужденія, называя кризисы понудительнымъ средствомъ къ общественному перевороту (Zwangsmittel der gesellschaftlichen Umwälzung), ему не затѣнить скрывающагося здѣсь указанія на моментъ мотивацiи. Тѣмъ рѣшительнѣе это можно сказать о значеніи обнищанія рабочихъ для самого пролетаріата. Здѣсь можетъ быть рѣчь не о чемъ иномъ, какъ только о мотивахъ; внѣ мотивацiи ни о какой стихійной непзбѣжности здѣсь нѣтъ основаній говорить. И когда Марксъ пишетъ, что „буржуазія не можетъ править потому, что неспособна обезпечить существованіе своему рабу", и Энгельсъ повторяетъ за нимъ, что „только теперь господствующій и эксплуатирующій классъ сталъ излишнимъ, сталъ даже препятствіемъ для общественнаго развитія, и теперь только онъ неумолимо устраняется, хотя и имѣетъ въ своемъ распоряженіи непосредственную силу", то они просто не договариваютъ своей мысли. Мысль марксизма до конца договариваетъ Каутскій, какъ бы проговариваясь въ своемъ отрицательномъ отзывѣ о книжкѣ Менгера Neue Sittenlehre,—извѣстно, какъ много охотниковъ замѣчать сучекъ въ глазѣ другого, не чувствуя бревна въ собственномъ глазу. Каутскій пишетъ: „Если бы Менгеръ былъ правъ въ своемъ объясненіи нравственности,

если бы послѣдняя дѣйствительно вытекала изъ *матеріальнаго принужденія*, которое въ состояніи производить различные соціальные факторы власти, то всякое соціальное развитіе было бы невозможнымъ. Ибо оно вытекаетъ изъ протеста подымающихся классовъ противъ тѣхъ, которые пользуются политическою властью. А политическая или соціальная борьба немыслима безъ нравственнаго возмущенія по адресу противника. Откуда взяться ему, если принудительная сила власть имущихъ производитъ нравственность? Можетъ быть, укажутъ на то, что политическія и экономическія организаціи порабощенныхъ также могутъ обнаружить извѣстную принудительную силу, которая въ этомъ случаѣ порождаетъ оппозиціонную нравственность. Но безъ предшествующаго нравственнаго возмущенія развитіе оппозиціонныхъ организацій порабощенныхъ классовъ совсѣмъ немыслимо. Нравственное возмущеніе по отношенію къ господствующимъ—первоначальная форма, въ которой выражается оппозиція развивающагося класса. Оно составляетъ основаніе всякой иной формы оппозиціи, и когда какой-нибудь классъ, уже опустившійся, давно пересталъ оказывать политическое и соціальное сопротивленіе навязанному ему новому режиму, онъ еще долго сохраняетъ въ своемъ нравственномъ сознаніи протестъ противъ этого режима. Нравственное возмущеніе противъ даннаго политическаго и соціальнаго положенія, противъ матеріальнаго принужденія со стороны соціальныхъ властей, это первая и послѣдняя основная форма явленія классоваго противорѣчія, самая примитивная и самая продолжительная побудительная причина классовой борьбы“ [1]).

Дѣло ясное: марксизмъ, не удерживаясь въ чистой области объективнаго познанія, упирается въ другую область—интересовъ, нравственнаго чувства, идеаловъ. Онъ находитъ себя вынужденнымъ считаться съ морально-психическимъ началомъ и разсчитывать на него. Вмѣстѣ съ однимъ критикомъ мы можемъ сказать, что поставленная Марксомъ проблема не есть проблема логики, но проблема психоло-

---

[1]) Нравственное ученіе соціализма, въ частности Менгера и Каутскаго, у насъ обсуждается ниже. Еще разъ мы разсмотримъ и приведенный отрывокъ.

гіи [1]). Соціально-психическій элементъ есть элементъ неустойчивый, колеблющійся, измѣнчивый, не поддающійся раціонализаціи.

Мы теперь поставимъ вопросъ,—который могли бы поставить, или повторить, и нѣсколько ниже [2]),—вопросъ: какимъ же образомъ научный соціализмъ, не взирая на этотъ соціально-психическій элементъ своей системы, считаетъ возможнымъ настаивать на исторической неизбѣжности соціалистической организаціи хозяйства, т. е. приписывать детерминистическій характеръ всему соціально-экономическому процессу? На этотъ вопросъ отвѣтить можно. Мы видимъ, что цѣлый соціально-экономическій процессъ имѣетъ дуалистическій составъ, образуется изъ двухъ элементовъ: элемента логически-объективнаго, допускающаго образованіе законовъ соціально-экономической жизни, и элемента субъективно-психическаго, не поддающагося такой раціонализаціи [3]). Научный соціализмъ смѣши-

[1]) Das durch Marx gestellte Problem ist nicht ein solches der Logik, sondern der Psychologie. W. Wagner въ *Arch. f. syst. Phil.* XVII.

[2]) Послѣ того, какъ укажемъ на присутствіе идеализма въ научно-соціалистической системѣ и разсмотримъ вопросъ о возможности историческихъ предсказаній.

[3]) Чичеринъ *Философія права* говоритъ о естественной и свободной сторонахъ экономической жизни. Съ одной стороны, „дѣйствіе личнаго интереса въ экономической области не зависитъ вполнѣ отъ человѣческаго произвола. Человѣкъ можетъ достигнуть своихъ цѣлей, только сообразуясь съ чужими потребностями и подчиняясь тѣмъ законамъ, которыми управляются эти отношенія. Эти законы не суть произведенія человѣческой воли; они вытекаютъ изъ природы вещей, изъ отношенія человѣка къ матеріальному міру и къ другимъ свободнымъ единицамъ. Подобно тому какъ физическую природу человѣкъ можетъ покорять себѣ, только подчиняясь ея законамъ, такъ и въ экономической области онъ можетъ достигать своихъ цѣлей, только подчиняясь управляющимъ ею законамъ". Съ другой стороны, „между экономическими отношеніями и нравственными требованіями есть та общая черта, что и тѣ и другія суть явленія свободы, вслѣдствіе чего эти двѣ области остаются самостоятельными, а соглашеніе ихъ предоставляется свободной волѣ лицъ. Экономическая наука изслѣдуетъ, какого рода отношенія возникаютъ изъ взаимодѣйствія свободныхъ единицъ при покореніи внѣшней природы и обращеніи ея на пользу человѣка, и какими законами отношенія эти управляются". Признаніе дуализма въ соціальной жизни мы встрѣчаемъ у соціологовъ-психологистовъ Гиддингса, Макензи и особенно Уорда, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь

ваетъ эти разныя стороны общественно-историческаго процесса и черты одной стороны переноситъ на другую, харак-

---

ниже. Заслуживаетъ исключительнаго вниманія ст. *Основной дуализмъ общественно-экономическаго процесса и идея естественнаго закона* (*Вопросы философіи и психологіи* кн. 104) Струве. По развитому здѣсь взгляду, въ единомъ общественно-экономическомъ процессѣ есть два ряда явленій, въ каждый данный моментъ или, вѣрнѣе, въ каждомъ изучаемомъ отрѣзкѣ времени существенно отличающіеся одинъ отъ другого Одинъ рядъ, могущій быть раціонализованнымъ, т. е направленнымъ согласно волѣ того или иного субъекта, другой рядъ, не могущій быть раціонализованнымъ, протекающій стихійно, внѣ соотвѣтствія съ волей какого-либо субъекта. Первый рядъ явленій составляютъ отношенія человѣка или, общѣе и точнѣе, человѣческихъ субъектовъ къ природѣ,—они принципіально поддаются полной раціонализаціи. Самое природу, конечно, человѣкъ не можетъ раціонализировать до конца, но свои отношенія къ природѣ онъ можетъ раціонализировать до конца. Природа можетъ противостоять человѣку какъ нѣчто „данное", отъ него независимое, но и въ принципѣ, и фактически эта „данность", т. е. степень независимости природы отъ человѣка, поддается учету и ничего загадочнаго не представляетъ; поскольку же природа не только дана человѣку, но и зависитъ отъ него, она для него вполнѣ обозрима, и не только не представляетъ ничего загадочнаго, но, наоборотъ, всецѣло подчиняется его контролю, есть покорное звено въ его хозяйственномъ планѣ. Поэтому-то отношенія человѣческихъ субъектовъ къ природѣ принципіально поддаются раціонализаціи, ибо и „ирраціональное" въ нихъ есть нѣкоторое извѣстное и постоянное „данное", которое можетъ быть легко и просто вдвинуто въ раціональный планъ. Второй рядъ явленій, не допускающій раціонализаціи общественно-экономическаго процесса, это—отношенія между людьми. Отношенія между людьми, не будучи просто „данными" въ отличіе отъ явленій и силъ природы, не могутъ находиться и всецѣло во власти и подъ учетомъ какого-либо человѣческаго субъекта; ихъ Струве называетъ „естественными", отступая въ терминологіи отъ Милля, Б. Гильдебранда и Маркса. Марксъ, правда, подмѣтилъ указанную особенность отношеній между людьми, но онъ познавалъ ее лишь историческою особенностью товарнаго производства. На самомъ дѣлѣ этотъ дуализмъ присущъ всякому общественно-экономическому процессу, какъ бы ни было организовано общество въ хозяйственномъ отношеніи, если только въ этомъ обществѣ существуетъ въ той или иной мѣрѣ хозяйственное общеніе.

И этотъ дуализмъ составляетъ одно изъ основныхъ положеній исторической школы политической экономіи Такъ Книсъ *Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpuncte* выставляетъ тезисъ (der Satz), dass eine ökonomische Thatsache nicht in einer naturgesetzlichen Manifestation von Gesetzen der realen Welt allein besteht, dass sie vielmehr erst durch das Hinzutreten einer Thätigkeit des Menschen zum Vorschein

теръ части усвояетъ цѣлому процессу. Онъ дѣлаетъ то же, какъ если бы строители моста считали весь процессъ постройки неизбѣжнымъ вслѣдствіе независимости отъ личной воли законовъ механики. Существуютъ законы соціально-экономическаго бытія, съ которыми должна сообразоваться общественная практика, которые дѣлаютъ возможными только извѣстные планы; марксисты необходимость этихъ законовъ переносятъ на весь процессъ осуществленія опредѣленнаго плана, достиженія опредѣленнаго идеала. Ихъ рѣчь и переходитъ всегда отъ необходимости этихъ законовъ къ мотивамъ соціалистическаго движенія, къ пониманію условій общественнаго строительства, затушевывая находящійся здѣсь перерывъ, такъ что послѣдній почти скрывается отъ нашего усмотрѣнія. Вотъ какъ пишетъ Энгельсъ: „Крупная промышленность развила скрывающіяся въ капиталистическомъ способѣ производства противорѣчія въ столь вопіющіе антагонизмы, что приближающееся крушеніе можетъ быть, такъ сказать, нащупано руками, что новыя производительныя силы могутъ сохраняться и развиваться далѣе лишь при введеніи новаго, соотвѣтствующаго ихъ нынѣшней стадіи развитія, способа производства, что борьба между двумя классами, созданными существующимъ способомъ производства и постоянно воспроизводимыми съ возрастающимъ обостреніемъ ихъ взаимнаго противорѣчія, охватила всѣ цивилизованныя страны и съ каждымъ днемъ усиливается, и что уже достигнуто пониманіе этого историческаго процесса, условій ставшаго благодаря ему необходимымъ соціальнаго преобразованія и имъ же обусловленныхъ основныхъ чертъ этого преобразованія“. Легко можно конкретно, осязательно

---

kommt. Auch das nationalökonomische Gesetz kann deshalb nicht der Ausdruck von naturgesetzlichen Wirkungen der realen Welt allein sein. Es handelt sich hier vielmehr um Erscheinungen, welche sich *Functionen* in der Grössenlehre zur Seite stellen lassen. Wie der Begriff der Geschwindigkeit eine Function ist von Bewegung und Zeit, so sind die ökonomischen Thatsachen und durch sie auch die nationalökonomischen Gesetze Ergebnisse aus einer Combination von zwei unterschiedlichen Factoren, deren einer, der *reale* Factor, dem Erscheinungsgebiet der materiellen Aussenwelt angehörig ist, während der andere, der *personale* Factor, dem Geistesleben in dem Innern des Menschen entstammt. Отсюда выводился an Stelle eines Absolutismus der Lösungen das Princip der Relativität въ примѣненіи къ политической экономіи.

представить себѣ рожденіе новаго строя изъ элементовъ наличнаго общества, но также-ли легко совершается *дѣйствіе* соціальнаго преобразованія, это другой вопросъ. Между ними Энгельсъ не дѣлаетъ различія. Для него необходимость естественнаго процесса незамѣтно переходитъ въ нравственную или разумную необходимость преобразованій. Въ частности пресловутый методъ отысканія „соціальныхъ противорѣчій“ неизбѣжно приводитъ къ субъективному фактору. Капиталистическій способъ производства *доказываетъ* свое банкротство, ростетъ необходимость *признанія* соціальной природы производительныхъ силъ. Представители научнаго соціализма убѣждены, что естественная неизбѣжность законовъ, управляющихъ національнымъ хозяйствомъ, переливается въ мотивированное дѣйствіе соціальнаго преобразованія, естественная неизбѣжность средствъ становится фатальною принудительностью дѣйствія. Но дѣйствительно ли здѣсь нѣтъ перерыва? По словамъ Энгельса, „современная крупная промышленность создала, съ одной стороны, пролетаріатъ, классъ, который впервые въ исторіи можетъ выставить требованіе отмѣны не той или другой специфической классовой организаціи, не той или иной особенной классовой привиллегіи, но вообще классовъ, и который поставленъ въ такое положеніе, что онъ долженъ провести это требованіе подъ угрозою (sie diese Forderung durchführen muss bei Strafe), въ противномъ случаѣ, опуститься до положенія китайскихъ кули. И, съ другой стороны, та же крупная промышленность создала въ лицѣ буржуазіи такой классъ, который владѣетъ монополіей всѣхъ орудій производства и жизненныхъ средствъ, но въ каждый періодъ спекуляціи и слѣдующаго за нимъ краха доказываетъ (beweist), что онъ сталъ неспособнымъ къ дальнѣйшему господству надъ производительными силами, переросшими его мощь, классъ, подъ руководствомъ котораго общество несется навстрѣчу катастрофѣ, подобно локомотиву, у котораго машинистъ не въ силахъ открыть прищемленный спасительный клапанъ. Другими словами, дѣло въ томъ, что, какъ созданныя современнымъ капиталистическимъ способомъ производства производительныя силы, такъ и выработанная имъ система распредѣленія благъ вступили въ вопіющее противорѣчіе съ самымъ этимъ способомъ производства и притомъ въ такой

стѣпени, что переворотъ въ способѣ производства и распредѣленія, который устранитъ всѣ классовыя различія, долженъ наступить непремѣнно, чтобы не погибнуть всему современному обществу (falls nicht die ganze moderne Gesellchaft untergehn soll). Въ этомъ осязательномъ матеріальномъ фактѣ, который въ болѣе или менѣе ясной формѣ съ непреодолимой необходимостью проникаетъ въ головы эксплуатируемыхъ пролетаріевъ (in dieser handgreiflichen, materiellen Thatsache, die sich den Köpfen der ausgebeuteten Proletarier mit unwiderstehlicher Nothwendigkeit in mehr oder weniger klarer Gestalt aufdrängt),— въ немъ, а не въ представленіяхъ того или другого ученаго домосѣда о справедливости или несправедливости, коренится наша увѣренность въ побѣдѣ новѣйшаго соціализма“ [1]). Также Каутскій въ *Эрфуртской программѣ*: „Если мы считаемъ неизбѣжнымъ уничтоженіе частной собственности на средства производства, то не въ томъ смыслѣ, что въ одинъ прекрасный день въ ротъ эксплуатируемыхъ, безъ старанія съ ихъ стороны, полетятъ жареные голуби соціальныхъ революцій. Мы считаемъ неизбѣжнымъ крушеніе современнаго общества потому, что мы знаемъ, что экономическое развитіе съ необходимостью естественнаго процесса создаетъ такія условія, которыя вынуждаютъ эксплуатируемыхъ бороться противъ частной собственности, что оно увеличиваетъ численность и силу эксплуатируемыхъ и уменьшаетъ численность и силу эксплуататоровъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго, что оно, наконецъ, ведетъ къ невыносимому для массы населенія положенію, которое оставляетъ ей выборъ только между пассивнымъ *вымираніемъ* или активнымъ переворотомъ въ существующемъ строѣ собственности“. То же кратко въ *Коммунистическомъ манифестѣ*: „Классовая война всегда оканчивалась либо кореннымъ переустройствомъ всего общественнаго строя, либо *гибелью* обоихъ борющихся классовъ“.

Мы спрашиваемъ: откуда берется эта непреодолимая необходимость естественнаго процесса, съ которою проникаетъ въ головы эксплуатируемыхъ пониманіе надвигающейся гибели общества и въ сердца ихъ желаніе противодѣйствовать этой гибели, приложить всѣ старанія къ спасенію об-

[1]) *H. E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft.*

щества,—съ которою пролетаріатъ долженъ выставить требованіе отмѣны классовой организаціи и склонить выборъ между пассивнымъ вымираніемъ и активнымъ переворотомъ существующаго строя въ сторону соціалистическаго общежитія? Не есть ли эта необходимость простое отраженіе въ головѣ марксистовъ той необходимости, съ которою даны познанію средства и условія соціальной практики, и не проэктируется ли это отраженіе изъ головы марксистовъ въ чувства и волю пролетаріата? Да, характеръ необходимости съ данной дѣйствительности средствъ и условій переносится марксизмомъ въ перспективу соціальной практики, которая и кажется, такимъ образомъ, находящеюся въ рукахъ познающихъ марксистовъ. Научная система марксизма продѣлываетъ тотъ самый оптическій обманъ, которому мы подаемся въ любой панорамѣ. Это напрашивающееся сравненіе мы встрѣчаемъ у Е. Филиппповича [1]). „Соціалистическую программу“ — пишетъ этотъ авторъ—„можно сравнить съ большими, искусно устроенными, панорамами, которыя показываютъ намъ вдали чудесные ландшафты, при чемъ въ непосредственной близости нашъ взоръ привлекается реальными вещами, осязательною, вещественною дѣйствительностью, и эта вещественно составленная часть зрѣлища совершенно незамѣтно, лишь для остраго зрѣнія уловимо, переходитъ въ картину. Такъ и марксизмомъ фантазія удрученныхъ душъ отъ реальныхъ явленій соціальной жизни, каковы концентрація индустріальнаго производства, постепенно возрастающая соціализація въ смыслѣ сотрудничества многихъ для достиженія одной цѣли, возводится въ страну будущаго, которая прикладывается къ реальной дѣйствительности просто какъ картина. Какъ эта картина должна сдѣлаться дѣйствительностью и какъ потомъ сложится эта дѣйствительность, объ этомъ марксистскій соціализмъ не безъ основаній умалчиваетъ, ибо исторически-необходимое развитіе, правда, можетъ быть опознано по своимъ тенденціямъ, но формы, которыя приметъ новое, чрезъ нихъ созидающееся, общество, не могутъ быть опредѣлены произвольно. Эти, подмѣченныя марксизмомъ, тенденціи развитія суть—концентрація производства, какъ въ индустріи, такъ и

[1]) *Die Entwicklung der wirtschaftspolitischen Ideen im 19. Jahrhundert.*

въ сельскомъ хозяйствѣ, накопленіе капиталовъ въ постепенно уменьшающемся числѣ рукъ, одновременно съ тѣмъ растущее обнищаніе массъ населенія, регулярное повтореніе кризисовъ, какъ слѣдствіе анархіи производства и незначительной покупательной силы большинства населенія, наконецъ, крушеніе этой организаціи и переходъ политической власти къ организованнымъ самимъ же капитализмомъ массамъ. Ни одна изъ этихъ тенденцій экономическаго развитія не остается нынѣ безъ возраженій, и даже тамъ, гдѣ онѣ признаются, ихъ сила и ихъ относительное значеніе для общаго развитія оспариваются,—и это не только внѣ соціалистическаго кружка, но и внутри его самого. Если принять марксизмъ въ строгомъ смыслѣ, тогда онъ приводилъ бы къ фатализму, потому что имманентныя силы, дѣйствующія въ производствѣ и обмѣнѣ, сами собой приведутъ къ соціальной цѣли. Сами Марксъ и Энгельсъ не хотѣли этого дожидаться. Постепенно возрастающимъ и усиливающимся рабочимъ массамъ мало указанія на будущее государство, имъ хочется улучшить свое существованіе и самимъ заправлять имъ".

Мы видимъ—марксизмъ выступаетъ изъ чистой области соціальнаго познанія, поскольку онъ вынужденъ считаться съ психикой субъекта соціальной революціи, пролетаріата, и разсчитывать на этотъ активный факторъ.

Кромѣ того, марксизмъ выступаетъ изъ области познанія и въ другую сторону—въ сторону своего идеала, который онъ беретъ мѣрой для оцѣнки экономической дѣйствительности. Экономическая система марксизма не есть лишь плодъ соціальнаго познанія, каузальнаго объясненія дѣйствительности, чистая наука, но она заключаетъ въ себѣ и элементъ идеальный, есть вмѣстѣ съ тѣмъ система телеологическая.

Идеалъ марксизма—наивысшая экономическая производительность, продуктивность человѣческаго труда. Съ полною ясностью Марксъ высказалъ свой взглядъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ *Theorien über den Mehrwert*, изъ той части, которая посвящена Дав. Рикардо. „Рикардо"—пишетъ Марксъ—„съ полнымъ для своего времени правомъ разсматриваетъ капиталистическій способъ производства, какъ самый выгодный для производства вообще, какъ самый выгодный для созданія богатства. Онъ хочетъ *производства ради производ-*

ства, и въ этомъ онъ *правъ*. Если утверждать, какъ это дѣлали сантиментальные противники Рикардо, что производство, какъ таковое, не является цѣлью, то при этомъ забываютъ, что производство ради производства означаетъ не что иное, какъ развитіе человѣческихъ производительныхъ силъ, слѣдовательно, *развитіе богатства человѣческой природы, какъ самоцѣль*. Если противопоставить, какъ это дѣлаетъ Сисмонди, этой цѣли благо отдѣльной личности, то это равносильно утвержденію, что развитіе рода должно быть *задержано* ради обезпеченія блага отдѣльной личности, что, слѣдовательно, нельзя вести никакой войны, ибо на войнѣ отдѣльныя личности во всякомъ случаѣ погибаютъ. Сисмонди правъ только по отношенію къ тѣмъ экономистамъ, которые эту противоположность *затушевываютъ*, отрицаютъ. Дѣлающіе такое противопоставленіе не понимаютъ, что это развитіе способностей рода—*человѣка*, хотя совершается прежде всего на счетъ большинства человѣческихъ индивидуумовъ и извѣстныхъ человѣческихъ классовъ, въ концѣ концовъ уничтожаетъ этотъ антагонизмъ и совпадаетъ съ развитіемъ отдѣльнаго индивидуума, что, слѣдовательно, высшее развитіе индивидуальности покупается только историческимъ процессомъ, въ которомъ индивидуумы приносятся въ жертву; не будемъ говорить уже о безплодности такихъ размышленій, такъ какъ интересы рода и въ царствѣ людей, какъ въ царствахъ животныхъ и растеній, всегда находятъ себѣ удовлетвореніе насчетъ интересовъ индивидуумовъ. Прямолинейность Рикардо была, слѣдовательно, не только *научно-добросовѣстной*, но и *научно-обязательной* для его точки зрѣнія. Но вслѣдствіе этого ему тоже было безразлично, поражаетъ ли на смерть развитіе производительныхъ силъ поземельную собственность или рабочихъ. Если этотъ прогрессъ лишаетъ цѣнности капиталъ промышленной буржуазіи, для Рикардо онъ является столь же желаннымъ. Если развитіе производительной силы труда на половину лишаетъ цѣнности наличный основной капиталъ, то какое это имѣетъ значеніе? говоритъ Рикардо: производительность человѣческаго труда удвоилась. Здѣсь есть, слѣдовательно, *научная добросовѣстность*. Если пониманіе Рикардо въ общемъ соотвѣтствуетъ интересамъ *промышленной буржуазіи*, то только *потому, что* ея интересы совпадаютъ съ интересами производства или

производительнаго развитія человѣческаго труда, и постольку, поскольку совпадаютъ. Гдѣ интересы развитія производительной силы труда вступаютъ въ противорѣчіе съ интересами буржуазіи, Рикардо столь же *прямолинейно* выступаетъ противъ буржуазіи, какъ въ другихъ случаяхъ противъ пролетаріата и аристократіи".

Слѣдуетъ обратить вниманіе на присутствіе въ идеалѣ марксизма субъективнаго элемента, при чемъ не важно, что субъектомъ въ марксистской системѣ является не индивидуумъ, а родъ, не человѣкъ, а человѣчество. Этимъ элементомъ марксизмъ отличается отъ классической школы, отъ Ад. Смита и Рикардо, хотя это различіе маскируется тѣмъ, что Марксъ отождествляетъ производство ради производства съ развитіемъ богатства человѣческой природы. Однако не трудно разложить идеалъ марксизма на элементы объективный и субъективный. Трудно лишь наблюсти это разложеніе въ собственныхъ формулахъ марксизма, но предположить его легко и даже необходимо. Представимъ себѣ общество съ наивысшею производительностью и съ слабымъ развитіемъ богатства человѣческой природы, представимъ себѣ другое общество съ производительностью не столь высокою, но съ болѣе благопріятнымъ положеніемъ личностей и группъ. Спросимъ марксистовъ, какому обществу они отдали бы предпочтеніе. Рикардо прямо указалъ бы на первое общество, марксисты уклонились бы отъ прямого отвѣта подъ тѣмъ предлогомъ, что наивысшая производительность сопровождается и развитіемъ богатства человѣческой природы. Не будемъ смущаться такимъ отвѣтомъ. Первое общество— это въ глазахъ марксистовъ современное капиталистическое общество: они не упускаютъ ни одного случая подчеркнуть „магическое" развитіе въ этомъ обществѣ производительныхъ силъ, которое впервые дѣлаетъ *возможнымъ* обезпеченное существованіе всѣхъ членовъ общества и полное развитіе ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ задатковъ, но еще не даетъ этого развитія, такъ какъ высшіе классы вырождаются отъ экономическаго ожирѣнія, а пролетаріатъ дичаетъ отъ обнищанія. Ему марксисты предпочитаютъ грядущее соціалистическое общежитіе. Почему? Является ли *фактомъ* еще болѣе высокая производительность въ соціалистическомъ обществѣ? Конечно, нѣтъ. Такая производительность лишь гада-

тельна, тогда какъ развитіе производительныхъ силъ въ современномъ обществѣ несомнѣнно, какъ фактъ. Если бы все дѣло было въ экономической производительности, то не было бы основаній предпочитать журавлей отдаленнаго будущаго синицамъ—и тѣмъ болѣе журавлямъ—настоящаго. Что для марксистовъ *несомнѣнно* и что устраняетъ для нихъ всякое колебаніе при выборѣ, такъ это—развитіе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ всѣхъ членовъ будущаго общества, которое становится возможнымъ при достигнутой уже нынѣ производительности человѣческихъ силъ. Въ идеалѣ марксизма развитіе человѣческой природы не предполагается только, какъ выводъ, но поставляется на первый планъ. И даже среди прямыхъ высказываній Маркса можно найти этому подтвержденіе. Вотъ что онъ пишетъ въ третьемъ томѣ *Капитала*. „Прибавочный трудъ вообще, какъ трудъ, превышающій количество данныхъ потребностей, долженъ быть всегда. Но въ капиталистическомъ или рабовладѣльческомъ и т. п. хозяйствахъ онъ имѣетъ антагонистическую форму и дополняется бездѣятельностью, праздностью нѣкоторой части общества. Опредѣленное количество прибавочнаго труда требуется въ видѣ страхованія противъ случайностей, необходимымъ поступательнымъ расширеніемъ процесса воспроизводства, соотвѣтствующимъ развитію потребностей и прогрессу населенія, что съ капиталистической точки зрѣнія называется накопленіемъ. Одна изъ цивилизующихъ сторонъ капитала заключается въ томъ, что онъ принуждаетъ къ этому прибавочному труду такимъ способомъ и при такихъ условіяхъ, которыя выгоднѣе для развитія производительныхъ силъ, общественныхъ отношеній и созданія элементовъ для новаго высшаго общественнаго строенія, чѣмъ при прежнихъ формахъ, при крѣпостничествѣ, рабствѣ и проч. Онъ, такимъ образомъ, съ одной стороны, доводитъ до такой ступени, на которой исчезаетъ принужденіе и монополизація общественнаго развитія (понимая подъ этимъ также его матеріальныя и умственныя выгоды) одной части общества на счетъ другой; съ другой стороны, онъ создаетъ матеріальное средство и зародышъ для отношеній, которыя дадутъ возможность въ высшей общественной формѣ соединить такой прибавочный трудъ съ гораздо болѣе значительнымъ ограниченіемъ времени, посвященнымъ мате-

ріальному труду вообще, ибо прибавочный трудъ, смотря по развитію производительности труда, можетъ быть значителенъ при непродолжительности всего рабочаго дня и относительно незначителенъ при продолжительномъ рабочемъ днѣ... Дѣйствительное богатство общества и возможность постояннаго расширенія его процесса воспроизводства зависитъ, слѣдовательно, не отъ продолжительности прибавочнаго труда, а отъ его производительности и отъ большаго или меньшаго разнообразія условій производства, въ которыхъ онъ совершается. Царство свободы наступаетъ въ дѣйствительности только тогда, когда прекращается трудъ, вынужденный нуждою и внѣшнею цѣлесообразностью; слѣдовательно, по существу оно находится внѣ сферы матеріальнаго производства собственно. Какъ дикарю для удовлетворенія своихъ потребностей, для поддержанія своего существованія и воспроизведенія приходится бороться съ природой, то же самое приходится дѣлать и человѣку цивилизованному, и дѣлать это приходится при всякихъ общественныхъ формахъ и при всевозможныхъ способахъ производства Съ развитіемъ его расширяется такая область естественныхъ необходимостей, такъ какъ увеличиваются его потребности, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются также производительныя силы, которыя удовлетворяютъ ихъ. Свобода въ этой области можетъ заключаться только въ томъ, чтобы человѣкъ, ставшій существомъ общественнымъ,—объединенные производители регулировали такой свой обмѣнъ веществъ съ природою разумно, подчинили бы его своему контролю, вмѣсто того, чтобы давать ему властвовать надъ собою какъ слѣпой силѣ, чтобы совершалось это съ наименьшею тратою силы и при условіяхъ, наиболѣе достойныхъ ихъ человѣческой природы и наиболѣе ей соотвѣтствующихъ. Но это все-же остается царствомъ необходимости. За нимъ начинается развитіе человѣческихъ силъ, которое само служитъ себѣ цѣлью, дѣйствительное царство свободы, которое однако можетъ процвѣтать, только имѣя основаніемъ такое царство необходимости. Основное для этого условіе—сокращеніе рабочаго дня". Дѣло ясное—развитіе производительныхъ силъ является условіемъ царства свободы, самоцѣлью служитъ развитіе человѣческой природы, развитіе производительныхъ силъ, цѣнно потому, что оно ведетъ къ сокращенію рабочаго дня.

Наличность и даже преобладаніе въ идеалѣ марксизма субъективнаго, или нравственнаго, элемента даетъ возможность назвать этотъ идеалъ субъективно-нравственнымъ по своему содержанію. Но если марксисты и будутъ спорить противъ такого истолкованія ихъ идеала, выдвигая на первый планъ объективную сторону—развитіе производительныхъ силъ, накопленіе экономическаго богатства, если мы сдѣлаемъ ту уступку, что признаемъ нравственный элементъ въ ихъ идеалѣ лишь выводомъ, предположеніемъ, то все-же мы имѣемъ право назвать послѣдній принципъ экономической системы марксизма идеальнымъ, все-же ихъ идеалъ является субъективнымъ по смыслу его примѣненія къ оцѣнкѣ экономической дѣйствительности. Экономическая производительность, или развитіе производительныхъ силъ, иначе сказать, накопленіе національнаго богатства—для экономической системы марксизма не есть лишь, какъ для Рикардо, точка зрѣнія, принятая для обозрѣнія матеріала экономической науки, и формальный принципъ экономической системы, она не есть также лишь эмпирическая цѣль общественнаго развитія. Нельзя сказать, что марксизмъ принимаетъ экономическую производительность формальнымъ принципомъ экономической системы, разсматриваетъ, при какихъ условіяхъ развитіе производительныхъ силъ поднимается или падаетъ, но для него все равно, осуществляется ли и долженъ ли осуществляться этотъ принципъ въ дѣйствительности; равнымъ образомъ нельзя сказать, что марксизмъ принимаетъ этотъ принципъ лишь потому, что въ эмпирической дѣйствительности каждое общество стремится къ наивысшей экономической производительности. Нѣтъ, экономическая производительность, тождественная съ развитіемъ богатства человѣческой природы, для марксизма есть разумный идеалъ [1]), который долженъ осуществиться въ дѣйстви-

[1]) Харазовъ *Das System des Marxismus:* Es ist unmöglich, ernstlich zu bestreiten, dass Marx letzten Endes doch ein Ideal vorschwebte, an dem er die bestehenden Produktionsverhältnisse mass und beurteilte,—das war das Ideal der Produktivität menschlicher Arbeit und der Verkürzung des Arbeitstages, als Grundbedingung eines Reiches der Freiheit, „der menschlichen Kraftentwicklung, die sich als Selbstzweck gilt". Und von dem Standpunkte dieses Ideals aus hat er die bestehende kapitalistische Wirtschaft verworfen.

тельности, который даетъ возможность различать истинную дѣйствительность отъ неистинной, напр. „дѣйствительное богатство общества“ (т. е. истинное). По взгляду Маркса не только все дѣйствительное имѣетъ для себя оправданіе, но и все разумное должно стать дѣйствительнымъ [1]). Экономическая система марксизма проникнута безсознательной телеологіей абсолютнаго, метафизическаго характера [2]): исторіей, по смыслу этой системы, управляютъ разумныя нормы— логическія или этическія.

Самымъ яркимъ выраженіемъ телеологическаго характера экономической системы марксизма нужно признать свойственный ей оптимизмъ. По взгляду Маркса и Энгельса угроза гибели общества или меньшей производительности его имѣетъ объективно-историческое значеніе, общественно-историческая жизнь опредѣляется идеей большей производительности, и общества съ меньшимъ развитіемъ производительныхъ силъ должны уступить мѣсто обществамъ съ высшею производительностью. Развѣ такой взглядъ можетъ быть признанъ реалистическимъ, развѣ марксизмъ, усвояя этотъ взглядъ, остается въ области соціальнаго познанія, каузальнаго объясненія дѣйствительности? По вѣрному сужденію П. Струве, одного изъ самыхъ проницательныхъ критиковъ марксизма, „динамическій тезисъ соціологическаго ученія Маркса обнаруживается предъ нами не какъ теорія *развитія*, или эволюціи, а какъ самая недвусмысленная теорія *прогресса*, или усовершенствованія общества. Въ немъ заключается допущеніе, что выживаетъ, т. е. оказывается наи-

---

[1]) Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus:* Der Satz, dass der Inhalt des historischen Geschehens logisch verlaufe, kann nichts anders bedeuten, als dass eine substantielle Vernunft in ihm wirksam ist.

[2]) Харазовъ *Das System des Marxismus:* Hier wird der Marxismus teleologisch, obwohl es ihm selbst vielleicht verborgen bleibt, und zwar erhält er diesen teleologischen Charakter nicht allein in jenem bedingten Sinne, dass er die Wirksamkeit gewisser Zwecke anerkennt, die wirkliche Menschen im Laufe der historischen Entwicklung verfolgen, sondern auch in dem absoluten Sinne, dass er einen über oder vor der ganzen bisherigen Geschichte stehenden und erst in der Zukunft zur Verwirklichung gelangenden Zweck – den der Verkürzung des Arbeitstages – annimmt, ja sogar zur Basis gewisser bejahender oder verwerfender Werturteile über die mit kausaler Notwendigkeit vor sich gehenden Geschehnisse macht.

болѣе приспособленнымъ къ жизни, экономически наиболѣе производительное, т. е. экономически наиболѣе разумное. Въ этомъ допущеніи содержатся два момента, тѣсно между собою связанные. Во-первыхъ, оно означаетъ внесеніе телеологическаго, чисто „человѣческаго“ критерія экономической раціональности въ схему эволюціи. Во-вторыхъ, такое допущеніе окрашиваетъ всю эту схему въ оптимистическій цвѣтъ, который вообще характеренъ для всѣхъ теорій прогресса. Совершенно ясно, что наибольшая производительность (или наибольшая экономическая раціональность) вовсе *не должна* („должна“ въ смыслѣ естественной необходимости) означать наибольшую приспособленность къ жизни; это въ данномъ отрѣзкѣ времени можетъ быть, но можетъ и не быть, это— частный случай эволюціи, который принципіально невозможно возвести въ ея общій законъ Производительность (въ экономическомъ смыслѣ) стоитъ въ связи съ другими психическими качествами, и ея повышеніе означаетъ повышеніе этихъ качествъ, утонченіе всей духовной организаціи, означаетъ, словомъ, усовершенствованіе человѣка. Но усовершенствованіе организаціи съ такой человѣческой точки зрѣнія вовсе не логически и вовсе не всегда исторически означаетъ лучшее приспособленіе къ жизни, если разсматривать вопросъ именно съ позитивно-научной точки зрѣнія“ [1]). Какъ возможенъ историческій переходъ отъ большей экономической производительности къ меньшей, побѣда обществъ съ наименьшимъ развитіемъ производительныхъ силъ, такъ равнымъ образомъ реалистическій взглядъ долженъ признать возможность гибели человѣческихъ обществъ [2]).

---

[1]) *Проблема роста производительныхъ силъ въ теоріи соціальнаго развитія* (въ *Сборникѣ ст. посв. Ключевскому*).

[2]) Tammaxpъ *Das philosophisch ökonomische System des Marxismus:* Wahrscheinlicher als der Zukunftsstaat ebenso statthaft als der Ersatz durch eine andere Privatwirtschaft ist eine dritte Möglichkeit, der Untergang der Gesellschaft überhaupt. Was rechtfertigt den Optimismus von Marx und Engels, dass in einem künftigen Reiche der Freiheit eine Negation der Negation, eine Synthese notwendig wird und nicht das leere Chaos des Nichts, in dem Wirtschaft und Kultur im ganzen zugrunde gehen? Um so näher liegt ein solcher Pessimismus, da die Widersprüche, mit denen der Kapitalismus behaftet sein soll, letzthin ethische waren. Selbst Marx hat schliesslich nolens volens zugegeben, dass er nicht sowohl unlogisch als unsittlich ist. Vom naturwissenschaftlichen Standpunkt leuchtet offenbar

На чемъ же утверждается соціалистическій оптимизмъ? Изъ какого родника бьетъ ключъ этого упованія на лучшее будущее? Очевидно, такимъ родникомъ можетъ быть лишь вѣра человѣческаго сердца. И ни въ какомъ другомъ пунктѣ своей системы теоретическій марксизмъ не совпадаетъ такъ, какъ въ этомъ пунктѣ, съ соціалдемократическимъ движеніемъ: и въ теоріи, и въ практикѣ позднѣйшій соціализмъ, какъ и прежде утопическій соціализмъ, движется вѣрою И это именно вѣра создаетъ представленіе о катастрофальномъ, „чудесномъ“, спасеніи общества. С. Булгакову пришла счастливая мысль провести сравненіе между современнымъ соціалистическимъ движеніемъ и давней іудейско-христіанской апокалиптикой, мысль, на которую наталкиваетъ исторія тѣхъ религіозно-соціальныхъ движеній, которыя служатъ историческими звеньями, связывающими древнюю апокалиптику съ позднѣйшимъ соціализмомъ. И онъ нашелъ ближайшее сродство между этими хронологически отдаленными историческими явленіями. „Въ соціализмѣ слѣдуетъ различать цѣль или идеалъ и движеніе или практику. Послѣдняя составляетъ предметъ научной политической экономіи и реалистической соціальной политики, первая принадлежитъ къ области вѣрованій и упованій религіознаго (въ широкомъ смыслѣ слова) характера. Въ основѣ соціализма, какъ міровоззрѣнія, лежитъ старая хиліастическая вѣра въ наступленіе земного рая (какъ это нерѣдко и прямо выражается въ соціалистической литературѣ) и въ земное преодолѣніе исторической трагедіи. Соціализмъ это—раціоналистическое, переведенное съ языка космологіи и теологіи на языкъ политической экономіи переложеніе іудейскаго хиліазма, и всѣ его dramatis personae поэтому получили экономическое истолкованіе. Избранный народъ, носитель мессіанской идеи, или, какъ позднѣе въ христіанскомъ сектантствѣ, народъ „святыхъ“, замѣнился пролетаріатомъ съ особой пролетарской душой и особой революціонной миссіей, причемъ избранность эта опредѣляется уже не внутреннимъ самоопредѣленіемъ, какъ необходимымъ условіемъ мессіанскаго

---

eher die Möglichkeit ein, dass in solchem Falle die egoistischen Kapitalisten und das ausgebeutete Volk dem allgemeinen Verfall preisgegeben werden.

избранія, но внѣшнимъ фактомъ принадлежности къ пролетаріату, положеніемъ въ производственномъ процессѣ, признакомъ сословности. Роль deus ex machina, облегчающаго переходъ къ хиліазму, въ соціализмѣ, соотвѣтственно духу времени и его излюбленной наукообразной миѳологіи, играютъ „законы“ развитія общества или роста производительныхъ силъ, которые сначала подготовляютъ этотъ переходъ, а затѣмъ, при извѣстной зрѣлости процесса, въ силу его „внутренней и неизбѣжной діалектики“ вынуждаютъ переходъ къ соціализму, повелѣваютъ сдѣлать „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы“. Такимъ образомъ, роль эта, ранѣе отводившаяся мессіи или прямо Божеству, здѣсь приписана безличному, въ значительной мѣрѣ миѳологическому абстракту, пантеистическому понятію „закона развитія производительныхъ силъ“, при чемъ однако и онъ служитъ нрежнюю службу,—локомотива, который доставитъ историческій поѣздъ изъ царства необходимости въ царство свободы—въ Zukunftstaat или въ столицу Моровской Утопіи“ [1]).

Марксизмъ вѣруетъ въ свой идеалъ: это для насъ важно констатировать. Но мы можемъ также спросить: имѣетъ ли онъ право вѣровать? оправдывается ли его вѣра основами его системы? Нѣтъ. Научность своей системы онъ нарушаетъ внесеніемъ въ нее элемента вѣры, а право вѣровать онъ подрываетъ исповѣдуемыми имъ позитивно-научными принципами: въ марксизмѣ телеологія есть не вѣра, а суевѣріе [2]).

Переходимъ теперь ко второму изъ поставленныхъ выше вопросовъ: можно ли раціонализировать соціальную жизнь путемъ научнаго предвидѣнія будущаго? Говоря иначе, можно ли руководствоваться въ соціальной жизни прогнозомъ относительно будущаго, или—можно ли предопредѣлять будущее по прошлому и настоящему?

И на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Этимъ

---

[1]) *Апокалиптика и соціализмъ (Два града).*

[2]) Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus:* Man sieht leicht, dass Glaube an die Immanenz eines normativen, sei es eines logischen oder eines sittlichen Prinzips im materialistischen System, ein logisch und sachlich ungerechtfertigter Wahn ist... Der idealistische Metaphysiker trägt mit dem Gedanken der immanenten Teleologie den Glauben in die Wissenschaft, der materialistische den Aberglauben.

путемъ нельзя раціонализировать соціальную жизнь, такъ какъ невозможно научное предвидѣніе историческаго будущаго [1]).

Что значитъ научное предсказаніе будущаго и въ какомъ смыслѣ оно возможно? Для научнаго предсказанія будущаго должны быть извѣстны, во-первыхъ, законы, опредѣляющіе связь явленій данной области, и, во вторыхъ, состояніе системы явленій въ данный моментъ времени, при предположеніи, что факторы останутся неизмѣнными во все то время, на которое простирается научный прогнозъ [2]). Отсюда слѣдуетъ, что научное предсказаніе возможно лишь по отношенію къ явленіямъ природы и невозможно по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ. Существуютъ законы, управляющіе соціальною жизнью [3]); доступно познанію состояніе

---

[1]) Риккертъ въ книгѣ *Границы естественно-научнаго образованія понятій (Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung)* останавливается и на той мысли, что предвидѣніе будущаго, если бы оно было доступно намъ, угашало бы нашу волю, наше хотѣніе. „Если бы мы могли предвидѣть будущее въ его индивидуальности и если бы мы, стало быть, точно знали, что *должно* наступить, все хотѣніе и дѣйствованіе тотчасъ утратило бы смыслъ. Итакъ, мы имѣемъ основаніе только радоваться тому, что не существуетъ никакихъ историческихъ законовъ. Ирраціональность дѣйствительности, полагающая предѣлъ всякому естественно-научному пониманію, принадлежитъ въ то же время къ числу высочайшихъ благъ для того, кто, всегда стремясь, дѣлаетъ усиліе. Рука, покрывшая будущее непроницаемой для насъ, людей, завѣсой, милостива. Если бы и будущее въ его индивидуальности было объектомъ нашего знанія, оно никогда не оказывалось бы объектомъ нашего хотѣнія. Въ совершенно раціональномъ мірѣ никто не можетъ дѣйствовать".

[2]) Чупровъ *Очерки по теоріи статистики,* Навиль *Nouvelle classification des sciences*, Зиммель *Die Probleme der Geschichtsphilosophie,* Гуссерль *Logische Untersuchungen.*

[3]) Я признаю *соціологію* особой наукой, отличной и отъ исторической науки и отъ философіи, какъ науку о законахъ соціальной жизни, не затрогивая однако вопроса о томъ, отлична ли соціологія, какъ наука, скажемъ, о формахъ общежитія, отъ частныхъ соціальныхъ наукъ, или она существуетъ лишь въ послѣднихъ. См. Менгера *Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere*, Кистяковскаго *Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie*, Зиммеля *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung* (гл. I: Das Problem der Soziologie), Ковалевскаго *Соціологія* т. I. Соціальный законъ я отличаю отъ закона историческаго, о которомъ рѣчь будетъ ниже; въ данномъ мѣстѣ я говорю не о томъ,

соціальной жизни въ данный моментъ времени, но факторы соціальной жизни не обладаютъ неизмѣнностью. Ихъ необходимо признать измѣнчивыми, признаемъ ли мы вмѣстѣ съ Мейеромъ [1]) въ числѣ факторовъ соціальной жизни случай и свободу воли, или допустимъ вслѣдъ за Бергсономъ возможность творческаго начала въ нашей жизни [2]), или оцѣнимъ историческую роль индивидуальнаго изобрѣтенія,

---

что̀ есть историческій законъ, а о томъ, что̀ онъ не есть,—что нѣтъ исторической закономѣрности. Соціологію отождествлялъ съ исторіей Фюстель де-Куланжъ. Объ отличіи исторіи отъ соціологіи см. Бернгейма *Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie* и Гротенфельта *Die Wertschätzung in der Geschichte.* Отличаю я соціологію и отъ *философіи исторіи,* которая, по моему взгляду, имѣетъ дѣло съ вопросомъ о смыслѣ исторіи, о высшемъ синтезѣ развитія человѣчества, и которая, по моему мнѣнію, можетъ быть лишь частью *личнаго* міросозерцанія, а не наукой. Этимъ замѣчаніемъ я единственно хочу указать, въ какомъ смыслѣ я употребляю эти термины: доселѣ они употреблялись крайне неустойчиво—у каждаго соціолога, философа исторіи и теоретика исторіи по своему.

[1]) *Zur Theorie und Methodik der Geschichte. Geschichtsphilosophische Untersuchungen:* Die Naturwissenschaft kann berechnen und voraussehen, wie die Constellation der Planeten in einem bestimmten Moment sein wird—vorausgesetzt, dass nicht ein neues, bisher unbekanntes Moment störend dazwischentritt, etwa ein fremder Weltkörper sich in das Sonnensystem verirrt; sie kann aussprechen, dass wenn Dynamit entzündet wird, eine Explosion erfolgen muss. Aber vorauszusagen, ob jene Constellation beobachtet wird, ob und wann in einem Einzelfalle diese Explosion stattfindet, ob dabei ein bestimmter Mensch verwundet, getödtet, gerettet wird, mit andern Worten, ob das historische Ereigniss eintritt, das ist ihr unmöglich, denn das hängt vom Zufall und vom freien Willen ab, den sie nicht kennt, wohl aber die Geschichte.

[2]) *Творческая эволюція* (Evolution créatrice): „Наша личность непрерывно развивается, растетъ, зрѣетъ. Каждый моментъ имѣетъ нѣчто новое, прибавляющееся къ прежнему. Скажемъ болѣе, не только новое, но и непредвидѣнное.. Наука смотритъ на вещи съ точки зрѣнія ихъ *повторенія.* Она можетъ оперировать только надъ тѣмъ, что считается повторяющимся. Отъ нея ускользаетъ то, что есть неповторяющагося и необратимаго въ послѣдовательныхъ моментахъ какой-либо исторіи.. Сущность механическихъ объясненій состоитъ въ томъ, что признаютъ возможнымъ вычислить будущее и прошлое, какъ функціи настоящаго, и что такимъ образомъ *все предполагается даннымъ.* Но—мы знаемъ время, какъ потокъ, который не можетъ быть пройденъ въ обратномъ порядкѣ или повторенъ снова“ и т. д. Припомнимъ также формулированный Вундтомъ *принципъ нарастанія психической энергіи,* см. его Очеркъ психологіи, Логику, Систему философіи.

открытія (invention), какъ это дѣлаетъ французскій соціологъ Тардъ [1]), или, наконецъ, примемъ въ расчетъ необозримую сложность психической причинности, не допускающую вполнѣ тождественнаго повторенія историческихъ событій и оставляющую мѣсто лишь для регрессивнаго, а не для прогрессивнаго, объясненія ихъ, на что обратили наше вниманіе Зиммель [2]) и Бернгеймъ [3]). Существуютъ законы, которыми опредѣляется соціальная жизнь, но не существуетъ соціально-исторической закономѣрности въ смыслѣ безуслов-

---

[1]) Тардъ признаетъ три фактора соціальной жизни: изобрѣтеніе (invention), которое бываетъ индивидуальнымъ, подражаніе (imitation), посредствомъ котораго изобрѣтеніе становится общимъ достояніемъ, и конфликтъ между разными изобрѣтеніями (opposition), въ результатѣ котораго одно изобрѣтеніе одерживаетъ верхъ надъ другими. Изслѣдованію этихъ трехъ факторовъ Тардъ посвятилъ три важнѣйшихъ изъ своихъ сочиненій: *Les lois de l'imitation (Законы подражанія), La logique sociale (Соціальная логика)* и *L'opposition universelle.* Взгляды, изложенные въ этихъ книгахъ, кратко суммированы авторомъ въ *Les lois sociales. Esquisse d'une sociologie.* Въ первомъ изъ названныхъ сочиненій Тардъ пишетъ: „Выводятъ ошибочное заключеніе, что когда-нибудь статистика будетъ въ состояніи предсказывать будущее соціальное положеніе такъ же вѣрно, какъ предсказываетъ астрономъ будущее прохожденіе Венеры. Но... статистика сосредоточена въ области подражанія и область изобрѣтенія для нея является запретной. Будущее будетъ тѣмъ, чѣмъ будутъ его изобрѣтатели, которыхъ статистика не знаетъ и появленіе которыхъ не содержитъ ничего, что можно было бы формулировать въ видѣ закона".

[2]) *Die Probleme der Geschichtsphilosophie:* Solange wir nur Kollektivwirkungen kennen, stehen wir jeder neuen kompl.xen Thatsache in Bezug auf ihre kausalen Verknüpfungen völlig unbelehrt gegenüber; denn mag sie in noch so vielen Punkten mit einer früher festgestellten übereinstimmen, so genügt doch die kleinste Abweichung, um jede Bestimmung ihrer Wirkung illusorisch zu machen, weil wir mangels der Auflösung in Teilursachen und Teilwirkungen nicht wissen können, *welchen* Teil der früher beobachteten Wirkung die Abänderung in der Ursache alterieren wird. Die Ereignisse, deren Verknüpfung zu historischen Gesetzen wir suchen, sind aus so vielen Beiträgen zusammengesetzt, dass man die genaue Wiederholung des verursachenden an einer anderen Stelle von Zeit und Raum getrost als unmöglich bezeichnen kann.

[3]) *Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie:* Die historische Erkenntnis hat es mit den ursächlichen Zusammenhängen von Erscheinungen zu thun, welche ihrem Wesen nach durch psychische Kausalität bestimmt sind und daher ihrem Wesen nach nur von ihren qualitativ differenten Zwecken aus begriffen und regressiv erklärt, nicht

ной и механической необходимости историческаго развитія [1]). Исторія человѣчества совершается не въ формѣ круговорота (Kreislauf), а въ формѣ безпредѣльнаго развитія (Entwicklung [2]).

---

aus allgemeinen Gesetzen progressiv abgeleitet und unter allgemeine Begriffe subsumiert werden können. Gesetze und Begriffe naturwissenschaftlicher Art sind nicht zureichende Mittel historischer Erkenntnis.—Ср. того же автора *Einleitung in die historische Wissenschaft=Введеніе въ историческую науку:* „Психическая причинность не менѣе, нежели физическая, покоится на началѣ всеобщей естественной необходимости и точно также имѣетъ свои общіе законы, но она иначе объясняетъ явленія своей области: не въ смыслѣ разъ навсегда опредѣленныхъ и заранѣе предопредѣляемыхъ слѣдствій соотвѣтствующихъ причинъ (прогрессивно), но въ смыслѣ послѣдствій, которыя наступили при особенныхъ обстоятельствахъ единичнаго случая и причины которыхъ подлежатъ еще опредѣленію (регрессивно).—Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus:*... die objektiven Gesetze der Geschichte, auch wenn die kausale Tatsächlichkeit möglichst einwandfrei festgestellt ist, nur hypothetischen Wert beansprüchen können, da man nicht weiss, ob nicht der Mensch sich selbst gerade nach dieser Richtung geändert hat.

[1]) Вейзенгрюнъ *Das Ende des Marxismus:*... keine Entwicklungsnotwendigkeit im absoluten und mechanischen Sinne in sozialen Dingen...

Риккертъ въ названномъ сочиненіи: „Даже если бы можно было примѣнять тѣ понятія законовъ, которыя могутъ иногда встрѣчаться въ какомъ-либо историческомъ изложеніи, и тогда говорить о „тенденціяхъ развитія", все-таки вслѣдствіе реальной исторической связи различныхъ событій всегда получалась бы лишь *возможность* того, что наступитъ опредѣленное событіе, подходящее подъ нѣкоторое относительно-историческое понятіе. Абсолютно не допускающее предвидѣнія воздѣйствіе какихъ-либо другихъ историческихъ объектовъ всегда можетъ нарушить „тенденцію развитія" и поэтому исключаетъ всякую достовѣрность предсказанія".

Кистяковскій *Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій:* „Наступленіе какой нибудь высшей стадіи развитія, какъ и всякаго конкретнаго явленія, не можетъ быть безусловно необходимо, такъ какъ оно всегда будетъ результатомъ пересѣченія многихъ причинно-обусловленныхъ рядовъ въ опредѣленномъ пунктѣ пространства и въ извѣстный моментъ времени. Оно всегда будетъ находиться въ противорѣчіи съ безусловной необходимостью, какъ внѣпространственностью и внѣвременностью. Слѣдовательно, безусловную увѣренность въ необходимости наступленія слѣдующей стадіи развитія экономическому матеріалисту можетъ сообщить его нравственное чутье и вѣра въ то, что стремленіе къ наиболѣе справедливому соціальному строю присуще всякому и общеобязательно для всякаго". Ср. его же *Gesellschaft und Einzelwesen.*

[2]) Книсъ *Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte:* Wir

Каждый день исторіи имѣетъ что-нибудь новое сравнительно со всѣмъ прошлымъ. „Факты исторіи“, по словамъ Ксенополя [1]), „постоянно измѣняются. Повидимому, они повторяются, но на самомъ дѣлѣ они всегда суть иные. Сущность человѣческой жизни сохраняется та же самая, но она всегда проявляется въ различныхъ формахъ... Факты никогда не повторяются въ тождественномъ видѣ. Это суть тѣ же старые факты плюсъ нѣчто новое: A+x, изъ которыхъ именно x играетъ наиболѣе важную роль“. Предвидѣть будущее значитъ предвидѣть этотъ измѣнчивый x,—и это прежде всего есть психика будущихъ поколѣній, ихъ идеалы, взгляды, надежды, стремленія, а также будущія открытія и изобрѣтенія [2]). Эта невозможность научнаго предвидѣнія историческаго будущаго не есть временный результатъ нашихъ несовершенныхъ историческихъ познаній, и нѣтъ мѣста надеждѣ на открытіе законовъ историческаго развитія. Если бы наше историческое познаніе и было болѣе совершеннымъ, если бы удалось открыть законы соціальнаго развитія, это не дало бы намъ возможности полнаго, практически-полезнаго для соціальнаго устроенія, предвидѣнія будущаго. Самое совершенство познанія дѣлало бы сомнительнымъ возможность соціально-полезнаго предусмотрѣнія. Историческіе законы съ самаго момента своего открытія перестали бы „принадлежать исторіи“: они сдѣлались бы средствами нашей практики [3]). Познаніе, истинное или мнимое, законовъ обществен-

---

erkennen in dem Bezirk des Geistigen unter Anderem insbesondere auch nicht Veränderungen in einem „*Kreislauf*“, welche immer wieder zu vorhergegangenen Stufen zurückkehren, sondern eine andauernd zu neuen Stufen fortschreitende *Entwicklung*.

[1]) *La théorie de l'histoire.*

[2]) Шмоллеръ *Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft* въ сборникѣ *Ueber einige Grundfragen der Socialpolitik und der Volkswirtschaftslehre*): Jedes Urteil über die socialen Organisationsformen der Zukunft schliesst ein Urteil über die Zukunft der Technik und ein Urteil über das psychologisch moralische Triebleben der künftigen Generationen in sich.

Ср. Макензи *An introduction to social philosophy*: History cannot even tell us that the past *must* have been as it was: much less can it enable us to predict that, amid the ever-changing stream of conditions, the future will in any particular respects resemble what the past has been.

[3]) Мейеръ *Zur Theorie und Methodik der Geschichte*: in dem Moment, wo sie (Gesetze des historischen Lebens) entdeckt wären, würden sie aufhö

наго движенія даетъ всѣмъ заинтересованнымъ силу пользоваться имъ въ своихъ интересахъ, а это обстоятельство уже измѣняетъ ходъ общественнаго развитія,—къ предусмотрѣнному A, къ познанной „сущности человѣческой жизни", присоединяетъ неожиданную индивидуальную форму, неожиданный x, которымъ обезцѣнивается предвидѣніе. Такого измѣненія не произошло бы лишь въ томъ случаѣ, если бы предсказаніемъ не затрогивались интересы людей, или если бы заинтересованность совпадала съ естественнымъ направленіемъ исторіи, если бы всѣ члены общества были одинаково заинтересованы въ этомъ направленіи. Но когда интересы расходятся, желанія людей разнообразно сталкиваются и многоразлично измѣняются, предвидѣніе является уже невозможнымъ. Такъ не оправдалась теорія обнищанія. По словамъ Виппера [1]), „теорія обнищанія, вѣроятно, дѣйствовала на воображеніе очень многихъ людей, но никогда не служила правиломъ дѣятельности. Рабочія массы не дожидались окончательнаго ухудшенія своей участи; они не ставили вопроса: „все или ничего"; они организовывались въ профессіональные союзы, добивавшіеся мѣстныхъ и частныхъ улучшеній; они вступали на почву политической борьбы, вводили своихъ представителей въ парламентъ, принимались за такъ называемую практическую политику, хлопотали объ охранѣ фабричнаго труда, участвовали въ законодательствѣ страхованія" и т. д. Навстрѣчу рабочимъ шло государство, и предсказаніе Маркса не сбылось. Съ своей стороны капиталисты принимаютъ мѣры самосохраненія и посредствомъ картелей обезцѣниваютъ теорію кризисовъ. Бернштейнъ, теоретикъ перерожденія радикальнаго соціализма въ ревизіонизмъ, въ практику компромиссовъ, справедливо сказалъ [2]): „Исторія человѣческая уже давно не разви-

ren der Geschichte anzugehören. sie würden für die historische Forschung niemals Objecte, sondern Voraussetzungen sein. Проф. Хвостовъ *Теорія историческаго процесса:* „Общественная жизнь при самомъ процессѣ проведенія задуманныхъ реформъ мѣняется. Каждую реформу приходится поэтому осуществлять въ обстановкѣ, уже измѣненной ея проведеніемъ въ жизнь, т. е. отличной отъ той, при которой реформа была задумана".

[1]) *Очерки теоріи историческаго познанія.*

[2]) *Zur Geschichte und Theorie des Socialismus=Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма.*

вается въ томъ смыслѣ, что ея тенденціи доходятъ до своихъ крайнихъ выводовъ“ [1]). Мы вынуждаемся уже сдѣлать различіе между безсознательнымъ ходомъ соціально-историческаго развитія и возникающею сознательностью: законъ соціально-историческаго развитія вполнѣ господствуетъ надъ людьми лишь при условіи безсознательности соціальнаго процесса [2]), напротивъ—возникающее сознаніе, или познаніе закона, освобождаетъ человѣка отъ слѣпой необходимости. Правда, мы можемъ думать, что все общество живетъ безсознательно, и это даетъ основаніе для слѣпой необходимости соціально-историческаго процесса, а одинъ какой-нибудь мудрецъ, скажемъ Марксъ, постигаетъ законъ этого процесса, и это даетъ основаніе предвидѣть будущее. Это мыслимо, но лишь до тѣхъ поръ, пока этотъ мудрецъ не открываетъ своей тайны...

Сдѣлаемъ послѣдній выводъ изъ нашихъ разсужденій въ примѣненіи къ критикѣ научнаго соціализма. Если соціаль-

[1]) Ср. Шмоллеръ *Ueber einige Grundfragen der Socialpolitik und der Volkswirtschaftslehre*: Es giebt keine Revolution, die absolut nötig, absolut unvermeidlich wäre. Jede Revolution ist durch zeitgemässe Reform zu verhindern.

Пониманіе тормозящаго вліянія на ходъ историческихъ событій со стороны сознательной дѣятельности заинтересованныхъ въ этомъ группъ, пониманіе неизбѣжности „прямого“ вмѣшательства лицъ съ противоположными интересами, не желающихъ смягченія соціальныхъ конфликтовъ,—лежитъ въ основѣ синдикализма. Это съ полною ясностью и рѣшительностью высказалъ Сорель въ своихъ *Размышленіяхъ о насиліи*. Марксъ ошибся, предположивъ, что буржуазія не будетъ нуждаться въ давленіи—для того, чтобы пустить въ ходъ свою силу: оказался новый и совершенно непредвидѣнный фактъ — буржуазія, стремящаяся уменьшить свои силы. Буржуазія, введенная въ заблужденіе проповѣдниками морали, возвращается назадъ къ идеалу консервативной умѣренности, пытается облегчить гнетъ производства: этимъ создается „неопредѣленность“ положенія, спутывается намѣченный Марксомъ путь. Эту неопредѣленность и хочетъ сознательно исправить синдикализмъ, пуская въ ходъ насиліе пролетаріата. Насиліе пролетаріата выступаетъ на сцену одновременно съ тѣмъ, какъ соціальный міръ стремится смягчить соціальные конфликты; насиліе пролетаріата возвращаетъ хозяевъ къ ихъ роли производителей и возстановляетъ, такимъ образомъ, классовыя различія въ то самое время, когда они, казалось, смѣшаются въ одномъ демократическомъ болотѣ.

[2]) Марксистскую теорію соціальнаго развитія Ж. Сорель сравниваетъ съ „философіей Безсознательнаго“ Гартмана.

ная жизнь не можетъ быть вполнѣ раціонализирована, то невозможно научное построеніе системы, объединяющей соціальное познаніе съ соціальнымъ идеаломъ, въ частности, невозможенъ и научный соціализмъ. Этотъ приговоръ надъ научнымъ соціализмомъ можно считать не только твердо обоснованнымъ, но и общепринятымъ среди критиковъ марксизма. Мы приведемъ отзывъ Зомбарта [1]). „Марксъ хотѣлъ противопоставить *научный* соціализмъ *утопическому*. Теперь же убѣдились, что эта затѣя неудачна въ самой своей основѣ. Всемірно-историческое значеніе заслуги Маркса (поскольку она касается соціализма) лежитъ не въ ея научномъ характерѣ, а въ обоснованіи соціальнаго движенія на реальныхъ началахъ историческаго развитія и интереса, а это не имѣетъ ничего общаго съ наукой; попытка же *научно* доказать необходимость соціализма должна быть признана неудачной, ибо никогда нельзя доказать *правильность* соціальнаго стремленія, борьбы за новый строй, который еще только нужно создать. Наукѣ остается только открывать причинную связь эмпирическаго міра; она выйдетъ за предѣлы своей компетенціи, если захочетъ *доказывать правильность* или даже только необходимость чего-либо желаемаго, чего-либо еще не наступившаго. Конечно, практическое стремленіе можетъ съ успѣхомъ воспользоваться научнымъ познаніемъ. Его оправданіе не въ томъ, что оно истинно, а въ томъ, что оно *цѣнно* и *полно мощи*. Научный же соціализмъ—это внутреннее противорѣчіе. Поэтому надо кореннымъ образомъ отдѣлить науку отъ соціализма“ [2]).

---

[1]) *Sozialismus und soziale Bewegung=Соціализмъ и соціальное движеніе.*

[2]) Струве пишетъ въ *Die Marxsche Theorie der sozialen Entwicklung* по этому пункту съ обычною для него вдумчивостью: Wenn man sich nach der Herkunft der Begriffe „Soziale Revolution“, „Zusammenbruch der kapitalistischen Gesellschaft“ etc fragt, so ist keine andere Antwort auf diese Frage möglich als folgende: diese theoretischen Pseudobegriffe sind dem unvermeidlich irreführenden Bestreben erwachsen praktisch politische Postulate des Sozialismus, d. h. eines sozialen Ideals, in theoretische Begriffe im Dienste einer geschichtlichen d h. kausal genetischen Betrachtung umzuprägen. Was als leitende Ideen im sozialen Jdeal einer streitbaren sozialen Gruppe für einen bestimmten historischen Moment berechtigt sein mag, ist keineswegs ohne weiteres für die theoretische Erkenntnis des wirklichen gesellschaftlichen Geschehens verwertbar... Eine regulative sozialpolitische Idee, ein soziales Ideal, welches starr ist und starr sein soll, ist für

Съ научнымъ политико-экономическимъ обоснованіемъ соціализма можно считать дѣло покончеппымъ. Однако марксизмъ, если бы и согласился съ критикой своего экономическаго ученія, можетъ, съ своей стороны, не признавать своего дѣла окончательно проиграннымъ. Представляется, повидимому, возможнымъ перенести весь вопросъ въ новую инстанцію, изъ сферы науки въ сферу философіи. На почвѣ научно-эмпирической мы наталкиваемся на дуализмъ соціальныхъ явленій, на самобытное субъективное царство интересовъ, нравственныхъ чувствъ, идеаловъ, но не окажется ли эта самобытность субъективной области призрачною, этотъ соціальный дуализмъ относительнымъ, если мы вникнемъ въ закулисную, не поддающуюся непосредственному наблюденію, сторону соціально-исторической жизни? Не сведется ли этотъ кажущійся дуализмъ къ философскому монизму, если мы поставимъ вопросы о послѣднихъ результатахъ, объ историческомъ значеніи мотивовъ соціальнаго дѣйствія и объ историческомъ корнѣ людскихъ побужденій? Такъ это и говоритъ Энгельсъ въ очеркѣ о *Л. Фейербахѣ*. „Каковъ бы ни былъ ходъ исторіи, люди дѣлаютъ ее такъ: каждый преслѣдуетъ свои собственныя цѣли, а въ результатѣ множества дѣйствующихъ по различнымъ направленіямъ стремленій и ихъ разнообразныхъ воздѣйствій на

---

das Erfassen des gesellschaftlichen Entwicklungsprozesses gar nicht verwendbar. Für die entwicklungsgeschichtliche Betrachtung ist der Sozialismus, wenn sie diesen Begriff und dieses Wort benützen will, in so und so beschaffenen realen Vorgängen und Tendenzen der kapitalistischen Gesellschaft erschöpft, der praktische Sozialist aber kann und meinetwegen darf in denselben nur—„Verewigung“ der kapitalistischen Gesellschaft erblicken. Es ist offenbar aussichtslos diese zwei Standpunkte versöhnen zu wollen: denn sie arbeiten mit ganz verschiedenen Begriffen und wenden ganz verschiedene Massstäbe an. Sie können sich gegenseitig psychologisch aushelfen—aber logisch müssen sie immer grundsätzlich *autonom* bleiben. Es hiesse sich überhaupt einem Wahne hingeben, wollte man praktische Ideale mit theoretischen Einsichten zur vollständigen Deckung bringen. In diesem Sinne liegt in der Wortverbindung: *wissenschaftlicher Sozialismus* eine grosse Utopie eingeschlossen. Der Sozialismus kann—seiner Natur nach, als soziales Ideal—in der Wissenschaft nie aufgeben und sie der Wissenschaft nie unterordnen.

По тому же вопросу высказывались Бернштейнъ *Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich?=Возможенъ ли научный соціализмъ?*—Вольтманъ, Штаммлеръ и мн. др.

внѣшній міръ получается исторія. Вопросъ сводится, стало быть, къ тому, чего хочетъ это множество отдѣльныхъ лицъ... Но, съ одной стороны, дѣйствующія въ исторіи многія единичныя стремленія въ большинствѣ случаевъ ведутъ за собою совсѣмъ не тѣ послѣдствія, какія имѣлись въ виду. Очень часто эти послѣдствія прямо противоположны желаніямъ дѣятелей. И уже по одному этому побужденія, руководившія дѣятелями, имѣютъ въ послѣднемъ счетѣ лишь второстепенное значеніе. А съ другой стороны, является новый вопросъ о томъ, каковы же тѣ силы, которыя дали волѣ людей то или иное направленіе, каковы тѣ историческія причины, которыя отразились въ головахъ дѣятелей въ видѣ данныхъ побужденій". Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ марксизмъ и предлагаетъ свою теорію историческаго матеріализма.

Такъ мы, постепенно углубляясь, перешли отъ разсмотрѣнія марксизма, какъ коллективистическаго плана общественнаго строя, къ экономическому ученію его, а отъ экономическихъ теорій переходимъ къ его историко-философскому ученію. Историческій матеріализмъ составляетъ послѣднюю предпосылку научнаго соціализма, его глубочайшее основаніе.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
...ственных Наук
... СССР